

ДЕМИС. Демографические исследования.

2023. Том 3. № 2

DEMIS. Demographic research.

2023. Vol. 3. No. 2

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI: 10.19181/demis.2023.3.2

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI: 10.19181/demis.2023.3.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала серия Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate El No. FS 77-83138 issued on April 26, 2022, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Free access
Authors are not charged for publication

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
www.demis-journal.ru

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
www.demis-journal.ru

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Editorial board

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавazi Мохаммад Джалал, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

До Кармо Роберто Луиз, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия

Пизарро Синтия Александра, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рыбаковский Леонид Леонидович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Хорие Норю, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, ИО директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Sergey V. Ryazantsev, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Evgeniya M. Moiseeva, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Olga D. Vorobyova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Natalia S. Gavrilova, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA

Martin Geiger, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada

Roberto Luiz Do Carmo, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil

Vasily I. Zhukov, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia

Alla E. Ivanova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Kristine Brenda Inglis, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia

Aisem Biriz Karachay, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey

Seongjin Kim, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea

Victoria Y. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Artem S. Lukyanets, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Philip Martin, PhD, Professor, University of California, Davis, USA

Elena A. Marushiakova-Popova, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Irina N. Molodikova, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Central European University, Budapest, Hungary

Cynthia Alexandra Pizarro, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Leonid L. Rybakovsky, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Norio Horie, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Acting Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Caress Schenk, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ Т. Н. ЮДИНУ С ЮБИЛЕЕМ! 7

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

Кашепов А. В. ПРОГНОЗЫ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 10

Акрамов Ш. Ю., Блиничкина Н. Ю. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ 28

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Чан Нгуен Фуок Тонг. ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ РЕПАТРИАЦИИ И РЕИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РЕГИОНЕ АСЕАН 40

Долженкова Е., Мохорова А. Ю. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 55

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Динь Тиен Хьеу, Нгуен Тху Хонг. РОЛЬ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ ВО ВЬЕТНАМЕ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ПОРТОМ ХАТЬЕН И МЕЖДУНАРОДНЫМ РЫНКОМ В XVII–XVIII ВВ. 66

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Мамадалиева Х. Х. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА 78

Рязанцев С. В., Чимбаза Чума Грейс. НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ В ЗАМБИИ 92

Чан Тхи Тхань Хуен. COVID-19 И ТРАНСГРАНИЧНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ ВЬЕТНАМОМ И ЛАОСОМ: ПОСЛЕДСТВИЯ И РЕШЕНИЯ 109

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Храмова М. Н., До Хьонг Лан. ВЬЕТНАМСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ: ИММИГРАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА 119

Аунг Хлайн Пью, Кузнецов Н. Г. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ МЬЯНМОЙ И ТАИЛАНДОМ: ПОДХОДЫ К ЛЕГАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ 134

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Бвалья Чанда, Храмова М. Н.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЗАМБИИ.....	144
<i>Нгуен Мань Хунг, Ле Дюк Ань.</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ: ПОДХОДЫ ЕС И АСЕАН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ростовская Т. К.</i> СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО СБЕРЕЖЕНИЮ МУЖЧИН И ПОДДЕРЖКЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА.....	168
<i>Осадчая Г. И., Волкова О. А.</i> ИНТЕГРАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ).....	172
<i>Попова С. М., Храмова М. Н., Чжан Чжань.</i> АДАПТИВНАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА)	182

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

<i>Рязанцев С. В.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО»	191
--	-----

CONTENT

ANNIVERSARY GREETINGS FOR TATIANA N. YUDINA.....	7
--	---

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

<i>Alexey V. Kashepov</i> . POPULATION PROJECTIONS FOR RUSSIA.....	10
<i>Sharif Yu. Akramov, Nadezhda Yu. Blinichkina</i> . DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL MIGRATION.....	28

ECONOMIC DEMOGRAPHICS

<i>Tran Nguyen Phuoc Thong</i> . POLICIES AND REGULATIONS FOR REPATRIATION AND SUSTAINABLE REINTEGRATION IN THE ASEAN REGION	40
<i>Ekaterina Dolzhenkova, Anna Yu. Mokhorova</i> . EAEU INTEGRATION PROCESSES IN CONDITIONS OF SANCTIONS: SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS	55

HISTORICAL DEMOGRAPHICS

<i>Dinh Tien Hieu, Nguyen Thu Hong</i> . THE ROLE OF CHINESE MIGRANTS IN VIETNAM IN PROMOTING TRADE BETWEEN THE PORT OF HA TIEN AND INTERNATIONAL MARKET IN THE 17 TH -18 TH CENTURIES.....	66
---	----

FOREIGN DEMOGRAPHICS

<i>Hafiza H. Mamadalieva</i> . DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND TRENDS IN POPULATION MIGRATION IN UZBEKISTAN	78
<i>Sergey V. Ryazantsev, Chuma Greis Chimbaza</i> . NEW MIGRATION TRENDS IN ZAMBIA	92
<i>Tran Thi Thanh Huyen</i> . COVID-19 AND VIETNAM-LAOS CROSS-BORDER LABOR MIGRATION: IMPACTS AND SOLUTIONS.....	109

ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS

<i>Marina N. Khramova, Do Huong Lan</i> . VIETNAMESE ENTREPRENEURS IN RUSSIA: IMMIGRATION, BUSINESS PROBLEMS AND COOPERATION PROSPECTS	119
<i>Aung Hlayn Phy, Nikita G. Kuznetsov</i> . LABOR MIGRATION BETWEEN MYANMAR AND THAILAND: APPROACHES TO THE LEGALIZATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS	134

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Chanda Bvalia, Marina N. Khramova.</i> DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC POLICY IN ZAMBIA.....	144
<i>Nguyen Manh Hung, Le Duc Anh.</i> REGIONAL MIGRATION GOVERNANCE: APPROACHES OF THE EU AND ASEAN DURING THE COVID-19 PANDEMIC	158

SCIENTIFIC LIFE

<i>Tamara K. Rostovskaya.</i> STRATEGY FOR ACTION TO SAVE MEN AND SUPPORT RESPONSIBLE FATHERHOOD.....	168
<i>Galina I. Osadchaya, Olga A. Volkova.</i> INTEGRATION AND MIGRATION IN EURASIA IN THE NEW CONDITIONS (BASED ON THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN KYRGYZSTAN).....	172
<i>Svetlana M. Popova, Marina N. Khramova, Zhang Zhan.</i> ADAPTIVE MIGRATION POLICY UNDER THE DIGITAL ECONOMY (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN-CHINESE ROUND TABLE).....	182

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Ryazantsev.</i> DEMOGRAPHIC AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF THE INTERNATIONAL PROJECT “DIALOGUE PARTNERSHIP”	191
--	-----

ПОЗДРАВЛЯЕМ Т. Н. ЮДИНУ С ЮБИЛЕЕМ!

17 апреля 2023 г. свой юбилей отметила Татьяна Николаевна Юдина, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Т. Н. Юдина – авторитетный специалист в сфере социологии социально-демографических процессов, проблем здоровья населения, социальной политики, социального неравенства. Автор более 350 научных работ. Ее работы в области изучения миграционных процессов широко известны в Рос-

сии и за рубежом, используются в педагогической практике. Среди них: монография «Социология миграции: к формированию нового научного направления», авторские учебные пособия «Социология миграции» и «Миграция: словарь основных терминов», статьи по миграции в Социологической энциклопедии издательства «Мысль» и др. Результаты исследований ученого опубликованы в высокорейтинговых журналах (в т. ч. входящих в перечень ВАК) и сборниках, таких как «Current Sociology», «Intentional Migration», материалах европейской и международной социологических ассоциаций. Учебное пособие «Социология миграции» заняло второе место среди учебников и учебных пособий в конкурсе, проводимом Российским обществом социологов.

Т. Н. Юдина заложила основы институционализации специальной социологической теории «Социология миграции» в России, разработала научную методiku преподавания миграционной тематики в вузе. Является лидером научной школы «Социология миграции», одной из традиций которой стало проведение ежегодной научно-практической конференции студентов «Миграция в истории моей семьи».

В 1976 г. Т. Н. Юдина окончила Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (ныне МГТУ имени Н. Э. Баумана), в 1986 г. – Московскую высшую партийную школу. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию по историческим наукам, в 2004 г. в Институте социально-политических исследований РАН – докторскую диссертацию по социологии на тему «Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования». В 2005 г. ей было присвоено звание профессора.

С 1987 г. Т. Н. Юдина работает в системе высшего образования. В период с 1991 по 2022 г. ее научно-исследовательская и педагогическая деятельность была связана с Российским государственным социальным университетом (РГСУ), где она проявила себя как высококвалифицированный педагог, хороший организатор жизнедеятельности университета, факультета, кафедры и как научный исследователь. Под руководством Т. Н. Юдиной образовательные программы бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Социология» с 2014 г. были победителями проекта

«Лучшие образовательные программы инновационной России». Ученый разработала авторские учебные программы дисциплин «Социология социально-демографических процессов», «Социология миграции», «Социологический анализ миграционных процессов», «Социология управления миграционными процессами», «Социология социальных процессов», «Социологический анализ социальных и культурных изменений», «Научные исследования в профессиональной деятельности», «Социальная структура, социальные институты и процессы» и другие. По дисциплине «Социология миграции» создан авторский мультимедийный комплекс. Т. Н. Юдина – активный участник научно-педагогических форумов. В 2022 г. в Астане представляла российское образование на V Евразийском форуме по обеспечению качества в высшем образовании «Устойчивое развитие и будущее высшего образования». Плодотворно сотрудничает с Федеральным учебно-методическим объединением по укрупненной группе специальностей «Социология и социальная работа» в целях продвижения идей развития демографического образования, распространения демографического знания, повышения его качества.

Т. Н. Юдина является членом диссертационного совета ИДИ ФНИСЦ РАН по специальности «Демография» и членом диссертационного совета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по специальности «Экономическая социология». Под научным руководством Т. Н. Юдиной подготовлены один доктор и 11 кандидатов социологических наук. Защищены две научно-квалификационные работы в аспирантуре.

В 2016–2022 гг. Т. Н. Юдина была главным редактором редколлегии журнала «Социальная политика и социология», включенного в перечень ВАК, в настоящее время является членом редколлегии журнала «Society and Security Insights» Алтайского государственного университета.

На протяжении всех лет научно-преподавательской деятельности Т. Н. Юдина интенсивно ведет научные исследования. Она выступала исполнителем и руководителем российских и зарубежных проектов по проблемам миграции и демографии, в том числе: «Зарубежные мигранты в Москве: социолого-экономический анализ влияния на социальные процессы» (по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства г. Москвы); «Положение российских соотечественников в странах СНГ и Балтии» (по заказу Комитета по делам соотечественников Государственной Думы Федерального Собрания РФ); «Теоретические и экспериментальные модели социальной адаптации вынужденных переселенцев в России» (грант РФФИ); «Молдавские мигранты в России в условиях мирового финансового кризиса: миграционные настроения, ценностные ориентации, проблемы занятости» (грант РГНФ); «Этносоциальное будущее Москвы. Прогноз и комплексная оценка» (грант РГНФ); совместный исследовательский проект АН Армении, ИЦ Грузии, Свободного университета Германии «Мигранты из Армении и Грузии в Москве» (грант Фонда «Volkswagen»); научно-исследовательская работа на тему «Социологический опрос для определения индивидуальных потребностей (мотивации) всех категорий и групп населения в условиях для занятий физической культурой и спортом и препятствующих им факторов» (по заказу ФГБУ ФНЦ ВНИИФК); «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС (проект РФФИ); «Тестирование восприятия наружной рекламы, посвященной родам в Москве» (по заказу Агентства стратегического развития социальных проектов) и др.

Свою научно-преподавательскую деятельность Т. Н. Юдина плодотворно сочетает с общественно-экспертной работой в различных советах. Была членом Научно-экспертного совета при Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества по гармонизации национальных законодательств в области социальной политики и реформирования социальной сферы, членом Общественного и Научного советов Федеральной миграционной службы России. В настоящее время является членом Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям, членом Экспертно-консультативного совета по вопросам миграции Главного управления по вопросам миграции МВД России (Распоряжение МВД РФ 1/13066 от 19.11.2018), членом Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН (Постановление Президиума РАН № 12 от 22.01.2019), членом Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН (Постановление Президиума РАН № 12 от 22.01.2019).

Трудовая, научная и общественная деятельность Т. Н. Юдиной отмечена высокими наградами и многочисленными поощрениями. За активную и плодотворную работу награждена Нагрудным знаком Почетного работника Министерства труда и социального развития Российской Федерации (приказ Минтруда № 985а от 15.11.01), удостоена звания Почетного работника Высшего профессионального образования РФ» (приказ Минобрнауки № 918от 24.11.05.), объявлена Благодарность Министерства образования и науки РФ (Приказ Минобрнауки № 254 от 11.10.2005), награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (Приказ Минобрнауки № 261от 21.10.2010), Почетной грамотой Московского городского комитета профсоюзов работников народного образования и науки РФ (2019 г.), Почетной грамотой Министерства регионального развития РФ (Приказ № 299-кн от 29.07.2009), Почетной грамотой ФМС России (Приказ ФМС России № 252л/с от 27.04.2016). За значительный вклад в развитие отечественной социологической науки и содействие популяризации ее достижений удостоена Серебряной медали имени Питирима Сорокина (№ 109 от 02.02.2012).

Т. Н. Юдиной присущи научная и педагогическая добросовестность и принципиальность, высокая требовательность к себе. Пользуется заслуженным уважением научного сообщества.

От всей души поздравляем Татьяну Николаевну с замечательным юбилеем! Желаем хорошего самочувствия и позитивных эмоций! Пусть каждый день будет счастливым и творчески насыщенным! И пусть новые научные проекты заканчиваются большими достижениями!

*С уважением и признательностью,
друзья, коллеги, ученики*

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.1)

EDN [ERCPTC](https://ercptc.org)

ПРОГНОЗЫ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Кашепов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: avkash@list.ru

Для цитирования: **Кашепов, А. В. Прогнозы численности населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 10–27. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.1). EDN [ERCPTC](https://ercptc.org).**

Аннотация. Предметом работы является прогнозирование численности населения на фоне изменений демографической ситуации в России. Тема – обзор прогнозов численности населения страны. Особое внимание уделяется прогнозам численности и состава населения РФ в период с 1991 по 2022 г. Исходными данными служат статистические сборники и базы данных Росстата и Отдела населения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Цель и задачи работы – преодолеть отношение к ранее разработанным прогнозам как к материалу, который по сравнению с актуальными прогнозами, «не имеет значения». Ретроспектива прогнозов не только дает основания для рассуждений относительно демографических потерь России в определенные исторические периоды, но и позволяет предвидеть возможные перспективы развития населения, совершенствовать концептуальную основу его прогнозирования. Верификация официально опубликованных прогнозов, сравнение прогностических разработок из разных источников позволяют развить их методологию и уточнить требования к ним со стороны пользователей – государственных структур, науки, экспертного сообщества, системы образования. В работе описан процесс составления «библиотеки» прогностических источников, предложены табличные и графические методы ее формализации и последующего анализа. Сформулированы выводы, которые могут быть полезны для разработчиков и пользователей демографических прогнозов.

Ключевые слова: демографические прогнозы; методы прогнозирования; ретроспектива прогнозов; горизонты прогнозирования; численность и состав населения.

Введение

В данной статье рассматриваются международные и отечественные демографические прогнозы по России. Как правило, демографические прогнозы используются для разработки правительственных стратегий, концепций, программ, планов и проектов. В отличие от многих других прогнозов, демографические гипотезы численности и состава населения редко подвергаются рассмотрению *post factum* с целью их верификации. Поэтому актуальной задачей является систематизация демографических прогнозов за длительный ретроспективный период, выдвижение предположений о том, чем были вызваны отклонения гипотетических величин от последующих отчетных данных, как следует интерпретировать эти отклонения.

Обзор научной литературы

В исследовании использовались работы О. Флехтхайма [1] и советских прогнозистов во главе с И. В. Бестужевым-Ладой [2], «Демографическая энциклопедия»

2013 г. [3], работы Л. Л. Рыбаковского [4; 5], Б. Ц. Урланиса [6], «Демографическая модернизация России. 1900–2000» под ред. А. Г. Вишневого [7], «Стратегия демографического развития России» под ред. В. Н. Кузнецова и Л. Л. Рыбаковского [8], книги Д. И. Менделеева [9], С. Г. Струмилина [10]. Были использованы публикации В. Н. Архангельского и соавторов [11], Е. М. Щербаковой, В. А. Козлова [12], Е. Л. Сороко [13], «Национальный демографический доклад 2020 г.» под ред. С. В. Рязанцева [14], другие научные публикации [15, 16]. Использовались методические положения по разработке прогнозов Росстата [17] и Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [18], указы Президента и различные документы Правительства РФ, посвященные демографической политике.

Методология и методы исследования, источники информации

В статье применяются общенаучные методы анализа содержания (контента) публикаций, табличные и графические методы анализа статистических рядов и сопоставления отчетных данных с ранее разработанными прогнозами. Составлена библиотека из 24 демографических прогнозов по РСФСР (РФ) за 1990–2020 гг. и из 12 прогнозов ООН (World Population Prospects) за 1994–2022 гг., содержащих информацию по РФ. В качестве источников данных выступают статистические сборники ЦСУ-Госкомстата СССР «О прогнозе численности населения СССР (1990)»¹, сборники Росстата «Предположительная численность населения Российской Федерации» (1990–2020)², серия статистических сборников «Демографический ежегодник России» (2000–2021)³, другие публикации Росстата⁴, базы данных Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН⁵.

Результаты и обсуждение

Название «футурология» в 1940-е гг. предложил О. Флехтхайм [1]. Возникшая позже советская «прогностика» позиционировалась как методическая «научная дисциплина о закономерностях разработки прогнозов» [2]. «Прогноз» определялся как «научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем», и «об альтернативных путях и сроках осуществления» возможных состояний» [2, с. 393]. В «Демографической энциклопедии» под редакцией А. А. Ткаченко «демографический прогноз» определяется как «научно обоснованное предвидение будущей демографической ситуации (числ., возрастно-половой и семейной структуры нас., качественных характеристик нас.) и осн. параметров движения нас. (рождаемости, смертности, миграции)» [3, с. 609]. «По длине периода прогнозирования выделяются П. д. краткосрочные (до 5 лет), среднесрочные (на 5–30 лет), долгосрочные (30–50 лет) и сверхдолгосрочные (св. 50 лет). <...> Верхняя граница среднесрочного прогноза примерно совпадает с «длиной поколения», которая является довольно устойчивым по-

¹ О прогнозе численности населения СССР. В кн.: Сборник статистических материалов, 1990 / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1991. 352 с.

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.11. 2022).

³ Демографический ежегодник, 1991–2021 : стат. сб. / Статкомитет СНГ. Москва : Статкомитет СНГ, 1992–2022.

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.11. 2022).

⁵ UN Population Division Data Portal // United Nations : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/home> (accessed on 01.11. 2022).

казателем на протяжении длительного времени и равняется 28–30 годам» [3, с. 610]. В работе 1978 г. Л. Л. Рыбаковский указывал, что «методика демографического прогнозирования включает, во-первых, систему различных методов определения перспективных величин тех компонентов, из которых складывается демографическая динамика. Сюда относятся методы исчисления будущей рождаемости, смертности, чисел прибытий и выбытий. <...> Во-вторых, общую часть – совокупность приемов возрастно-половых передвижек, учитывающих либо только естественное движение, либо естественное и миграционное движение вместе. <...> все методы прогнозирования можно свести к экстраполяционным, <...> экспертным (эвристическим), <...> аналоговым» [4, с. 137]. В работе 1988 г. он выделял четыре типа демографических прогнозов: 1) прогноз численности и структуры населения; 2) разработку баланса трудовых ресурсов; 3) собственно прогноз межрайонной миграции населения; 4) исчисление предположительного населения с учетом естественного и миграционного движения» [5, с. 112].

В мировой и российской демографической литературе есть тема, которая редко освещается в публикациях, в силу чего она представляется актуальной. Это тема оценки адекватности, достоверности, точности демографических прогнозов *post factum* с позиции пользователя. Большинство прогнозов не сбывается или сбывается частично, применительно к долгосрочным прогнозам ошибка может составлять десятки процентов, а иногда достигает нескольких раз. О. Флехтхайму приписывают наименование футурологии «кладбищем прогнозов». Заимствовав это выражение, Б. Ц. Урланис писал в работе 1974 г.: «Демографические прогнозы на отдаленный период времени могут заметно разойтись с действительностью. Некоторые даже считают, что демографическая наука представляет собой «кладбище прогнозов» [6, с. 333].

Классические прогнозы XVIII–XX вв.

Российский статистик И. Ф. Герман в работе 1790 г. «Статистическое изображение России» предположил, что к 1818 г. население России достигнет 60 млн человек., а к 1890 г. – 115–230 млн человек [6, с. 307]. Этот прогноз был опубликован за восемь лет до знаменитой работы Т. Р. Мальтуса по Великобритании, впоследствии получившей широкую известность.

Из работы Д. И. Менделеева «К познанию России» следует, что численность населения Российской Империи могла бы достигнуть в 1950 г. 282,7 млн человек и к 2000 г. – 594,3 млн человек. [7, с. 12]. Реалистическая оценка экстраполяций, исчисленных Т. Р. Мальтусом для Великобритании, И. Ф. Германом и Д. И. Менделеевым для Российской империи и другими авторами XVIII–XIX вв. для разных стран мира, должна исходить из того, что в распоряжении авторов этих расчетов не было статистических данных, пригодных для передвижек по возрастам, и даже знание ими общей численности населения было очень приблизительным. Эти прогнозы делались на той стадии демографического перехода, когда темпы роста общей численности населения были высокими. Поэтому классические прогнозы не могли предвидеть ни перехода к более экономичным режимам воспроизводства населения, ни исторических катастроф, подобных мировым войнам, революциям, гражданским войнам, коллективизации в СССР и вызванному ею голоду, репрессиям, эпидемиям.

С. Г. Струмилин в работе «Наши трудовые ресурсы и перспективы» (1922 г.) анализирует потери населения в ходе Первой мировой войны и публикует прогноз численности населения до 1941 г., дифференцированный по полу и трем возрастным

группам 0–15, 16–49 и 50–100 лет. Раскладка возрастных групп была адекватна отсутствию общегосударственной пенсионной системы и средней продолжительности жизни, которая, согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., была определена в 44,4 года⁶. По прогнозу, опубликованному С. Г. Струмилиным, в 1939 г. численность населения СССР должна была составить 172,3–212,1 млн человек., а в 1941 г. 177,1–219,4 млн человек. [10, с. 46] Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., она составила 170,6 млн человек, что было близко к низкому варианту прогноза. Б. Ц. Урланис подробно разбирает прогнозы Б. Н. Бабынина по РСФСР (1929 г.), М. В. Птухи по Украине (1931 г.), Л. М. Сабсовича по СССР (1929 г.), С. А. Новосельского и В. В. Паевского по СССР (1934 г.), прогнозы ЦСУ (1963 г.) и другие [6, с. 313–322].

В 1970–1980-е гг. функционировала система разработки демографических прогнозов Госплана-ЦСУ и их подразделений в союзных республиках. ЦСУ отвечало за прогнозы рождаемости, смертности и «передвижку по возрастам», Госплан рассчитывал межрегиональную миграцию, исходя из потребностей народного хозяйства, миграция на внешних границах бывшего СССР не прогнозировалась.

На основе демографических прогнозов разрабатывались, помимо общей численности населения и мобилизационных контингентов Вооруженных Сил, показатели численности необходимых мест в детских дошкольных учреждениях, школах, и исходя из этого – численности воспитателей и учителей, показатели численности мест в ВУЗах и численности профессорско-преподавательского состава, количества мест в поликлиниках, родильных домах и больницах, численности врачей и среднего медицинского персонала, объемы производства сельскохозяйственных продуктов и других потребительских товаров и услуг, жилищного строительства, транспорта, общественного питания. Среди прогнозов, производных от демографического, были прогнозы контингентов получателей пенсий и пособий, балансов трудовых ресурсов и занятости населения.

Демографические прогнозы Госкомстата – Росстата за 1990–2020 гг.

Для настоящего исследования была собрана библиотека из 24 демографических прогнозов по РСФСР–РФ за 1990–2020 гг. Первый из них является фактически единственным прогнозом позднего советского периода по СССР и 15 республикам, который был опубликован в открытой печати – это прогноз Госкомстата СССР 1990 г.⁷. Далее следуют 23 прогноза из сборников серии «Предположительная численность населения Российской Федерации» (1990–2020)⁸, и из серии «Демографический ежегодник России» (2000–2021)⁹. Основная трудность в сборе и обработке сборников «Предположительная численность...» состояла в том, что их бумажные копии, которые хранились в Росстате, периодически подлежали списанию и утилизации, а цифровые снимались с сайта Росстата. В настоящее время на сайте Росстата доступен

⁶ Население СССР, 1988 : стат. сб. / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1989. 493 с.

⁷ О прогнозе численности населения СССР. В кн.: Сборник статистических материалов, 1990 / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1991. 352 с.

⁸ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.11. 2022).

⁹ Демографический ежегодник России, 2000–2021 : стат. сб. (серия) / Росстат. Москва : Росстат, 1999–2021.

только прогноз 2020 г.¹⁰. Удачей автора настоящей работы стало получение в Росстате шести бумажных сборников «Предположительная численность населения Российской Федерации» за 1990–1998 гг.¹¹.

После составления библиотеки бумажных и электронных сборников бумажные были частично оцифрованы. В таблицы Excel были введены из каждого прогноза по 1–3 вариантам следующие показатели: 1) численность населения на начало или конец года; 2) среднегодовая численность населения; 3) численность населения в трудоспособном возрасте на начало или конец года; 4) среднегодовая численность населения в трудоспособном возрасте; 5) число родившихся; 6) число умерших; 7) естественный прирост; 8) общий коэффициент рождаемости; 9) общий коэффициент смертности; 10) общий коэффициент естественного прироста; 11) суммарный коэффициент рождаемости; 12) ожидаемая продолжительность жизни; 13) миграционный прирост.

В табл. 1 показаны основные характеристики исследуемых прогнозов. Прогнозы расставлены и пронумерованы в хронологическом порядке, по годам разработки и (или) публикации. Для прогнозов, показатели которых исчислены в нескольких вариантах, представлены максимальный и минимальный варианты на конец прогнозируемого периода. В табл. 2 показаны данные средних (основных) вариантов на период 1991–2051 гг. по пятилетним интервалам, и на рис. 1 – данные средних (основных) вариантов 24 прогнозов по годичным интервалам, в сопоставлении с отчетными данными о численности населения за 1990–2021 гг. Отчетные данные на рис. 1 показаны пунктирными линиями в двух вариантах – в границах 1991 г. и с учетом Крыма и г. Севастополь.

Таблица 1

**Основные характеристики и показатели демографических прогнозов
Госкомстата – ФГСС (Росстата) за 1990–2020 гг.**

Table 1

**The main characteristics and indicators of demographic forecasts of the State Statistics
Committee of the Russian Federation – FSGS (Rosstat) in 1990–2020**

№ п/п	Год	На период	Составитель	Максимальная численность населения на конец периода, тыс. человек	Минимальная численность населения на конец периода, тыс. человек	Разница между min и max вариантом на конец периода, тыс. человек	Разница между min и max в % к max варианту
1	1990	1991–2015	Госкомстат СССР	165 701	-	-	-
2	1990	1991–2016	Госкомстат РСФСР	165 701	-	-	-
3	1993	1993–2001	Госкомстат России	146 084	-	-	-
4	1994	1994–2006	Госкомстат России	138 003	131 500	6 503	4,7

¹⁰ Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 01.11.2022).

¹¹ Автор выражает глубокую признательность Федеральной службе государственной статистики и сотрудникам Управления статистики населения и здравоохранения, осуществившим в октябре 2022 г. передачу шести бумажных сборников «Предположительная численность населения Российской Федерации» за 1990–1998 гг.

№ п/п	Год	На период	Составитель	Максимальная численность населения на конец периода, тыс. человек	Минимальная численность населения на конец периода, тыс. человек	Разница между min и max вариантом на конец периода, тыс. человек	Разница между min и max в % к max варианту
5	1995	1996–2015	Статкомитет СНГ	139 433	-	-	-
6	1995	1996–2006	Госкомстат России	142 839	-	-	-
7	1996	1996–2011	Госкомстат России	140 317	-	-	-
8	1997	1997–2010	Госкомстат России	143 704	134 668	9 036	6,3
9	1998	1998–2015	Госкомстат России и ФМС	147 204	130 318	16 886	11,5
10	1999	1999–2016	Госкомстат России	143 681,1	128 372,9	15 308,2	10,7
11	2005	2005–2026	ФСГС	146 704,1	124 974,9	21 729,2	14,8
12	2006	2007–2026	ФСГС	144 159,3	124 942,4	19 216,9	13,3
13	2008	2009–2026	ФСГС	145 119,9	129 366,6	15 753,3	10,9
14	2009	2010–2031	ФСГС	146 756,8	127 413,4	19 343,4	13,2
15	2010	2011–2031	ФСГС	147 772,3	126 916,9	20 855,4	14,1
16	2012	2013–2031	ФСГС	151 656,1	130 819,3	20 836,8	13,7
17	2013	2013–2050	ФСГС	165 222,1	115 319,4	49 902,7	30,2
18	2014	2014–2051	ФСГС	158 978,1	128 406,6	30 571,5	19,2
19	2015	2016–2051	ФСГС	158 978,1	128 406,6	30 571,5	19,2
20	2016	2017–2031	ФСГС	152 382,2	142 649	9 733,2	6,4
21	2017	2018–2051	ФСГС	173 635,4	126 489,7	47 145,7	27,2
22	2018	2018–2036	ФСГС	157 094,5	136 729,9	20 364,6	13
23	2019	2020–2036	ФСГС	153 224,2	138 129,5	15 094,7	9,9
24	2020	2021–2036	ФСГС	150 126,3	134 277,2	15 849,1	10,6

Источник: составлено автором по данным Госкомстата СССР¹² и Росстата¹³

Прогноз № 1 от 1990 г. – последний сохранившийся советский демографический прогноз по 15 союзным республикам, включая РСФСР, который содержал два показателя, прогноз № 2 – его российский аналог, вышедший отдельным сборником, который уже содержал 21 показатель. В № 2, который можно считать первым прогнозом, изданным в РФ, содержались показатели на начало года до 2016 г. и среднегодовые по 2015 г. по следующей номенклатуре: предположительная численность населения в целом и в возрастах моложе – трудоспособном – старше трудоспособного, а также расчеты по числам детей в возрастных категориях 1–6, 6–7, 8–13, 14–15, 16–17 лет, с детализацией по всем регионам и зонам РСФСР. Информация по рождаемости, смертности и миграции не была опубликована.

Обращает на себя внимание избыточно оптимистический и явно экстраполяционный характер прогнозов № 1–2 1990 г., что хорошо видно на графике рис. 1. Единственный вариант этих прогнозов показан линией, которая без всяких демографических волн вздымается к 2016 г. на уровень 166 млн человек. В прогнозе 1993 г.

¹² О прогнозе численности населения СССР. В кн.: Сборник статистических материалов, 1990 / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1991. 352 с.

¹³ Демографический ежегодник России, 2000–2021 : стат. сб. (серия) / Росстат. Москва : Росстат, 1999–2021.

появились показатели общих коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста (в ‰), и миграционный прирост (в тыс. человек). Поскольку начало демографического кризиса тогда уже стало реальностью, официальный оптимизм в 1993 г. был в значительной степени преодолен.

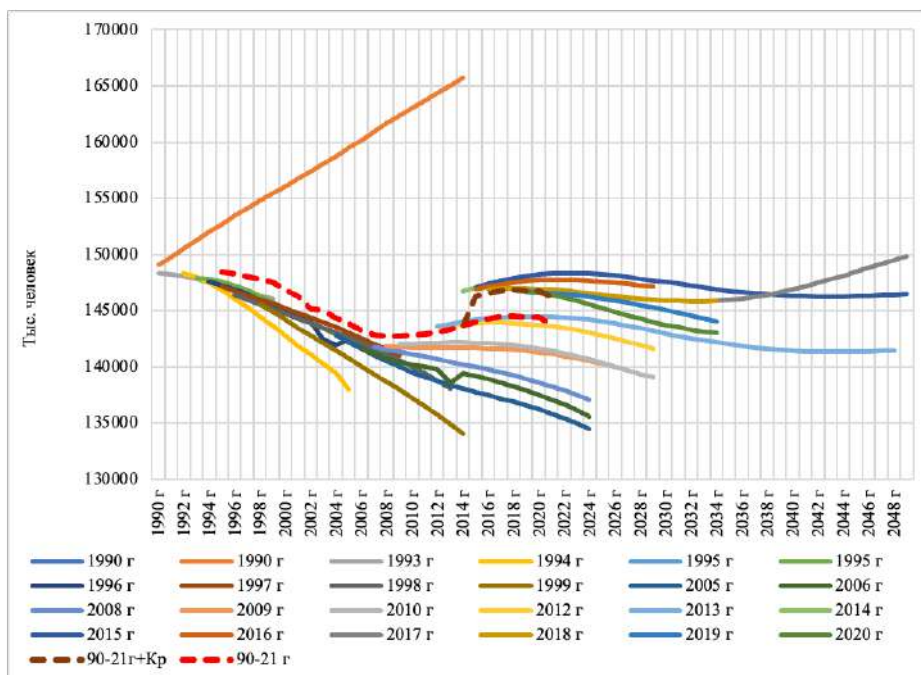

Рис. 1. Средние (основные) варианты предположительной численности населения РФ по 24 прогнозам за 1991–2051 гг. в сопоставлении с отчетными данными за 1990–2021 гг.

Fig. 1. Average (main) variants of the estimated population of the Russian Federation according to 24 forecasts for 1991–2051 in comparison with the reporting data for 1990–2021

Источник: составлено автором по данным Госкомстата СССР¹⁴ и Росстата¹⁵

Горизонт прогнозирования в 1993 г. приблизился до 2001 г., и единственный опубликованный вариант численности населения на эту дату составил 146,1 млн человек (на 10 млн человек. меньше, чем в предшествующем прогнозе). Прогнозы начали изменяться в сторону снижения перспективной численности населения (рис. 1). Одновременно стала преодолеваться традиция безальтернативных прогнозов. Прогноз 1994 г., горизонт которого вновь увеличился до 2006 г., был впервые опубликован в двух вариантах, на конец периода в диапазоне 131,5–138,0 млн человек. Вилка между максимальным и минимальным значениями составила 6,5 млн человек, или 4,7% к высокому варианту.

¹⁴ О прогнозе численности населения СССР. В кн.: Сборник статистических материалов, 1990 / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1991. 352 с.

¹⁵ Демографический ежегодник России, 2000–2021 : стат. сб. (серия) / Росстат. Москва : Росстат, 1999–2021.

Таблица 2

Средняя предполагаемая численность населения РФ на 1991–2051 гг. согласно прогнозам 1990–2020 гг., тыс. человек

Table 2

The average estimated population of the Russian Federation for 1991–2051 according to the forecasts of 1990–2020, thousand people

№	Год	1991 г.	1996 г.	2001 г.	2006 г.	2011 г.	2016 г.	2021 г.	2026 г.	2031 г.	2036 г.	2050 г.	2051 г.
1	1990	-	151 994,0	155 444,0	158 749,0	162 339,0	165 701,0	-	-	-	-	-	-
2	1990	148 341,0	151 994,0	155 444,0	158 749,0	162 339,0	165 701,0	-	-	-	-	-	-
3	1993	-	147 459,0	146 084,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	1994	-	146 811,0	142 741,0	138 003,0	-	-	-	-	-	-	-	-
5	1995	-	146 811,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	1995	-	147 813,0	145 744,0	142 839,0	-	-	-	-	-	-	-	-
7	1996	-	147 599,0	145 505,0	141 931,0	140 317,0	-	-	-	-	-	-	-
8	1997	-	-	145 602,0	143 500,0	141 017,0	-	-	-	-	-	-	-
9	1998	-	-	145 152,0	143 052,0	140 597,0	-	-	-	-	-	-	-
10	1999	-	-	144 873,8	141 403,0	137 960,9	134 039,0	-	-	-	-	-	-
11	2005	-	-	-	142 816,7	139 985,7	138 042,7	136 568,6	134 422,3	-	-	-	-
12	2006	-	-	-	-	140 439,5	139 385,9	137 892,4	135 594,8	-	-	-	-
13	2008	-	-	-	-	141 331,8	140 213,3	138 933,7	137 047,9	-	-	-	-
14	2009	-	-	-	-	141 761,0	141 653,5	141 427,6	140 532,7	139 048,5	-	-	-
15	2010	-	-	-	-	141 996,1	142 168,6	141 770,7	140 643,3	139 041,8	-	-	-
16	2012	-	-	-	-	-	143 817,7	143 828,1	143 028,3	141 612,0	-	-	-
17	2013	-	-	-	-	-	144 019,3	144 497,0	144 177,9	143 194,3	142 150,6	141 460,0	-
18	2014	-	-	-	-	-	146 754,3	148 079,7	148 304,7	147 691,0	146 902,4	146 393,6	146 437,5
19	2015	-	-	-	-	-	-	148 079,7	148 304,7	147 691,0	146 902,4	146 393,6	146 437,5
20	2016	-	-	-	-	-	-	147 621,4	147 663,0	147 154,1	-	-	-
21	2017	-	-	-	-	-	-	146 980,6	146 548,1	145 965,7	145 877,7	149 509,6	149 860,2
22	2018	-	-	-	-	-	-	146 980,6	146 548,1	145 965,7	145 877,7	-	-
23	2019	-	-	-	-	-	-	146 757,8	146 227,5	145 275,3	144 010,8	-	-
24	2020	-	-	-	-	-	-	146 650,1	145 539,5	143 997,2	142 993,3	-	-

Источники: рассчитано автором по данным Росстата¹⁶¹⁶ Демографический ежегодник России, 2000–2021 : стат. сб. (серия) / Росстат. Москва : Росстат, 1999–2021.

Прогнозы, разработанные в 1995–1996 гг., концептуально не отличались от предшествующего, публиковались в одном варианте, только в последнем из них горизонт увеличился до 2011 г.

Прорывным стал прогноз 1997 г. Первый напечатанный типографским способом, хорошим шрифтом с цветными диаграммами, он был исполнен в четырех вариантах на период до 2010 г. и включил 30 показателей. К сожалению, в нем была прекращена публикация численности детей до 16 лет по отдельным возрастным группам, но появились абсолютные числа родившихся, умерших и естественного прироста и впервые – суммарный коэффициент рождаемости и ожидаемая продолжительность предстоящей жизни. Вилка между максимальным и минимальным вариантами на 2010 г. составила уже 9,0 млн человек (6,3%). Первый (основной) вариант исходил из среднего уровня рождаемости и смертности и достаточно высокого притока мигрантов из республик бывшего Союза – 4,6 млн человек за период. Такая же миграция при повышении показателей рождаемости и смертности была заложена в наиболее оптимистический четвертый вариант. Второй и третий варианты предусматривали миграционный приток в количестве 3,1 млн человек. Практически, с точки зрения набора показателей и концепции сочетания по вариантам тенденций рождаемости, смертности, миграции, прогноз 1997 г. предопределил структуру и содержание подобных публикаций на последующие 25 лет. В прогнозе 1998 г. горизонт прогнозирования отодвинулся до 2015 г., а Федеральная миграционная служба была обозначена как соавтор публикации. Это первый прогноз (в нашей библиотеке), который распространялся в бумажной и электронной версиях. Здесь уже было три варианта прогноза, впервые обозначенных как «низкий», «средний», «высокий» (такие наименования сохранились до настоящего времени). Прямых указаний на то, что «высокий» вариант подкрепляется наибольшим миграционным приростом, в тексте не было, но вероятно, это было так. Вилка между максимальным (147,2 млн человек) и минимальным (130,3 млн человек) вариантами численности населения значительно увеличилась и составила 16,9 млн человек. (11,5%). В прогнозе 1999 г. существенных изменений не было, только показатели всех трех вариантов стали несколько ниже.

В 1998 г. были изданы «Методологические положения по статистике. Выпуск 1», в которых указывалось на то, что «перспективные расчеты численности населения <...> строятся на основе гипотез относительно будущей динамики рождаемости, смертности и миграции» и «применяется метод передвижки по возрастам» [17, с. 44]. Относительно того, как именно определяются суммарный коэффициент рождаемости, повозрастные коэффициенты рождаемости и строятся перспективные таблицы смертности для передвижки по возрастам, а также прогнозируется миграционный прирост, Росстат ограничился ссылкой на «результаты специальных научных исследований» [17, с. 44].

В конце 1990-х–2000-е гг. благодаря высоким мировым ценам на нефть и газ начался выход экономики РФ из кризиса, началось повышение заработной платы, пенсий и пособий, потребительских доходов и расходов. В работах ученых, не связанных с Росстатом, появились оптимистические прогнозы улучшения демографических показателей, исходя из их увязки с динамикой ВВП и уровнем жизни населения [16]. Но Росстат и в 2000-е гг. продолжал оценивать перспективу крайне пессимистично.

Прогноз 2005 г. первым из нашей подборки вышел за границы 2016 г. и дотянулся до 2026 г. В остальном он сохранил преемственность по номенклатуре основных показателей, а также пессимистическую ориентацию. Разрыв между низким и высоким

вариантами на конец прогнозируемого периода достиг 21,7 млн человек, или 14,8%. Прогноз 2006 г. отличался от него незначительно. С точки зрения публикационной истории отметим, что вторая, краткая версия данного прогноза, впервые была продублирована в 2007 г. в сборнике «Демографический ежегодник России»¹⁷. В последующие 10 лет сокращенные варианты демографических прогнозов, помимо основного сборника, публиковались отдельным разделом в «Демографическом ежегоднике». Прогноз 2008 г. сохранял преемственность к версиям 2005–2006 гг., вилка между максимальным и минимальным вариантами на 2026 г. составила 15,8 млн человек (10,9%).

Во второй половине 2000-х гг., на фоне экономического подъема, началось улучшение отчетных демографических показателей, причем не только тех, которые были связаны с прохождением позитивной демографической волны, но и относительно свободных от ее влияния – суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни, а экономический рост усилил привлечение в страну мигрантов. И если государственная «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.» 2001 г. не содержала количественных оценок на перспективу¹⁸, то в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» 2007 г. уже появилось указание на то, что целями демографической политики РФ на период до 2025 г. являются «стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн человек и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн человек, а также <...> увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. – до 75 лет»¹⁹. Поэтому линия тренда прогноза 2008 г. уже пошла выше всех предыдущих, а тренды прогнозов 2009–2010 гг. на период до 2020 г. из нисходящих стали горизонтальными, то есть прогнозы переориентировались от снижения к стабилизации численности населения РФ. Прогноз 2009 г. отодвинул горизонт прогнозирования на 2031 г., вилка между максимальным и минимальным вариантами на конец этого периода составила 19,3 млн человек (13,2%). Прогноз 2010 г. соответствовал трендам 2009 г., вилка max-min на 2031 г. составляла 20,9 млн человек (14,1%).

Начало 2010-х гг. ознаменовалось замедлением экономического роста РФ, после глобальной рецессии 2008–2009 гг. Однако в демографической сфере это был наилучший период с 1991 г. – росла рождаемость, снижалась смертность и увеличивалась продолжительность жизни. Поэтому основной вариант прогноза 2012 г. пошел значительно выше предыдущих (рис. 1), а наследующий его тренды прогноз 2013 г. отодвинул горизонт прогнозирования сразу до 2050 г. Максимум ожидаемой численности населения на 2050 г. составил 165,2 млн человек. Значительно увеличилась вилка между высоким и низким вариантами – до 49,9 млн человек (30,2%). В. Н. Архангельский с соавторами, рассматривая прогноз 2015 г., напомнили о том, что предвидения с таким большим горизонтом «позволяют как можно дальше заглянуть в будущее, что может быть важно при определении стратегии социально-экономического развития, но, с другой стороны, в них существенно выше и вероятность ошибки [11, с. 25].

¹⁷ Демографический ежегодник России. 2007 : Статистический сборник. / Росстат. Москва : с. 525–535.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2001 № 1270-р «О Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98526/ (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁹ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 01.11.2022).

Последующие прогнозы уже включили в общую численность населения РФ Крым и Севастополь, поэтому их тренды не подлежали прямому сравнению с отчетными и прогностическими данными предыдущего периода. Прогнозы 2014 и 2015 гг. полностью идентичны, максимальные варианты на 2051 г. были немного сокращены до 159,0 млн человек, а вилка max-min уменьшилась до 30,6 млн человек (19,2%). Основной тренд прогноза 2016 г. хотя и шел еще достаточно высоко, но уже был доведен только до 2031 г. Последний долгосрочный прогноз Росстата до 2051 г. был опубликован в 2017 г., максимальное значение на конец срока превысило прежние рекорды и составило 173,6 млн человек, вилка с минимальным вариантом – 47,1 млн человек (27,2%). На этом эра долгосрочных прогнозов на 2050 г. в Росстате завершилась. Прогнозы 2018–2020 гг. приобрели горизонт прогнозирования до 2036 г., уровень их оптимизма начал снижаться. В частности, высокие варианты этих трех прогнозов последовательно составили 157,1, 153,2 и 150,1 млн человек, а низкие варианты снижались со 136,7 до 134,3 млн человек. Вилки max-min уменьшались с 13,0 до 10,6%.

Таблица 3

**Основные показатели демографического прогноза Росстата (2020 г.)
на период до 2035 г.**

Table 3

**The main indicators of the demographic forecast of Rosstat (2020)
for the period up to 2035**

Основные показатели	Варианты	2021 г.	2025 г.	2030 г.	2035 г.
Численность населения на начало года, тыс. чел.	Средний (основной)	146 650,1	145 858,3	144 274,0	143 128,2
	Высокий	146 888,2	147 582,4	148 361,0	149 760,8
	Низкий	146 412,8	144 032,2	139 787,5	135 201,7
Численность населения в трудоспособном возрасте на начало года, тыс. чел.	Средний (основной)	82 088,9	84 146,2	87 839,9	88 458,6
	Высокий	82 191,3	84 726,3	89 216,6	90 453,2
	Низкий	81 974,0	83 228,6	85 474,9	84 509,6
Число родившихся, тыс. чел.	Средний (основной)	1 412,8	1 205,7	1 192,1	1 289,2
	Высокий	1 559,7	1 396,1	1 351,3	1 426,9
	Низкий	1 294,0	1 079,4	1 022,9	1 062,8
Число умерших, тыс. чел.	Средний (основной)	1 787,7	1 777,9	1 727,4	1 687,7
	Высокий	1 715,8	1 626,5	1 500,5	1 448,2
	Низкий	1 848,1	1 902,9	1 949,6	2 003,0
Естественный прирост, тыс. чел.	Средний (основной)	-374,9	-572,2	-535,3	-398,5
	Высокий	-156,1	-230,4	-149,2	-21,3
	Низкий	-554,1	-823,5	-926,7	-940,2
Общий коэффициент рождаемости, промилле	Средний (основной)	9,6	8,3	8,3	9,0
	Высокий	10,6	9,5	9,1	9,5
	Низкий	8,9	7,5	7,3	7,9
Общий коэффициент смертности, промилле	Средний (основной)	12,2	12,2	12,0	11,8
	Высокий	11,7	11,0	10,1	9,7
	Низкий	12,6	13,2	14,0	14,9
Общий коэффициент естественного прироста, промилле	Средний (основной)	-2,6	-3,9	-3,7	-2,8
	Высокий	-1,1	-1,5	-1,0	-0,2
	Низкий	-3,7	-5,7	-6,7	-7,0
Суммарный коэффициент рождаемости, чел. на 1 женщину	Средний (основной)	1,506	1,415	1,499	1,579
	Высокий	1,632	1,605	1,669	1,738
	Низкий	1,389	1,280	1,320	1,370

Источники: рассчитано автором по данным Росстата²⁰

²⁰ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.11. 2022).

Согласно прогнозу Росстата от 2020 г. (табл. 3), численность населения РФ на начало 2036 г. могла бы составить 143,0–150,1 млн человек, при условии, что суммарный коэффициент рождаемости, пройдя минимум 1,28–1,61 в 2025 г., затем станет расти и к концу периода достигнет величин 1,37–1,74, при одновременном подходе следующей позитивной волны численности женщин фертильного возраста. В области уменьшения смертности прогноз ставит ориентиры ожидаемой продолжительности предстоящей жизни 75,40–81,66 лет. Миграционный прирост в годовом исчислении в 2035 г. может составить от 15,7 до 386,8 тыс. человек.

Разработанный примерно в тот же период прогноз Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, под руководством С. В. Рязанцева, предусматривает на 2035 г. по основному варианту 144,0 млн человек, по оптимистическому варианту – 146,0 млн человек, на 2050 г. по основному варианту 146,0 млн человек, по оптимистическому варианту – 154,7 млн человек [14, с. 141]. Сверхдолгосрочный прогноз НИУ ВШЭ, опубликованный В. В. Юмагузиным и М. В. Винник, содержит 30 вариантов сочетаний рождаемости, смертности, миграционного сальдо и предполагает на 2100 г. диапазон оценок численности населения РФ от 67,4 млн человек до 216,7 млн человек. Можно было бы предположить, что прогноз с такой широкой вилкой вариантов представляет интерес только с теоретической точки зрения. Но наиболее вероятный средний вариант этого прогноза – 137,5 млн человек вполне сопоставим с другими известными оценками на указанный период, в том числе с гипотезами ООН, и поэтому представляется практически полезным [15, с. 141].

Демографические прогнозы ООН за 1994–2022 гг.

В 1994 г. в очередном прогнозе ООН «World population prospects» (WPP) впервые появились отдельные показатели по республикам бывшего СССР, включая Российскую Федерацию. За период 1994–2022 гг. Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН выпустил 12 WPP, содержащих информацию по РФ. Что касается эксклюзивных футурологических работ ООН, которые даже сложно назвать прогнозами – с горизонтом прогнозирования до 2150 г. (1998 г.) и до 2300 г. (2004 г.), то первый из них не содержал данных по странам, во втором был опубликован средний (medium) вариант, по которому численность населения РФ к 2300 г. могла бы составить 91,6 млн из общего числа населения мира 9,0 млрд человек²¹, то есть около 1% глобального населения.

Обычные прогнозы ООН, которые составляются каждые 2–3 года, являются сверхдолгосрочными. Прогнозы 1994–2008 гг. имели горизонт прогнозирования до 2050 г., а начиная с 2010 г. – до 2100 г. Как отмечал Е. Л. Сороко в 2017 г., «в первых прогнозах ООН были использованы три основных, ставших в демографии уже традиционными, сценария предстоящей динамики показателей: средний, высокий и низкий. В пересмотре 2004 г. было представлено пять вариантов. В последнем прогнозе предложено уже девять таких сценариев: средний, высокий и низкий варианты, сценарий неизменной рождаемости, варианты текущего замещения поколений, нулевой миграции, неизменной смертности, инерционный сценарий (замещающая рождаемость, неизменная смертность, нулевая миграция), а также вариант неизменной смертности и рождаемости» [13, с. 7].

В табл. 4 и на рис. 2 показаны средние варианты демографических прогнозов по

²¹ Publications. Population Division // United Nations Population Division [site]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/publications> (accessed on 01.11. 2022).

РФ, выполненных ООН в 1994–2022 гг. Как можно видеть из таблицы и диаграммы, прогнозы ООН по России в 1990–2000-е гг., так же, как и прогнозы Росстата, были пессимистическими и имели вид нисходящих трендов.

Таблица 4

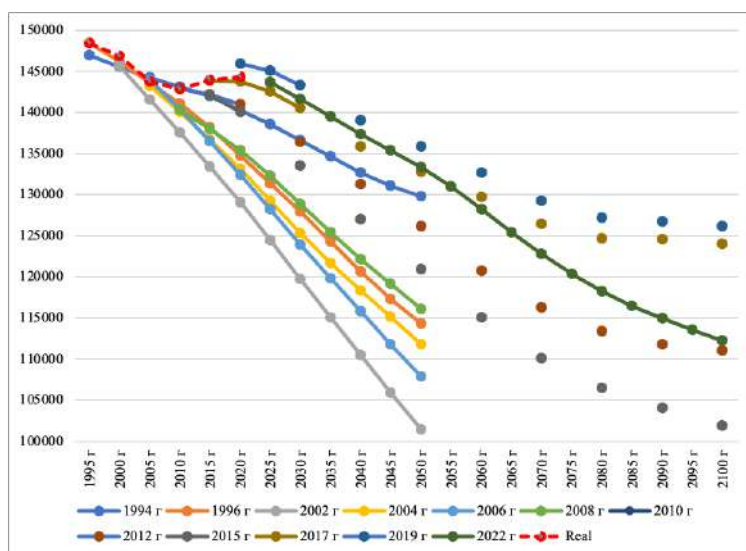
**Средние варианты предположительной численности населения
РФ на 1995–2100 гг. согласно прогнозам ООН**

Table 4

**Average estimated population of the Russian Federation
for 1995–2100 according to UN forecasts**

Прогноз	1995	2005	2015	2025	2035	2050	2070	2100
1994	147 000	144 212	142 004	138 548	134 645	129 831	-	-
1996	148 460	143 618	138 146	131 395	124 238	114 318	-	-
2002	-	141 553	133 429	124 428	115 020	101 456	-	-
2004	-	143 202	136 696	129 230	121 679	111 752	-	-
2006	-	143 953	136 479	128 193	119 777	107 832	-	-
2008	-	-	137 983	132 345	125 387	116 097	-	-
2010	-	-	142 229	-	-	126 188	116 248	111 057
2012	-	-	142 229	-	-	126 188	116 248	111 057
2015	-	-	142 098	-	-	120 896	110 091	101 882
2017	-	-	143 888	142 607	-	132 731	126 393	124 013
2019	-	-	-	145 133	-	135 824	129 229	126 143
2022	-	-	-	143 720	139 448	133 354	122 745	112 204
Факт	148 460	143 801	143 972	-	-	-	-	-

Источник: рассчитано автором по данным ООН²²

**Рис. 2. Средние варианты численности населения РФ
по прогнозам ООН за 1995–2100 гг.**

**Fig. 2. Average variants of the population of the Russian Federation according
to UN forecasts for 1995–2100**

Источник: составлено автором по данным ООН²³

²² UN Population Division Data Portal // United Nations : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/home> (accessed on 01.11. 2022).

²³ Ibid.

Согласно Е. М. Щербаковой и В. А. Козлову, «при каждом цикле расчетов эксперты ООН исходят из всей имеющейся к данному моменту информации, касающейся демографических изменений в населении стран мира: национальных переписей населения, специализированных обследований по проблемам демографии и здоровья, данных регистров населения и текущего учета демографических событий. Каждый раз производятся ретроспективные пересчеты до 1950 года» [12].

Наиболее пессимистическим в отношении России среди WPP стал прогноз 2006 г., согласно которому минимальный вариант численности населения РФ на 2050 г. составил 89,0 млн человек. В конце 2000-х – начале 2010-х гг. прогнозы ООН в отношении России на перспективу до 2050 г. стали более оптимистичными, но в отношении сверхдолгосрочных горизонтов их нельзя было назвать благоприятными. Так, в прогнозе 2015 г. минимальная (low) численность населения на 2100 г. была определена в 54,4 млн человек. В версии 2022 г. прогноз на эту дату по варианту low поднялся до 74,6 млн человек. Все 10 вариантов (с сохранением оригинальных английских наименований) прогноза 2022 г. показаны в табл. 5.

Таблица 5

Варианты прогноза численности населения РФ (WPP-2022) на период до 2100 г.

Table 5

Variants of the forecast of the population of the Russian Federation (WPP-2022) for the period up to 2100

№	Вариант прогноза	2022	2025	2050	2075	2100
1	Medium	144 732,5	143 719,6	133 353,8	120 323,9	112 203,9
2	High	144 732,5	144 390,3	143 538,8	147 068,6	162 049,3
3	Low	144 732,5	143 047,7	123 220,7	97 269,3	74 624,9
4	Constant-fertility	144 732,5	143 658,3	130 096,0	110 974,4	94 313,1
5	Instant-replacement	144 732,5	145 220,5	143 940,2	144 342,3	152 278,3
6	Instant-replacement zero migration	144 732,5	144 440,8	140 001,6	136 310,1	139 903,0
7	Momentum	144 732,5	143 233,9	126 963,3	116 753,4	115 358,0
8	Zero-migration	144 732,5	142 955,3	129 655,0	113 040,7	101 439,6
9	Constant-mortality	144 732,5	142 511,3	120 272,6	100 814,9	89 655,0
10	No change (constant-fertility and constant mortality)	144 732,5	142 450,1	117 059,6	91 717,3	72 950,6

Источник: составлено автором по данным ООН²⁴

На рис. 3 показаны различия между средними (medium) вариантами прогнозов ООН и Росстата на 2025 г. Как до, так и после 2014 г., когда ООН и РФ разошлись в оценке принадлежности Крыма, прогнозы ООН на рис. 3 стабильно ниже прогнозов Росстата.

²⁴ UN Population Division Data Portal // United Nations : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/home> (accessed on 01.11. 2022).

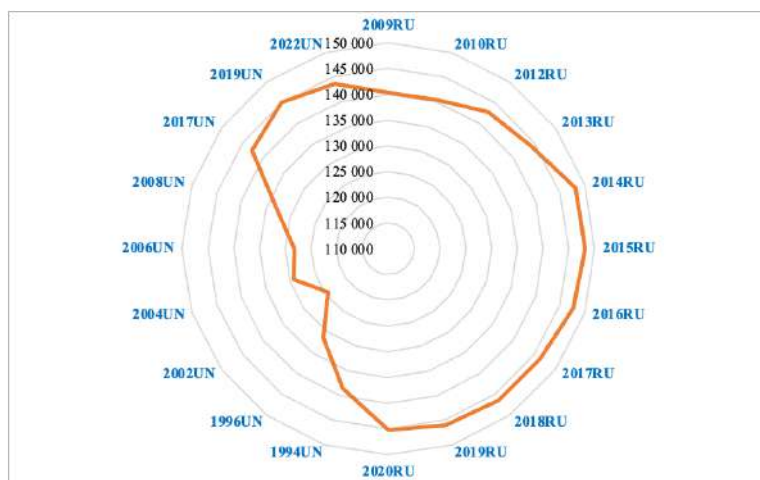

Рис. 3. Прогнозы численности населения РФ на 2025 г. по версиям ООН (UN) и Росстата (RU), тыс. человек

Fig. 3. Forecast of the population of the Russian Federation for 2025 according to UN and Rosstat (RU), thousand people

Источник: составлено автором по данным ООН²⁵

Заключение и выводы

Множество разработанных и не сбывшихся демографических прогнозов – это, конечно, не их «кладбище», как полагали О. Флехтхайм и Б. Ц. Ураланис. Но это и не мистические «откровения», и не фантастические «путешествия во времени». Прогнозы – это скорее зеркальные отражения актуальной реальности, повернутые в будущее. Эти зеркала в принципе не могут показать ничего из того, что еще не появилось в современной жизни, и не измерено статистикой. Демографическое прогнозирование находится в лучшем положении по сравнению с экономическим – передвижкой возрастов можно прогнозировать численность населения более успешно, чем с помощью экономико-математических моделей рассчитывать предположительные цены на товары, динамику производства ВВП, доходы и расходы населения. Но любое прогнозирование в конечном счете является экстраполяцией трендов, оно эффективно в условиях стабильного общества, при отсутствии войн, революций, пандемий и стихийных бедствий, не может предвидеть резкие изменения институциональных структур и внезапные научные, технологические прорывы. Применительно к демографическим прогнозам постоянным фактором неопределенности остается миграция населения, которая на краткосрочную перспективу поддается оценке на основе экстраполяции или исходя из социологических обследований потенциальных мигрантов, но на среднесрочную или долгосрочную всегда определяется только методами экспертных оценок.

Последний по времени демографический прогноз численности населения РФ, разработанный Росстатом в 2020 г., частично устарел уже к моменту своей публикации, в результате избыточной смертности от COVID-19. Кроме того, следующий прогноз должен будет уже исходить из итогов Всероссийской переписи населения 2021 г. Не поддаются прогнозированию возможные последствия военно-политических со-

²⁵ UN Population Division Data Portal // United Nations : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/home> (accessed on 01.11. 2022).

бытий 2022 г. Смертность в 2022 г. уменьшилась, а ожидаемая продолжительность предстоящей жизни увеличилась потому, что многие люди, которые могли умереть в 2022 г. от естественных причин, ушли из жизни раньше в результате коронавирусной инфекции. Произошел своего рода «сдвиг календаря» смертей. Когда воздействие данного фактора закончится, смертность вернется к стабильному режиму, примерно такому, который был заложен в прогноз Росстата 2018 г. Насколько сильно повлияет на смертность продолжение СВО, предвидеть пока невозможно. Но на снижение рождаемости и миграционный отток из РФ это повлияет самым непосредственным образом. Поэтому численность населения РФ в сопоставимых границах 1991 г. или 2014 г. будет сокращаться. Возможности для разработки адекватных демографических прогнозов представятся в будущем после окончания действия нынешних дестабилизирующих факторов и интеграции общественных усилий по преодолению их последствий.

Настоящая работа была написана в формате обзора и *post factum* оценки (верификации) ранее опубликованных прогнозов, в первую очередь она предназначена для будущих разработчиков, чтобы они постарались избежать крайностей (чрезмерного оптимизма или пессимизма оценок) и политической ангажированности демографических прогнозов, а также для будущих пользователей – от журналистов до служащих органов исполнительной власти, чтобы они понимали объективные ограничения возможностей прогнозирования населения при принятии или анализе ранее принятых решений по социально-экономическим вопросам развития общества.

Список литературы

1. *Flechtfeim, O. K.* Teaching the Future // *Journal for Higher Education*. 1945. Vol. 16. P. 460–465. DOI [10.2307/1976978](https://doi.org/10.2307/1976978).
2. Рабочая книга по прогнозированию / Отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. Москва : Мысль, 1982. 430 с.
3. Демографическая энциклопедия / Гл. ред. А. А. Ткаченко. Москва : Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с. ISBN 978-5-94802-051-8.
4. *Рыбаковский, Л. Л.* Методологические вопросы прогнозирования населения. Москва : Статистика, 1978. 208 с.
5. *Рыбаковский, Л. Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. Москва : Наука, 1987. 199 с.
6. *Урланис, Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. Москва : Наука, 1974. 336 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. Москва : Новое издательство, 2006. 601 с. ISBN 5-98379-042-0. EDN [SUQARX](https://www.edn.ru/SUQARX).
8. Стратегия демографического развития России / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. ; [Архангельский В. Н. и др.] ; под ред. В. Н. Кузнецова, Л. Л. Рыбаковского. Москва : Центр соц. прогнозирования, 2005. 206 с.
9. *Менделеев, Д. И.* К познанию России. Т. 1. Санкт-Петербург : Издательство Суворина, 1906. 161 с.
10. *Струмилин, С. Г.* Проблемы экономики труда. Москва : Госполитиздат, 1957. 735 с.
11. *Архангельский, В. Н.* Перспективы демографического развития России до середины века / В. Н. Архангельский, И. А. Данилова, Р. В. Дмитриев, Р. Р. Хасанова // *Народонаселение*. 2017. Т. 20, № 3. С. 24–36. DOI [10.26653/1561-7785-2017-3-2](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-2). EDN [ZWTFIF](https://www.edn.ru/ZWTFIF).
12. *Щербакова, Е. М.* Население России по прогнозам ООН / Е. М. Щербакова, В. А. Козлов // *Демоскоп Weekly*. 2017. № 717–718. 21 с.
13. *Сороко Е. Л.* О пределах применимости демографических прогнозов ООН. // *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5, № 2. С. 6–31. DOI [10.17323/demreview.v5i2.7933](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7933). EDN [UWOWYC](https://www.edn.ru/UWOWYC).
14. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.] ; под ред. С. В. Рязан-

цева ; ФНИСЦ РАН. Москва : ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI [10.25629/HC.2020.13.01](https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01). EDN [STFBWI](https://www.edn.ru/STFBWI).

15. Юмагузин, В. В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года / В. В. Юмагузин, М. В. Винник // Проблемы прогнозирования. 2022. Т. 4, № 193. С. 98–111. DOI [10.47711/0868-6351-193-98-111](https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-98-111). EDN [TOFVHS](https://www.edn.ru/TOFVHS).

16. Кашепов, А. В. Многое зависит от ВВП: о взаимосвязи численности населения с экономическим развитием // Социальная и демографическая политика. 2006. № 6. С. 40–52.

17. Методологические положения по статистике. Вып. 1. Москва : Госкомстат России. 1996. 674 с.

18. World Population Prospects 2022: Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York : United Nations, 2022. 64 p.

Сведения об авторе:

Кашепов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); РИНЦ Author ID: [340500](https://elibrary.ru/340500).

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; принята в печать 23.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

POPULATION PROJECTIONS FOR RUSSIA

Alexey V. Kashepov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: avkash@list.ru

For citation: Kashepov, Alexey V. Population Projections for Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 10–27. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.1).

Abstract. *The subject of the work is population forecasting against the background of changes in the demographic situation in Russia. The topic is an overview of the country's population projections. Special attention is paid to the forecasts of the size and composition of the population of the Russian Federation in the period from 1991 to 2022. The source data are statistical collections and databases of Rosstat and the Population Division of the UN Department of Economic and Social Affairs. The purpose and objectives of the work are to overcome the attitude to previously developed forecasts as to the material that "does not matter" in comparison with current forecasts. The retrospective of forecasts not only provides grounds for reasoning about the demographic losses of the country in certain historical periods, but also allows us to anticipate possible prospects for the development of the population and to improve the conceptual basis of its forecasting. Verification of officially published forecasts, comparison of prognostic developments from different sources, allows us to develop their methodology and clarify the requirements for them on the part of users – government agencies, science, the expert community, the education system. The paper describes the process of compiling a "library" of predictive sources, suggests tabular and graphical methods of its formalization and subsequent analysis. The article provides conclusions that may be useful for developers and users of demographic forecasts.*

Keywords: *demographic forecasts; forecasting methods; forecast retrospective; forecasting horizons; population size and composition.*

References

1. Flechtfeim, O. K. Teaching the Future. *Journal for Higher Education*. 1945. Vol. 16. P. 460–465. DOI [10.2307/1976978](https://doi.org/10.2307/1976978).

2. *Rabochaya kniga po prognozirovaniyu [Forecasting workbook]*. Ex. ed. I. V. Bestuzhev-Lada. Moscow : Mysl Publishing House, 1982. 430 p. (In Russ.).

3. *Demograficheskaya entsiklopediya [Demographic encyclopedia]*. Ex. Ed. A. A. Tkachenko. Moscow : Encyclopedia Publishing House, 2013. 944 p. ISBN 978-5-94802-051-8. (In Russ.).

4. Rybakovsky, L. L. *Metodologicheskiye voprosy prognozirovaniya naseleniya [Methodological issues of population forecasting]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1978. 208 p. (In Russ.).

5. Rybakovsky, L. L. *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Population migration: forecasts, factors, policy]. Moscow : Nauka Publishing House, 1987. 199 p. (In Russ.).
6. Uralnis, B. Ts. *Problemy dinamiki naseleniya SSSR* [Problems of population dynamics in the USSR]. Moscow : Nauka Publishing, 1974. 336 p. (In Russ.).
7. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Ed. A. G. Vishnevsky. Moscow : Novoye Izdatel'stvo Publishing, 2006. 601 p. ISBN 5-98379-042-0. (In Russ.).
8. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii* [Russia's Demographic Development Strategy] / Russian Academy of Sciences, Institute of Scio-Political Research ; V. N. Arkhangel'skiy et al. ; ed. V. N. Kuznetsov, L. L. Rybakovskiy. Moscow : Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya Publishing, 2005. 206 p. (In Russ.).
9. Mendelev, D. I. *K poznaniyu Rossii. [Towards the Knowledge of Russia]. Vol. 1.* Saint-Petersburg : Suvorin's Publishing House, 1906. 161 p.
10. Strumilin S. G. *Problemy ekonomiki truda* [Problems of labor economics]. Moscow : Gospolitizdat Publishing House, 1957. 735 p. (In Russ.).
11. Arkhangel'skiy, V. N. Prospects of Demographic Development of Russia until the Mid-century / V. N. Arkhangel'skiy, I. A. Danilova, R. V. Dmitriev, R. R. Khasanova. *Population*. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 24–36. DOI [10.26653/1561-7785-2017-3-2](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-2). (In Russ.).
12. Shherbakova, E. M. Naselenie Rossii po prognozam OON [The population of Russia according to UN forecasts] / E. M. Shherbakova, V. A. Kozlov. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 717–718. 21 p. (In Russ.).
13. Soroko, E. L. On the Limits of Application of the UN Population Projections. *Demographic Review*. 2018. Vol. 5, No. 2. P. 6–31. DOI [10.17323/demreview.v5i2.7933](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i2.7933). (In Russ.).
14. *Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyi demograficheskij doklad* [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report] / S. V. Ryazantsev, V. N. Arxangelskiy, O. D. Vorob'eva et al. ; ed. S. V. Ryazantsev ; FCTAS RAS. Moscow : Ob'edinennaya redakciya Publishing House, 2020. 156 p. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI [10.25629/HC.2020.13.01](https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.01). (In Russ.).
15. Yumaguzin, V. V. Forecast of Population Size and Demographic and Burden in Russia up to 2100 / V. V. Yumaguzin, M. V. Vinnik. *Studies on Russian Economic Development*. 2022. Vol. 33, No. 4. P. 422–431. (In Russ.).
16. Kashpov, A. V. Mnogoe zavisit ot VVP: o vzaimosvyazi chislennosti naseleniya s ekonomicheskim razvitiem [A lot depends on GDP: on the relationship of population size with economic development]. *Social'naya i demograficheskaya politika* [Social and demographic policy]. 2006. No. 6. P. 40–52. (In Russ.).
17. *Metodologicheskie polozeniya po statistike* [Methodological provisions on statistics]. Issue 1. Moscow : Goskomstat Publishing House. 1996. 674 p. (In Russ.).
18. *World Population Prospects 2022: Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections* / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York : United Nations, 2022. 64 p.

Bio note:

Alexey V. Kashpov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: avkash@list.ru; ORCID ID: [0000-0003-1348-0093](https://orcid.org/0000-0003-1348-0093); RSCI Author ID: [340500](https://rsci.info/author/340500).

Received on 20.03.2023; accepted for publication on 23.05.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2)

EDN [CESKQP](https://www.edn.ru/ceskqp)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Акрамов Ш. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sharif_akram@rambler.ru

Блиничкина Н. Ю.

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики,

Худжанд, Таджикистан

E-mail: n.blinichkina@mail.ru

Для цитирования: Акрамов, Ш. Ю. Демографическая безопасность в контексте международной миграции / Ш. Ю. Акрамов, Н. Ю. Блиничкина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 28–39. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2). EDN [CESKQP](https://www.edn.ru/ceskqp).

Аннотация. Демографическая ситуация в России на сегодняшний день остается крайне напряженной. Завершается период реализации Концепции демографической политики Российской Федерации и требуется подвести итоги, а также выявить сохранившиеся проблемы и определить возможные перспективы обеспечения демографической безопасности страны. В статье рассмотрен вопрос обеспечения демографической безопасности РФ в рамках современных реалий, когда проблемы демографии решаются за счет привлечения мигрантов из восточноевропейских и азиатских государств. Целью исследования явилось определение перспектив и возможных последствий привлечения международных мигрантов в Россию, так как потоки международной миграции не отличаются стабильностью и зависят от социально-экономической и политической ситуации как в стране-доноре, так и в Российской Федерации. Выполнен анализ динамики миграционных потоков в РФ из зарубежья. Выявлено, что, учитывая демографическое положение в отдельных странах-донорах, на перспективу можно говорить о стабильности миграционных потоков только из государств Центральной Азии (Узбекистана и Таджикистана). Определено, что качество человеческого капитала и уровень жизни населения в наиболее перспективных странах-донорах значительно ниже, чем в России. Выдвинуто предположение о нарастании проблемы не только сохранения численности населения, но и поддержания необходимого качества человеческих ресурсов для обеспечения реализации стратегических программ и проектов в сфере социально-экономического развития, решения вопросов социальной поддержки мигрантов для предотвращения угрозы повышения уровня бедности в стране. Сделан вывод о необходимости нового подхода к управлению миграционными потоками, нацеленного на обеспечение качества формирующихся за их счет трудовых ресурсов. Предложено обеспечить условия для обучения или переподготовки трудовых мигрантов, а также решить вопрос финансовой доступности подобного обучения, так как большая часть мигрантов является представителями наиболее бедных слоев населения.

Ключевые слова: международная миграция; демографическая безопасность; национальная безопасность; численность населения; демографическая политика; человеческий капитал; человеческие ресурсы.

Введение

Вопросы обеспечения демографической безопасности в современной России в силу демографической обстановки в стране оказались одними из ключевых. Дальнейшее развитие экономики напрямую зависит от наличия одного из основных факторов производства – рабочей силы. Кроме того, вопросы демографии распространились на сферу национальной безопасности в целом, так как обладая большими территориями и обширными запасами природных ресурсов государство должно

обеспечить заселение данных территорий.

На сегодняшний день в России сохраняется тенденция к постепенной убыли населения на уровне 0,51%¹ в последний год. Меры, принимаемые в рамках Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., не обеспечили полного достижения поставленных задач. В частности, предполагалось, что к 2025 г. убыль населения удастся приостановить², чего достичь не удалось. С другой стороны, цель по численности населения можно считать достигнутой, так как за счет притока мигрантов удалось достичь численности населения почти в 147 млн человек³, что на 2 млн человек больше запланированного в рамках Концепции⁴.

Из сказанного следует, что привлечение мигрантов играет определяющую роль в обеспечении демографической безопасности России. Этот факт отмечается в исследованиях Е. С. Красинца и Т. В. Шевцовой, указывающих на то, что Россия является одной из основных стран мира, принимающих трудовых мигрантов [1; 2].

Вместе с тем подобное решение демографических проблем влечет за собой возникновение ряда трудностей, которые следует выявить и изучить на данном этапе, чтобы к моменту принятия новой Концепции демографической политики на следующий период определить возможные перспективы и сформировать четкий план действий по обеспечению демографической безопасности. В частности, чрезвычайно важно понимать, каким социально-экономическим и демографическим потенциалом обладают миграционные потоки в Россию, чтобы его полноценно использовать.

Важно отметить, что традиционно при рассмотрении вопросов обеспечения демографической безопасности принято использовать количественный подход. Однако демографическая безопасность, на наш взгляд, несколько шире и охватывает два измерения, касающихся населения страны – количественное и качественное. К сожалению, многие страны, в числе которых оказалась и Россия, ввиду остроты проблемы убыли населения придерживаются традиционного подхода и уделяют самое пристальное внимание количественному измерению.

В частности, такой подход прослеживается в исследованиях Г. И. Осадчей и М. Л. Вартановой [3], М. Н. Храмовой [4], Р. И. Акьюлова [5], которые в качестве основных элементов демографической безопасности предлагают рассматривать численность населения и состояние системы его воспроизводства. В контексте их исследований только такие показатели, как возрастной состав населения и здоровье нации (в том числе продолжительность жизни), можно отнести к качественным параметрам. Однако такие параметры не дают полноценную характеристику сформированному человеческому капиталу и не позволяют в полной мере оценить, насколько демографические факторы могут оказать влияние на социально-экономическое развитие.

Элементы качественного подхода к вопросам обеспечения демографической

¹ Рейтинг стран мира по темпу роста населения // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population-growth> (дата обращения: 11.04.2023).

² Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения: 15.04.2023).

³ Список государств и зависимых территорий по населению // Российское общество «Знание» : [сайт]. URL: https://znaniurussia.ru/articles/index.php/Список_государств_и_зависимых_территорий_по_населению (дата обращения: 17.04.2023).

⁴ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения: 15.04.2023).

безопасности встречаются только в отдельных исследованиях, в частности, в работе Л. Л. Рыбаковского, который помимо указанных элементов также выделяет необходимость обеспечения «людскими ресурсами геополитических интересов государства» [6], то есть обеспечения определенного качества населения, соответствующего национальным интересам и обеспечивающего выполнение определенных стратегических задач.

Вместе с тем в контексте реалий нового времени, когда качество человеческого капитала становится определяющим для обеспечения развития экономики и защиты национальных интересов, качественное измерение может рассматриваться как основополагающее в контексте обеспечения демографической безопасности. Поэтому развитие концепции демографической политики Российской Федерации должно учитывать оба измерения демографической безопасности, что позволит не только сохранять численность и поддерживать физическое и умственное здоровье населения, но также и сформировать человеческий капитал и дать возможность для развития конкурентоспособной личности.

Применение количественного и качественного подхода при обеспечении демографической безопасности на основе привлечения мигрантов предполагает необходимость определения не только того, каким образом миграционные потоки влияют на демографическую ситуацию в стране (определенный положительный эффект уже проявился на практике), но и того, как миграция может повлиять на социально-экономическое развитие России.

Основные миграционные потоки в Российскую Федерацию и их особенности

Период активной миграции, последовавший за распадом Советского Союза, давно завершён. Современные реалии формируют новые условия и перспективы миграции населения на постсоветском пространстве. Очевидно, что источником человеческих ресурсов в ближайшем будущем станут страны, в которых сохраняется высокий уровень рождаемости при достаточно низком уровне жизни.

На сегодняшний день, согласно результатам проведенных исследований, основными государствами-донорами для России являются Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан [7]. В отдельных исследованиях также отмечается увеличение потока мигрантов из Китая и Украины [8].

Однако не следует полагать, что увеличение миграционных потоков – постоянное явление. Международная миграция обладает высокой динамичностью и зависимостью от социально-экономического положения в принимающей и направляющей странах, от социально-экономической ситуации в мире.

С целью выявления такого рода зависимости был проведен анализ динамики миграции из основных государств-доноров в Российскую Федерацию (рис. 1). При составлении диаграммы на рис. 1 за основу был взят прирост количества мигрантов по отношению к предыдущему году. Такой подход позволил свести воедино данные по всем странам, миграция из которых способна оказывать влияние на демографическую ситуацию в России.

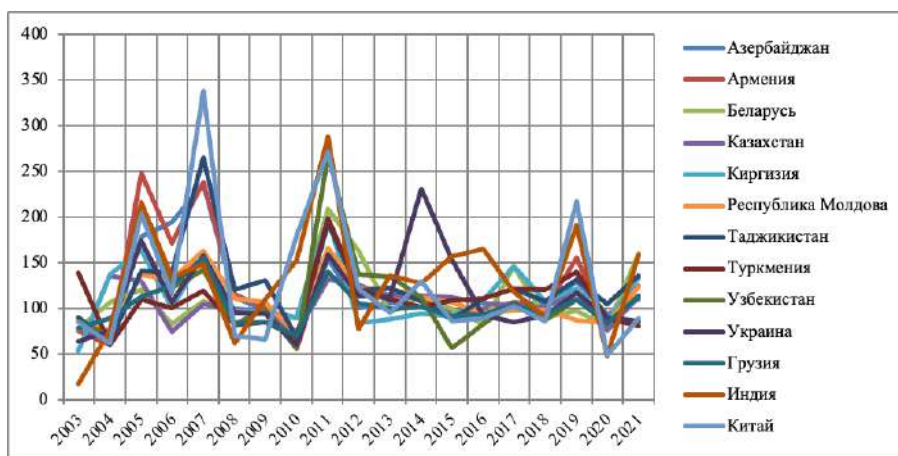

Рис. 1. Динамика миграции в Российскую Федерацию
Fig. 1. Dynamics of migration to the Russian Federation

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата⁵

На полученной диаграмме представлены данные за последние 20 лет и достаточно четко прослеживаются своеобразные волны миграции, характеризующие зависимость динамики миграции от социально-экономической обстановки. Пики наблюдаются в 2005 г., 2007 г., 2011 г. и 2019 г. Если первые два пика могут объясняться тем, что в указанный период произошло заметное улучшение социально-экономической ситуации в России, то для объяснения вторых двух пиков, особенно пика 2019 г., требуется проведение тщательного всестороннего анализа. Здесь можно сделать предположение, что в 2011 г. экономика России достигла докризисного уровня, в результате чего появилась возможность привлечения большего количества рабочей силы из зарубежья. В начале 2019 г. в преддверии пандемии коронавирусной инфекции также наблюдался экономический подъем, что привлекло большее число мигрантов в страну. Следует отметить, что спады в объемах миграции полностью совпадают с периодом мировых кризисов.

В 2021 г. на фоне отмены карантинных ограничений начался очередной период увеличения объемов миграции. В настоящее время сложно оценить, насколько сохранится такая тенденция в ближайшем будущем. Политическая ситуация, сложившаяся вокруг России, с одной стороны, у отдельных мигрантов вызывает определенные опасения и вынуждает вернуться на родину. С другой стороны, осложняется и политическая, и социально-экономическая обстановка в основных государствах-донорах, что побуждает еще больше иностранцев предпринимать попытки поиска заработка за рубежом.

Все изложенное не может не сказаться на количественном измерении демографической безопасности России, оказывая позитивное влияние на демографические параметры при стабильной социально-экономической ситуации и негативные в кризисных условиях.

Еще одним фактором, влияющим на количественное измерение демографической безопасности, является способность стран-доноров и в дальнейшем представ-

⁵ Миграция населения // Росстат : [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1_bd.htm (дата обращения: 18.04.2023).

лять человеческие ресурсы Российской Федерации. Е. С. Красинец и Т. В. Шевцова отмечают, что «в период 2016–2019 гг. зарегистрированная численность прибывших в Россию трудовых мигрантов увеличилась в 1,3 раза» [2]. Эти же авторы на основе проведенных опросов подчеркивают желание большей части трудовых мигрантов получить российское гражданство.

Таблица 1

Социально-экономические показатели основных стран-доноров мигрантов Российской Федерации, оказывающие влияние на демографическую безопасность на 2021 год

Table 1

Socio-economic indicators of the main migrant donor countries of the Russian Federation that affect demographic security for 2021

Страна	Доля страны в миграции в РФ (%)	Доля мигрантов в общей численности населения страны-донора (%)	Индекс терроризма	Уровень безработицы (%)	Темпы роста населения (%)	Индекс человеческого капитала
Азербайджан	5,27	0,35	0	4,9	0,32	0,58
Армения	10,49	2,37	0	18,3	-0,56	0,58
Беларусь	3,46	0,25	0	4,1	-0,59	0,70
Казахстан	10,88	0,37	0	4,9	1,03	0,63
Киргизия	9,15	0,94	0	5,8	1,54	0,60
Республика Молдова	4,08	0,77	0	3,8	-0,86	0,58
Таджикистан	18,99	1,39	3,988	6,9	2,18	0,50
Туркмения	1,56	0,18	0	н/д	1,43	н/д
Узбекистан	8,51	0,16	0	5,3	1,59	0,62
Украина	18,37	0,30	2,304	9,5	-0,91	0,63
Вьетнам	0,81	0,01	0,407	2,4	0,77	0,69
Грузия	0,97	0,17	0	18,5	-0,25	0,57
Индия	1,07	0,001	7,432	4,7	0,68	0,49
Китай	0,97	0,001	1,863	5,2	0,00	0,65

Источник: составлено авторами по данным Центра гуманитарных технологий⁶ и Росстата⁷

Вместе с тем, на наш взгляд, ситуацию нельзя считать стабильной (табл. 1). Часть стран, являющихся источником рабочей силы для России (Армения, Беларусь, Молдова, Грузия), имеет отрицательные темпы роста населения. Так, например, В. А. Ионцев указывает на серьезные геополитические последствия продолжающегося снижения численности населения в этих странах, вплоть до их полного перехода под контроль «западных держав» [3]. В связи с чем, во-первых, необходимо пересмотреть подход к стимулированию миграции из этих государств и, во-вторых, ожидать

⁶ Рейтинги стран и регионов // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/research/country-rankings> (дата обращения: 11.04.2023).

⁷ Миграция населения // Росстат : [сайт]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1_bd.htm (дата обращения: 18.04.2023).

вероятность снижения общего количества мигрантов в диапазоне до 18% с учетом полного прекращения миграции из названных стран.

Миграция из таких крупных государств, как Китай и Индия, представляется довольно неоднозначным явлением. Численность населения в указанных странах намного превышает численность населения Российской Федерации, что может стать стабильным источником человеческих ресурсов. Однако мировая практика показывает крайне низкую склонность граждан этих государств к интеграции в социум страны пребывания. Напротив, ввиду существенных религиозных и культурных отличий мигранты из Китая и Индии формируют в стране пребывания собственные диаспоры. Такое положение противоречит национальным интересам России, стремящейся сформировать на своей территории единую многонациональную общность и ставящей данную цель в основу своей национальной политики.

Кроме того, в настоящее время в результате проводимой демографической политики население КНР начало стремительно сокращаться. В ближайшем будущем эта страна, реальный сектор которой в своей основе предполагает высокую трудоизбыточность, может начать ощущать дефицит трудовых ресурсов и вводить барьеры на пути трудовой миграции.

Еще одним значимым поставщиком трудовых ресурсов в Россию является Украина. Однако до завершения специальной военной операции невозможно делать какие-либо прогнозы относительно дальнейших перспектив миграции из этой страны.

Таким образом, реальным сохраняющимся потоком миграции при поддержании существующих международных политических и внешнеэкономических отношений является поток мигрантов из стран Центральной Азии. В этих государствах сохраняются высокие темпы прироста численности населения. В частности, Таджикистан входит в первую десятку стран мира по приросту населения. К тому же в этих государствах на фоне трудоизбыточности сохраняется низкий уровень жизни, что вынуждает наиболее активную часть трудоспособного населения искать возможность заработка за рубежом. Существующая тенденция позволяет утверждать, что ситуация в государствах Центральной Азии в ближайшее десятилетие кардинальным образом в лучшую сторону не изменится.

Следовательно, согласно существующим статистическим данным, Российская Федерация может рассчитывать на средний ежегодный приток мигрантов не менее чем в 300 тыс. человек. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет о данных официальной статистики. Ввиду большой численности нелегальных мигрантов из этих стран точно определить ежегодный приток не представляется возможным, но, учитывая данные отдельных исследований [3], можно предположить, что он не меньше 1 млн человек в год, что составляет около 0,7% от численности населения России.

Качество миграционных потоков и их влияние на социально-экономическое положение в Российской Федерации

Если количественный аспект демографической безопасности в контексте ее обеспечения за счет регулирования международных миграционных потоков представляется достаточно стабильным, то подобное не может быть сказано о качественном аспекте.

Качество человеческого капитала, мигрирующего в Россию, напрямую зависит от условий в тех странах, из которых миграция осуществляется. Можно отметить своеобразные волны в данной сфере. В условиях стабильности направляющих госу-

дарств мигрантами становятся те категории граждан, которые не смогли реализовать себя в хозяйственной системе своей страны. В большинстве случаев это лица, отличающиеся достаточно низкой квалификацией и конкурентоспособностью на трудоизбыточных рынках труда, но готовые на любые виды непрестижной малооплачиваемой работы.

В условиях кризиса в направляющей стране в первую очередь снижается уровень жизни наиболее высококвалифицированных специалистов. Если в условиях стабильности данная категория работников имела возможность получать приемлемую заработную плату за свой труд, то в условиях кризиса качество жизни лиц данной категории и членов их семей резко снижается. Учитывая то, что большую часть работников этой группы составляют конкурентоспособные на рынке труда представители интеллигенции, то их миграция в поисках лучших социально-экономических условий проходит достаточно быстро и легко. Вместе с тем, следует отметить, что такой поток мигрантов является периодическим крайне ограниченным по времени явлением, в частности, проявляющимся в настоящее время на фоне мирового кризиса.

Также в данном контексте следует выделить еще один поток, способный оказать значительное влияние на формирование человеческого капитала в будущем – миграция с целью получения высшего образования. В последние годы в связи с сокращением числа квалифицированных специалистов в вузах отдельных стран такой поток миграции расширяется. В результате наиболее целеустремленные и энергичные представители молодежи зарубежья формируют хороший потенциал для пополнения трудовых ресурсов России за счет специалистов высокой квалификации, получивших образование в Российской Федерации.

Таким образом, могут быть выделены следующие категории мигрантов из государств Центральной Азии:

- представители молодежи, мигрирующие с целью получения образования;
- лица, имеющие самую низкую квалификацию – разнорабочие;
- представители молодежи, получившие диплом о высшем образовании, но не имеющие опыта работы;
- сопровождающие лица, в большинстве своем низкоквалифицированные работники;
- лица, имеющие высокую квалификацию и опыт работы.

Представители первых двух категорий составляют основу миграционных потоков, при этом мигранты последней категории являются в настоящее время достаточно редким явлением.

Отдельно необходимо отметить мигрантов третьей категории, то есть молодых специалистов, не способных найти достойно оплачиваемую работу на родине ввиду высокой трудоизбыточности. Основу этого потока составляют выпускники вузов, выезжающие в Россию сразу после завершения обучения. Традиционно данную категорию мигрантов исследователи относят к высококвалифицированным кадрам, но при формировании демографической политики следует учитывать, что качество образования в странах-донорах значительно ниже качества образования в Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2

Место России и стран-доноров в мировом рейтинге уровня образования

Table 2

The place of Russia and donor countries in the world ranking of the level of education

Страна	Место страны в мировом рейтинге по индексу уровня образования
Россия	29
Казахстан	36
Кыргызстан	76
Таджикистан	101
Туркменистан	77
Узбекистан	80

Источник: составлено авторами по данным Центра гуманитарных технологий⁸

Исходя из того, что на перспективу предполагается привлечение миграционных потоков в основном из Таджикистана и Узбекистана, необходимо понимать, что знания потенциальных квалифицированных специалистов могут не соответствовать тем требованиям, которые предъявляются российскими работодателями, то есть условно высококвалифицированные специалисты неспособны работать по своей специальности в силу неконкурентоспособности своих знаний и навыков на российском рынке труда. Следовательно, мигрантам, относящимся к третьей из выделенных выше категорий, потребуется пройти либо курсы повышения квалификации для работы по специальности, либо полное переобучение для получения профессии, востребованной в Российской Федерации.

Кроме того, с течением времени качество человеческого капитала в государствах-донорах может постепенно ухудшаться в результате непрерывного оттока наиболее квалифицированных специалистов. В связи с чем политика привлечения молодежи на обучения с целью дальнейшего трудоустройства на территории России является оптимальной для сохранения качества трудовых ресурсов.

Сохранение качества человеческого капитала может стать существенной проблемой при увеличении миграции из стран Центральной Азии, поскольку индекс человеческого капитала в этих государствах значительно ниже, чем в Российской Федерации (табл. 1).

В работе коллектива российских авторов отмечается, что «основу миграционных потоков составляют люди трудоспособного возраста, чье перемещение оказывает влияние на структуру рынка труда» [9]. Следовательно, качество трудовых ресурсов России может быть снижено в результате того, что пополнение будет происходить за счет работников низкой квалификации либо тех, кто получил недостаточно качественное образование.

Еще одной стороной вопроса является то, что большая часть мигрантов представляет относительно бедные слои населения своих стран. Находясь на территории РФ, они стремятся получить как можно больший доход при наименьших расходах, чтобы иметь возможность финансово поддерживать членов своей семьи на родине. В результате они соглашаются на любые условия проживания. К примеру, Ю. В. Югай отмечает, что мигранты во многих случаях проживают «в подвалах, вагончиках, не-

⁸ Рейтинг стран мира по уровню образования // Гуманитарный портал: [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 16.05.2023).

жилых помещениях» [8].

Мало того, достаточно высокий уровень безработицы на родине (табл. 1) вынуждает мигрантов соглашаться на любые условия труда и низкую заработную плату.

Это не может не сказаться на уровне жизни населения России в целом и ведет к ухудшению социально-экономического положения в стране, так как поведение мигрантов значительно снижает планку социальных и экономических запросов человека в хозяйственной системе.

Не следует также забывать о том, что в Центрально-Азиатском регионе, особенно в Таджикистане, высока угроза участия населения в деятельности террористических группировок (табл. 1). При том, что нелегальная миграция из данной страны имеет значительные масштабы и, согласно оценке Ю. В. Югай, граждане именно этой страны являются наиболее частыми нарушителями условий въезда на территорию Российской Федерации [8], вероятность того, что вместе с мигрантами могут въехать представители террористических организаций, достаточно высока.

Подводя итог анализу воздействия трудовой миграции на социально-экономическое положение в России, следует назвать еще две угрозы для ее экономической безопасности, возникающие в результате той обстановки, которая сложилась в сфере миграции на сегодняшний день.

Во-первых, исследователи выделяют такую значительную угрозу, как рост теневого сектора экономики под воздействием нелегальной миграции. В частности, отмечается, что ежегодно в Россию прибывает от 5 до 15 млн нелегальных мигрантов, при этом доля нелегальной миграции составляет до 50% от всего миграционного потока [5].

Данная проблема сохраняет свою остроту на протяжении многих лет. На наш взгляд, разработка новой концепции демографической политики даст возможность рассмотреть ее более детально и определить меры, нацеленные на улучшение ситуации. В этой связи нелишним будет напомнить, что меры запретительного характера уже доказали свою несостоятельность, а также проявилась неэффективность усложнения бюрократических процедур по оформлению пребывания мигранта в Российской Федерации.

Во-вторых, значимой угрозой, отмеченной исследователями, является низкий уровень адаптации и интеграции мигрантов в российское общество [10].

Учитывая то, что обе выделенные угрозы в первую очередь обусловлены особенностями регулирования миграции и имеют косвенную взаимосвязь с количеством и качеством прибывающих мигрантов, их решение может быть достигнуто в результате институциональной реформы в сфере регулирования миграционных потоков.

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать заключение о том, что международная миграция оказывает двойственное воздействие на процесс обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

С одной стороны, в определенной мере решается вопрос сохранения численности населения. Кроме того, экономика обеспечивается дешевой рабочей силой, что позволяет производить больше продукции с меньшей себестоимостью и обеспечивать экономическое развитие.

С другой стороны, происходит увеличение числа наиболее бедных и неблагополучных слоев населения, что ведет к снижению уровня жизни и росту преступности.

В контексте пересмотра Концепции демографической политики Российской Федерации, принимая во внимание уже достигнутые на практике успехи и выявленные в рамках настоящего исследования особенности влияния миграционных потоков на демографическое и социально-экономическое положение в стране, необходимо разработать меры, способные снизить остроту обозначенных угроз и поддерживать достойный уровень жизни и социально-экономическую атмосферу, чтобы избежать тенденции к миграционному оттоку населения за пределы России. В частности, ввиду того, что проблема имеет двойственный характер и определяется необходимостью обеспечения качества получаемых человеческих ресурсов, с одной стороны, и снижением численности нелегальных мигрантов – с другой, на наш взгляд, могут быть приняты следующие меры:

1. В сфере борьбы с нелегальной миграцией:

а) ужесточение наказания для работодателей за прием на работу нелегальных мигрантов;

б) активизация разъяснительной работы среди мигрантов (как показывает практика, многие иностранцы даже не осознают, что нарушают законы страны пребывания);

в) упрощение регистрации для мигрантов из Центральной Азии (возможно, например, создание центров, по адресу которых будут зарегистрированы мигранты, проживающие и работающие в данном регионе, как это уже делается российскими консульствами для граждан РФ, проживающих за рубежом).

2. В сфере повышения качества человеческих ресурсов:

а) стимулирование образовательной миграции, представление мигрантам гарантий трудоустройства по завершению обучения;

б) формирование системы получения мигрантами дополнительного образования и переобучения дистанционно и в формате офлайн.

Кроме всего прочего, нельзя забывать о динамичных изменениях в миграционных потоках. Поэтому в рамках реализации демографической либо миграционной политики нужно сформировать постоянно действующую аналитическую группу, которая могла бы на регулярной основе строить прогнозы относительно социально-экономического и демографического потенциала миграционных потоков и его изменении в целях обеспечения своевременного и оперативного принятия мер в рамках государственной политики.

Список литературы

1. Красинец, Е. С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). EDN [MNKLNZ](https://www.edn.ru/entry/10.19181/population.2022.25.2.9).

2. Красинец, Е. С. Пандемия коронавируса и ее воздействие на развитие трудовой миграции в России / Е. С. Красинец, Т. В. Шевцова // Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием / Отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 17. Ч. 1. Москва : ИНИОН РАН, 2022. С. 895–898. EDN [DNFSAS](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2022.2.4.8).

3. Осадчая, Г. И. Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 62–74. DOI [10.22394/2304-3369-2021-1-62-74](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74). EDN [CSJOSE](https://www.edn.ru/entry/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74).

4. Храмова, М. Н. Иммиграция vs эмиграция: компенсаторная роль миграции в демографическом развитии регионов России / М. Н. Храмова, Е. В. Скоблина, Д. П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 4. С. 110–122. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.8). EDN [LNDWKP](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2022.2.4.8).

5. Акьюлов, Р. И. Влияние нелегальной миграции на демографическую и экономическую без-

опасность России // Дискуссия. 2022. Вып. 110. С. 6–14. DOI [10.46320/2077-7639-2022-1-110-6-14](https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-1-110-6-14). EDN [NHSDVM](https://www.edn.ru/NHSDVM).

6. Рыбаковский, Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. Т. 23, № 1. С. 22–34. EDN [PUUZIB](https://www.edn.ru/PUUZIB).

7. Аришин, К. В. Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11 (1). С. 58–65. DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65). EDN [IELLCT](https://www.edn.ru/IELLCT).

8. Югай, Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. 2022. № 2 (5). С. 206–219. EDN [AWMDSN](https://www.edn.ru/AWMDSN).

9. Капишук, Е. А. Образовательная миграция в современной России: тенденции и проблемы / Е. А. Капишук, Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова, Г. Цэрэн // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 26–32. DOI [10.24158/tpor.2022.3.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2022.3.3). EDN [BURZZH](https://www.edn.ru/BURZZH).

10. Сигарева, Е. П. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68–81. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6). EDN [MSHYXI](https://www.edn.ru/MSHYXI).

Сведения об авторах:

Акрамов Шариф Юлдашевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sharif_akram@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-8189-7803](https://orcid.org/0000-0002-8189-7803); РИНЦ Author ID: [256478](https://elibrary.ru/256478).

Блиничкина Надежда Юрьевна, доктор экономических наук, заведующий отделом международных связей, Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, Худжанд, Таджикистан.

Контактная информация: e-mail: n.blinichkina@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7375-2380](https://orcid.org/0000-0002-7375-2380); РИНЦ Author ID: [940590](https://elibrary.ru/940590).

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; принята в печать 26.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL MIGRATION

Sharif Yu. Akramov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sharif_akram@rambler.ru

Nadezhda Yu. Blinichkina

Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand, Tajikistan

E-mail: n.blinichkina@mail.ru

For citation: Akramov, Sharif Yu. Demographic Security in the Context of International Migration / Sh. Yu. Akramov, N. Yu. Blinichkina. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 28–39. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2).

Abstract. The demographic situation in Russia today remains extremely tense. The period of implementation of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation is coming to an end and it is necessary to sum up the results, as well as to identify the remaining problems and determine possible prospects for the country's demographic security. The article considers the issue of ensuring the demographic security of Russia in the framework of modern realities, when demographic problems are solved by attracting migrants from Eastern European and Asian states. The purpose of the study was to determine the prospects and possible consequences of attracting international migrants to the country, since the flows of international migration are not stable and depend on the socio-economic and political situation both in migrant-sending countries and migrant-receiving countries. An analysis of the dynamics of migration flows to Russia from abroad is carried out. It is revealed that in the future we can talk about the stability of migration flows only from the countries of Central Asia (Uzbekistan and Tajikistan) considering the demographic situation in these donor countries. It is determined that the quality of human capital and the standard of living of

the population in the most promising donor countries are significantly lower than in Russia. An assumption was made about the growing problem of not only maintaining the population, but also maintaining the necessary quality of human resources to ensure the implementation of strategic programs and projects in the field of socio-economic development, as well as addressing issues of social support for migrants to prevent the threat of increasing poverty in the country. It is concluded that there is a need for a new approach to the management of migration flows aimed at ensuring the quality of the labor resources. It is proposed to provide conditions for training or retraining of labor migrants, as well as to solve the issue of financial affordability of such training, since most of the migrants are representatives of the poorest segments of the population.

Key words: international migration; demographic security; national security; population; demographic policy; human capital; human resources.

References

1. Krasinets, E. S. International Labor Migration in the Development of Modern Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25, No. 2. P. 104–115. DOI [10.19181/population.2022.25.2.9](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9). (In Russ.).
2. Krasinets, E. S. Pandemiya koronavirusa i eyo vozdeystvie na razvitie trudovoy migratsii v Rossii [The coronavirus pandemic and its impact on the development of labor migration in Russia] / E. S. Krasinets, T. V. Shevtsova. *Yezhegodnik. Materialy XXI Natsional'noy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiye. [Yearbook. Materials of the XXI National Scientific Conference with international participation]* / ed. V. I. Gerasimov. Issue 17. Part 1. Moscow : INION RAS, 2022. P. 895–898. EDN [DNFSAS](https://doi.org/10.26907/2542-2025.2022.17.1.895-898). (In Russ.).
3. Osadchaya, G. I. Demographic Security and Trends in Migration Processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 Pandemic / G. I. Osadchaya, M. L. Vartanova. *Management Issues*. 2021. No. 1. P. 62–74. DOI [10.22394/2304-3369-2021-1-62-74](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74). (In Russ.).
4. Khramova, M. N. Immigration vs Emigration: The Compensatory Role of Migration in the Demographic Development of Russian Regions / M. N. Khramova, E. V. Skoblina, D. P. Zorin. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 4. P. 110–122. DOI [10.19181/demis.2022.2.4.8](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.4.8). (In Russ.).
5. Akyulov, R. I. The Impact of Illegal Migration on Russia's Demographic and Economic Security. *Discussion*. 2022. No. 110. P. 6–14. DOI [10.46320/2077-7639-2022-1-110-6-14](https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-1-110-6-14). (In Russ.).
6. Rybakovskiy, L. L. Demograficheskaya bezopasnost': geopoliticheskiye aspekty [Demographic security: geopolitical aspects]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2004. Vol. 23, No 1. P. 22–34. (In Russ.).
7. Arshin, K. V. The Risks of Crisis Migration from Central Asia to Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021. No. 11 (1). P. 58–65. DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-58-65). (In Russ.).
8. Yugai, Yu. V. Labor Migration from Central Asian Countries to Russia. *Post-Soviet Research*. 2022. No. 2 (5). P. 206–219. (In Russ.).
9. Kapshuk, E. A. Educational Migration in Modern Russia: Trends and Issues / E. A. Kapshuk, E. Yu. Kostina, N. A. Orlova, G. Tseren. *Theory and Practice of Social Development*. 2022. No. 3. P. 26–32. DOI [10.24158/tpor.2022.3.3](https://doi.org/10.24158/tpor.2022.3.3). (In Russ.).
10. Sigareva, E. P. The Impact of External Migration on Marriage and Fertility in Modern Russia / E. P. Sigareva, S. Yu. Sivoplyasova. *Research Result. Sociology and Management*. 2022. Vol. 8, No. 1. P. 68–81. DOI [10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6). (In Russ.).

Bio notes:

Sharif Yu. Akramov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sharif_akram@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-8189-7803](https://orcid.org/0000-0002-8189-7803); RSCI Author ID: [256478](https://www.rsci.ru/author/256478).

Nadezhda Yu. Blinichkina, Doctor of Economic Sciences, Head of International Relations Department, Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand, Tajikistan.

Contact information: e-mail: n.blinichkina@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7375-2380](https://orcid.org/0000-0002-7375-2380); RSCI Author ID: [940590](https://www.rsci.ru/author/940590).

Received on 24.03.2023; accepted for publication on 26.05.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.3)

EDN [ALHWRI](https://edn.alhwri.org)

POLICIES AND REGULATIONS FOR REPATRIATION AND SUSTAINABLE REINTEGRATION IN THE ASEAN REGION

Tran Nguyen Phuoc Thong

Judicial Academy, Ho Chi Minh City, Vietnam

E-mail: trngphuochong.cltit.ja@gmail.com

For citation: Tran Nguyen Phuoc Thong. Policies and Regulations for Repatriation and Sustainable Reintegration in the ASEAN Region. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 40–54. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.3).

Abstract. One of the important human rights enshrined in the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Their Families is the right to citizenship. The process of repatriation of migrants and their reintegration into the community at home is of increasing interest to policy researchers as this process is closely related to the link between migration and development. The temporary migration cycle of a worker always includes three important steps: departure, working and living abroad, and repatriation. Sending countries have also made great efforts in supporting migrant workers to return home, implementing repatriation support programs and especially community reintegration programs after returning home. The basis of this paper is to present definitions of reintegration programs for repatriated migrants. From this basis, the research objective of the article was formed to mention the general principles and conditions for support programs for repatriated workers. To accomplish this research objective, the author presents the success and limitations of some programs in ASEAN. The novelty of the research results is to give some recommendations to improve the programs on supporting migrant workers returning home and re-integrating into the community in the coming time.

Keywords: migration; repatriation; reintegration; support policy; ASEAN; migrant workers.

Introduction

Few countries monitor the return of migrant workers or collect data on repatriation. The considerable diversity in forms of repatriation and reintegration further complicates assessment. In the ASEAN region, reintegration efforts for repatriated migrants are still limited. The 11th ASEAN Forum on Migrant Labour (AFML) report shows that while programs and services for repatriation have been established in a number of ASEAN countries, there are no country reports in the region establishing a comprehensive policy or strategy on reintegration [1].

This article deals with the definitions and foundations for reintegration programs. At the same time, the author also discusses the general principles and challenges to be followed in reintegration programs for repatriated migrants. From there, the paper will evaluate the common practices used in the ASEAN region regarding repatriation and finally make some recommendations.

The research goal of the article is to understand the concepts and practices of applying the reintegration policy for migrant workers in the ASEAN region. The research methods used in the article are the comparative jurisprudence method, and the written law research

method through the information provided by the ILO's TRIANGLE program for the ASEAN region. The article has eight sections including: (i) overview of repatriation and reintegration; (ii) impact of repatriation migration on reintegration; (iii) the urgency of the reintegration policy; (iv) how to issue and implement programs to support migration to repatriation and sustainable reintegration; (v) challenges in enacting reintegration policies for repatriated migrants in ASEAN; (vi) some good practices and typical ASEAN regulations on supporting migrant repatriation and reintegration; (vii) some other typical practices and regulations in the world; (viii) some recommendations for repatriation and reintegration in ASEAN.

Overview of repatriation and reintegration

Definition of repatriation migration

Repatriation migration is understood as the migration of workers to foreign countries and then return to the country of origin. According to the United Nations statistics, repatriated migrants are those who return to their countries of origin after becoming international migrants and residing in another country and are intending to stay in their home country for at least one year [2]. This definition suggests the separate use of the terms “the country of residence” and “the country of first nationality” to define an individual's repatriation history. At the same time, migrants can also move to a third country before returning to their country of first nationality, not necessarily only between just two countries.

The ILO defines international migrant workers as all existing residents of a country who were formerly international migrant workers in one or another foreign country. The time spent working abroad for a person to be repatriated as an international migrant worker is relatively short [3]. Regardless of the concept, repatriation can be understood as a situation in which an individual migrates to work and reside in one or several other countries, then intends to return to the country of first nationality to live and work for a period of one year or more.

Voluntary migration

Voluntary emigration means the return to the country of first nationality of one's own free will. The Council of Europe considers that voluntary migration can only be carried out by those who have the legal status to return to their home country¹ in other words, an individual wishing to migrate voluntarily should have the legal right to remain in the host country and be free from detention or violation of rights [4]. From a policy perspective, reintegration is only possible if there is voluntary migration because forced migration cannot be accompanied by reintegration policies. Voluntary migration is proactive because each migrant is able to consider adequate and valid alternatives for residency or citizenship [5].

The opposite of voluntary migration is forced migration. Forced migration is understood as the act of bringing an individual (against their will) back to the country of origin or transiting to a third country that agrees to accept the person through an administrative or judicial decision [6].

Definition of reintegration

There is no agreed upon definition of reintegration. It can be understood as the process by which a migrant returns to the native country to participate in the social, cultural, economic, and political life [7]. Reintegration is a multidimensional and wide-ranging

¹ Position on Return by the European Council on Refugees and Exiles. Brussels : European Council on Refugees and Exiles, 2003. 22 p.

concept, so reintegration is not easy to measure and can be observed at many levels such as the migrants themselves, families, communities, economy and society.

Effective repatriation means that workers return safely to their country of first nationality after achieving their migration goals abroad. Consular missions should advise and facilitate the safe return of migrant workers as part of their initial reintegration policies. Employers should facilitate the return journey of migrant workers after the expiration of their working period in accordance with the labour contract. Sending countries and communities should provide adequate reception services for returning migrant workers. Returning migrant workers should be encouraged to register with central and local authorities to facilitate access to support services when needed.

Effective reintegration means workers return and are able to connect with their families and communities, contributing to their economic and social development. In addition, sustainable reintegration is understood as a situation in which migrant workers stay in the native country for a long time without attempting to re-migrate. The concept of sustainable reintegration does not apply to the end of the migration cycle. In the context of well-executed migration policy, repatriation can be a step in the migration cycle, but not necessarily the end. Sustainable reintegration is therefore seen as the integration of repatriated migrants into the economic, social, and cultural processes of the country of origin and feeling that they are in a safe and secure environment upon return [8].

Impact of repatriation migration on reintegration

There are several types of repatriation migration such as irregular migration (return of permanent residents who have settled in other countries) or seasonal migration (return of temporary workers when their labour contracts abroad terminate). The timing of migration is important because if migrants return with their qualifications, skills, accumulated work experience and social networks with people in the host country, their contribution to the migration repatriation will be larger and reintegration easier. On the contrary, if the time of labour migration is only for a few months abroad, it may be more difficult to reintegrate after migrating and repatriating.

There are many reasons for repatriation migration, such as after completing migration goals, retirement, lack of success and inability to integrate abroad, family problems, rejected asylum applications and deportation from another country. A cycle of temporary migration often occurs for migrant workers who are obliged to return to their country of origin at the end of their contract, especially in countries in Asia and the Middle East. As for the long-term migration cycle, it usually happens to individuals who migrate for a long time and they may then decide to return either to retire, or because the conditions of residence or settlement have changed forcing them to return, or because they have achieved their long-term migration goals.

The most common reason given by workers is to miss their homeland and family [9]. Less than 6% of workers in the ASEAN region said they had saved as much money as they planned [10]. Forced migration due to deportation in the ASEAN region also ranges from 2% to 4% [11]. According to a survey of Myanmar citizens in Thailand, the most common reasons for repatriation are visa expiration, work permit expiration, deportation, invalid documents, return home to visit family and friends [12].

Effective reintegration programs largely depend on the voluntariness of repatriation and a decline in the rate of relocation. Returning migrants should be given the freedom to plan for their reintegration. Forced migration rates are often low for ASEAN citizens

as the majority of migrants from ASEAN will go to countries in East Asia or in the Gulf Cooperation Council (GCC) under temporary employment contracts [13].

Assisted repatriation migration is one in which migrants are provided with some assistance to return and reintegrate. Typically, the voluntary return and reintegration (AVRR) programs have been run by the IOM for over 40 years, with a scope for rejected asylum applications and irregular migrants. Support for repatriation migrants is administrative, logistical, or financial assistance to migrants who cannot or do not wish to remain in the country of importation or transit and wish to return to their country of origin [14]. Assisted repatriation also includes reintegration programs, and this model is mainly developed in Europe [15]. Through the global organizations IOM helped 72,176 migrants return to their country of origin in 2017 [16].

The urgency of the reintegration policy

ASEAN countries need to give more priority to the reintegration of repatriated migrants because migration policies focused on overseas employment expansion and remittances have not been given due attention [17].

In 2015 and 2016, more migrant workers returned to Indonesia than left the country to work abroad, so the net migration rate in the country recorded negative growth². Therefore, the rate of repatriated migrants in some ASEAN countries is often higher than the rate of labour migration abroad, so policies on reintegration after repatriation need to be prioritized [18]. Without a comprehensive reintegration support framework, returning migrant workers have to experience many difficulties, affecting their ability to reintegrate into the community and may suffer a lot of psychosocial traumas in the search for sustainable livelihoods.

Several commitments and recommendations were made during the 4th ASEAN Forum on Migrant Workers (AFML) to support the reintegration process³, such as: (i) policy setting to facilitate the migration of workers, including recruitment and protection of migrant workers while abroad and upon repatriation for reintegration; (ii) establish and implement human resource development and reintegration programs for repatriated migrants; (iii) protect and promote the rights of migrant workers [19]. Human resource development and reintegration programs can be an employment program that takes into account skills acquired abroad. Protecting and promoting the rights of repatriated migrants can include securing the right to form associations, participate in policy making and programs affecting migrant workers and access support for repatriated migrants and their families in accordance with national regulations and policies.

In Indonesia, the government's reintegration program for repatriated migrant workers has been implemented with the aim of improving skills through three subjects: (i) repatriated migrants who have completed their employment contracts; (ii) forced migration of workers who have not fulfilled their contract period; (iii) families of these two groups of people [20]. In the Philippines, the National Center for Reintegration has special programs

² International Labour Migration Statistics Database in ASEAN (ILMS) // International Labour Organization : [site]. URL: https://www.ilo.org/asia/WCMS_416366/lang--en/index.htm (accessed on 20.03.2023).

³ Recommendations of the 4th ASEAN Forum on Migrant Labour // International Labour Organization : [site]. URL: https://www.ilo.org/asia/projects/WCMS_213738/lang--en/index.htm (accessed on 20.03.2023).

for undocumented repatriated migrants and migrant workers⁴. In Vietnam, policies to support workers returning to work abroad in poor districts have also been applied [21].

The main pillar of the relationship between migration and remittance development is the migration and repatriation of workers. This role should be promoted to positively influence the development of countries in the ASEAN region through appropriate policies [22]. Return migrants are a high-quality workforce, ready to re-acquaint themselves with the local working environment [23]. Repatriated migrants can assist in the transfer of skills acquired abroad because they can contribute social value and social capital to the benefit of the home economy [24]. Repatriated migrants can stimulate investment in new businesses or tend to be self-employed [7].

On the international level, Article 67(2) of the International Convention on Migrant Workers calls for cooperation among states in order to promote economic conditions for resettlement and facilitate for sustainable social and cultural reintegration. The Global Compact on Migration has a similar recommendation, arguing that cooperation in facilitating repatriation and sustainable reintegration is urgently needed⁵.

How to issue and implement programs to support migration repatriation and sustainable reintegration

There is a number of general principles that ASEAN member states should apply in the formulation and implementation of sustainable reintegration programs.

First, reintegration programs are universally applicable to all migrant workers, without discrimination on the basis of gender, age, skills and migration status. This is because migrants, if abused in the recruitment process, are burdened with debt or provided with incorrect information prior to migration will not be able to achieve the set migration goals. At the same time, abuse and exploitation in the workplace and discrimination in the country of origin will severely reduce the ability of migrant workers to return⁶.

Second, all supporting policies and programs should respect the human and labour rights of migrants in accordance with international law and ASEAN law. The 2007 ASEAN Declaration affirmed that ASEAN member states should promote full capabilities and ethics of migrant workers in a free, equal and law-abiding working environment⁷. However, this statement is not fully complied with as labour immigration policies in the ASEAN region are subject to the domestic laws of each member state. Therefore, commitments in the ASEAN region in the coming time should ensure that migration support programs for repatriation and sustainable reintegration are based on rights with the active participation

⁴ Balik Pinay Balik Hanapbuhay Livelihood Program for Filipina OFWs // OWWA Member Community and Information Portal : [site]. URL: <https://owwamember.com/balik-pinay-program/> (accessed on 20.03.2023).

⁵ Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration – Intergovernmentally Negotiated and Agreed Outcome, 13 July 2018 // United Nations : [site]. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/180713_agreed_outcome_global_compact_for_migration.pdf (accessed on 20.03.2023).

⁶ Regional Guidelines on the Return and Reintegration of Migrant Workers Participating in the Employment Permit System of the Republic of Korea. Bangkok : ILO International Training Centre, 2015. 6 p.

⁷ The ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers // International Labour Organization : [site]. URL: <https://www.ilo.org/dyn/migpractice/docs/117/Declaration.pdf> (accessed on 20.03.2023).

of civil society organizations⁸.

Third, it is necessary to design a roadmap for policies to support repatriation and reintegration through registrations and survey information on the records of returnees. Surveys need to collect enough information on gender, job skills, reasons for returning, preparation for repatriation, etc. to clearly assess the specific need of each migrant. Sufficient data collection and investigation will form the basis for assessing the economic, political, cultural, and social aspects of reintegration. Especially information about workers in disadvantaged groups such as forced migration, people suffering from labour abuse, people being deported, victims of human trafficking crimes, etc.

Fourth, supportive policies should focus more on female workers because women are more likely to face discrimination or abuse in the workplace than men. At the same time, women are also vulnerable to human trafficking and forced labour⁹. Therefore, women have special needs in asking for assistance at each migration cycle¹⁰.

Fifth, the policy to support reintegration should focus on the role of the local community because returning migrants need a suitable working environment through the treatment of local people and community infrastructure improvement. In addition, the community's common voice in support of reintegration should be included in a consultation process, through the participation of industry associations. The repatriated migrants themselves also have the right to participate in this consultation process to provide input on the development of a sustainable reintegration support policy. Multi-stakeholder cooperation between central government, local government, civil society organizations, recruitment agencies, private companies and other public agencies is necessary to partially solve the problem of limited resources for reintegration.

Sixth, it is necessary to ensure the right to social protection for repatriated migrants in reintegration. The right to equitable access to social protection is one of the basic rights groups of returnees and is mentioned in the ASEAN Declaration on Strengthening Social Protection¹¹. The policy to support the reintegration of repatriated migrants should take into account the feasibility of social insurance for migrant workers according to their personal and family records, especially the possibility of transfer and social insurance linkages among ASEAN countries. This applies not only to legally immigrant workers but also to undocumented workers as they also have access to social security systems. Social security support should ensure that living and working conditions in the host country play an important role in reintegration. Possible job security, access to housing and freedom to develop social connections while abroad may be important criteria in planning appropriate reintegration support policies.

⁸ Guidelines for Recognizing the Skills of Returning Migrant Workers // International Labor Organization : [site]. URL: https://apskills.ilo.org/resources/guidelines-for-recognizing-the-skills-of-returning-migrant-workers/at_download/file2 (accessed on 20.03.2023).

⁹ Compendium on Migrant Workers' Education and Safe Migration Programmes // ASEAN : [site]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/12/ASEAN-Compendium-on-Workers-Education-and-Safe-Migration-Programmes.pdf> (accessed on 20.03.2023).

¹⁰ Conclusions and Recommendations // International Labor Organization : [site]. URL: https://www.ilo.org/asia/events/WCMS_310000/lang--en/index.htm (accessed on 20.03.2023).

¹¹ ASEAN Declaration on Strengthening Social Protection and Regional Framework and Action Plan to Implement the ASEAN Declaration on Strengthening Social Protection // ASEAN : [site]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/11/26.-November-2018-ASEAN-Declaration-on-Strengthening-Social-Protection-1st-Reprint.pdf> (accessed on 20.03.2023).

Challenges in enacting reintegration policies for repatriated migrants in ASEAN

First, ASEAN member states often lack data on repatriated migrants and their selection of reintegration patterns. ASEAN countries often face challenges in tracking or monitoring the flow of returning migrant workers or maintaining a database of repatriated migrants because the data collection process is inconsistent, stale and fragmented. Host countries are also often not transparent about immigration data, especially with regard to deportation data which is deemed sensitive. Inadequate information makes it difficult to provide the necessary support or interventions to help migrants repatriate.

Second, ASEAN countries often lack appropriate legislation, policies and mechanisms to address the issue of repatriation and sustainable reintegration. Some countries do not have a clear legal and policy framework to support the reintegration of repatriated migrants. This situation persists as the governments of the ASEAN community have not developed any policies or programs for the reintegration of returning migrant workers [25]. In 2018, with the exception of the Philippines, reintegration programs in ASEAN sending countries were still limited [26].

Third, economic stagnation in the native country will also affect the reintegration policy for repatriated migrants. If economic problems, unemployment, poverty and political conflicts promote migration, repatriation of migrant workers is unlikely. Reintegration policies should depend mainly on the overall economic, political and social circumstances. For example, according to a survey, Myanmar workers want to return to Myanmar (with high economic growth), while most Cambodian and Laotian workers do not want to repatriate in the short term because of poor job prospects and low wages¹².

Fourth, employment services in ASEAN countries for repatriated migrants are not fully developed and returnees lack the necessary information to access support services. Employment agencies play almost no supporting role to refer repatriated migrants. At the same time, there is no effective system for disseminating information on reintegration services, investment and employment options in any of the ASEAN member states to date.

Fifth, a huge challenge is the lack of coordination between the authorities in each country in supporting the reintegration of repatriated migrants. The responsibility to support reintegration may apply to some ministries and agencies. For example, the Ministry of Manpower, the Ministry of Social Affairs, the Ministry of Foreign Affairs, the National Agency for the Placement and Protection of Migrant Workers Indonesia all work together in support of reintegration in Indonesia. At the same time, central government agencies need to coordinate and work with a variety of other parties including employers' and workers' organizations, migrant workers' unions, civil society organizations, private companies, etc. to ensure their timely support for repatriated migrants.

Some good practices and typical ASEAN regulations on supporting migrant repatriation and reintegration

Legal framework for repatriation and reintegration assistance in some ASEAN member states

In the Philippines, support for repatriated migrants is provided for in the Migrant

¹² Assessing the Potential Changes in the Migration Patterns of Cambodian Migrants and their Impacts on Thailand and Cambodia // IOM Thailand : [site]. URL: <https://thailand.iom.int/sites/g/files/tmzbd1371/files/documents/IOM%20Infosheet%20-%20Cambodian%20Migrants%20Study.pdf> (accessed on 20.03.2023).

Workers and Overseas Filipinos Act 1995¹³. This act provides for support services for migrants' repatriation and reintegration through the proposed establishment of a migration monitoring center within the Department of Labour to facilitate reintegration into Philippine society, facilitate employment and exploiting professional skills.

In addition, the role of the Foreign Workers Welfare Administration (OWWA) is also clearly defined in Republic Act No. 10801¹⁴ through the provision of social welfare services and protection of repatriated migrant workers. OWWA is a national government agency under the Department of Labour and Employment and plays a large role in the reintegration of repatriated migrant workers as they have access to government funding. In addition, the Philippines also enacted Republic Act No. 10022¹⁵ in 2010 providing for the establishment of a National Reintegration Center to assist repatriated migrant workers.

In the Republic of Indonesia, Article 7 of Law No. 18/2017 on the Protection of Indonesian Migrant Workers¹⁶ provides that the protection of future repatriation migrant workers for all migration cycles (short-term or long-term). At the same time, Articles 24–18 provide many protections after workers' repatriation and Articles 39–42 clearly define the responsibility of governments from central to local levels in facilitating the economic and social reintegration of repatriated migrant workers.

In Cambodia, the 2014 National Labour Migration Policy made the point that the policy on returning migrant workers and their productivity reintegration would focus on aspects including employment services, development and recognition of vocational skills, development of training programs and investment from enterprises¹⁷. By 2019, the National Labour Migration Policy has draft changes to strengthen effective migrant worker repatriation and reintegration support mechanisms and services for all migrant workers.

National Center for Reintegration in the Philippines

As mentioned above, Republic Act No. 10022 of 2010 of the Philippines provided for the establishment of a National Reintegration Center to assist repatriated migrant workers. The target audience of this center is overseas Filipino workers, workers intending to repatriate (temporary or permanent) and their families. The center's goal is to provide a mechanism for reintegration into society and to promote local employment support services through harnessing the skills and potential of repatriated migrants for national development.

There are five main services that the center focuses on: (i) consulting services; (ii) job placement support services; (iii) business development support services; (iv) vocational skills training services; (v) support services for disadvantaged overseas workers. The Center also plays an important role in advising the Philippine government on the identification of all agencies involved in reintegration and ensuring that repatriation is included in bilateral agreements.

¹³ Migrant Workers and Overseas Filipinos Act of 1995 (No. 8042) // International Labour Organization : [site]. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/43183/84868/F1323808680/PHL43183.pdf> (accessed on 20.03.2023).

¹⁴ Overseas Workers Welfare Administration Act // Republic Act: Philippine Laws, Statutes & Codes : [site]. URL: <https://republicact.com/docs/statute/18285/ra-10801-overseas-workers-welfare-administration-act> (accessed on 20.03.2023).

¹⁵ Republic Act No. 10022 // Republic Act: Philippine Laws, Statutes & Codes : [site]. URL: <https://republicact.com/docs/statute/1093/republic-act-10022> (accessed on 20.03.2023).

¹⁶ Law on Protection of Migrant Workers (No. 18/2017) // International Labour Organization : [site]. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/109279/135524/F-1924328581/IDN109279%20Idn.pdf> (accessed on 20.03.2023).

¹⁷ Policy on Labour Migration for Cambodia 2019–2023. ASEAN : [site]. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/1.-Labour-Migration-Policy-2019-2023.pdf> (accessed on 20.03.2023).

The agencies involved in the reintegration assistance that the National Reintegration Center have identified are the foreign worker welfare administration, the Philippine development bank, the Philippine land bank, the Department of commercial and industrial. Some selected projects and the implementation of linkages between these agencies in supporting the reintegration of repatriated migrants are shown in Table 1. The programs listed below have all had some success in assisting repatriated migrant workers to reintegrate into the community.

Table 1

Migrant Repatriation and Reintegration Support Programs in the Philippines

Programs	Purpose of the program
Livelihood Development Assistance Program.	The aim is to subsidize livelihoods to bring about social security improvement for undocumented migrants.
Special Program for Returning Migrant Female Workers: "Balik Pinay! Balik Hanapbuhay!"	The purpose is to train and provide employment for returning migrant women.
Business Development and Loan Program.	A partnership between Land Bank of the Philippines (LBP) and Development Bank of the Philippines (DBP) to issue a business loan of up to PhP 2 million to immigrant individuals return and PhP 5 million for the organization with repatriated migrants.
Package of livelihood assistance: "Balik Pinas! Balik Hanapbuhay!"	This livelihood support package is designed to assist migrant pilgrims who have difficulty returning. Support up to PhP 20,000 includes the start-up of a livelihood project or financial supplement to a project that has already been implemented but lacks funds.
Program "Sa 'Pinas, Ikaw Ang Ma'am/Sir".	The purpose of this program is to assist workers returning from abroad to the Philippines. Especially the support for workers who have the purpose of improving their skills from abroad and choose to return to the Philippines to work as public-school teachers.

Source: compiled by the author

Migrant worker repatriation program in Indonesia

The Migrant Worker Zone Program in Indonesia is a program to ensure safety and adequate conditions in a region for repatriated migrant workers implemented by the Indonesian Ministry of Manpower (MOM). The objective of the program is to ensure that the region to which migrant workers return will improve the services and quality of life of a region, not only for the returning migrants but also for their families and neighbours. This is considered a stepping stone for the country to enact the Indonesian Migration Law No. 18 of 2017 with provisions to decentralize support services for repatriated migrants at the village government level. The repatriated migrant worker area needs to ensure the following conditions: (i) employment information services are provided through the Migration Service Center (directly disseminating information to potential migrants about formal procedures, the labour market, career guidance and potential problems); (ii) services to support the development of businesses for the families of migrant and repatriated workers (including skills training and business support); (iii) education and parenting services in the community; (iv) support to join cooperatives to strengthen village-owned enterprises.

During the implementation of this program, a good link between state agencies has

been established as a synergy between local level offices such as the Chamber of Industry and Trade, the Secretariat, the Office of Communication and Information. Information and Office for Women's Empowerment and Child Protection. Companies in the private sector are also called to participate in this program to provide financial management knowledge to returning migrants in need [27].

Process for recognizing skills and learning process when migrating workers

First, TESDA's online assessment program in the Philippines for overseas workers¹⁸. This program will assess the technical level and knowledge of workers, thereby issuing certificates to migrant workers returning home whether as employees or entrepreneurs. There are two types of certificates issued by the government through this program as National Certificate (NC) or Certificate of Competency (COC) depending on the purpose and choice of livelihood and career of the migrants. Some of the objectives targeted by the TESDA assessment program are: (i) Ensuring livelihoods for returning migrants in vulnerable occupations such as domestic work; (ii) Provide repatriated migrants the opportunity to undergo formal assessment and certification; (iii) Building partnerships with Philippine institutions and training providers.

Second, the program recognizes the learning and skills of returning immigrants in Cambodia¹⁹. Cambodia's National Commission for Tourism Professions (NCTP) is in the process of implementing a pilot project on recognition of the ability to learn during migration (RPL) on housekeeping for the Joint Tourism Program. ASEAN. Certificates of this program will be issued to qualified return migrants from the Ministry of Tourism, the Association of Employment Agencies of Cambodia (ACRA) and the Human Resources Association of Cambodia (MAC). The certificate can be tested against the Cambodia and ASEAN Qualifications Framework (CQF and AQF).

Third, the establishment of a number of NGOs to train and certify migrant workers in Singapore. Home Academy was established in 2010 in Singapore to provide high quality vocational training courses for all repatriated migrant workers including English, computer science, cooking, childcare, sewing, plastic surgery and financial management [1].

Besides, there is also Aidha organization that provides courses in financial management, communication skills, computer algorithms and entrepreneurship to help migrant workers (especially Singaporean women) earn an income. Lower income earners and economic independence through financial education. In addition, another organization, ACMI Singapore, also offers weekend courses for domestic workers through a number of subjects such as English, using computers, cooking, haircuts and sewing [1].

Some other typical practices and regulations in the world

Firstly, the happy repatriation migration program of the Employment Authorization System in Korea. Most of Asia's agreements with GCC countries only deal with return immigration after termination of employment or repatriation due to breach of contract terms or for public security reasons. With the happy repatriation program, returning migrant workers can participate in vocational training courses, job placement services before returning to Korea, such as assistance in applying for jobs at companies. In Korea,

¹⁸ Arayata C. TESDA Certifies Skills Competency of over 2K OFWs Abroad // Philippine News Agency : [site]. 10.12.2018. URL: <https://www.pna.gov.ph/articles/1056218> (accessed on 20.03.2023).

¹⁹ Assessing the Potential Changes in the Migration Patterns of Cambodian Migrants and their Impacts on Thailand and Cambodia // IOM Thailand : [site]. URL: <https://thailand.iom.int/sites/g/files/tmzbd1371/files/documents/IOM%20Infosheet%20-%20Cambodian%20Migrants%20Study.pdf> (accessed on 20.03.2023).

support administrative procedures to receive insurance benefits to help workers reintegrate well and continue to use their skills when working abroad²⁰. The Happy Repatriation Program responds in a timely manner to concerns about domestic labour trends in the migration and development sectors and serves as a vehicle for regional co-development. Asia as well as the intersection point between Korea's labour migration policies [28].

Second, Sri Lanka's 2008 National Labour Migration Policy has provided the necessary orientation for workers in this country to repatriate and reintegrate. The policy aims to: (i) social reintegration of repatriated migrants; (ii) economic reintegration of repatriated migrants; (iii) ensure the material and psychological well-being of repatriated migrants and their families; (iv) ensure civil and political rights for repatriated migrants; (v) the state effectively manages the process of migration, repatriation and reintegration²¹. The Sri Lanka Foreign Employment Department (SLBFE) has also established a specialized department responsible for implementing and monitoring the reintegration process outlined in the policy. Despite efforts, some recommendations have also been made that the SLBFE should be strengthened to coordinate with relevant ministries and agencies and conclude agreements with other supporting organizations. In particular, the SLBFE established a steering committee mechanism to engage civil society organizations and trade unions in the reintegration process of returning migrants²².

Third, a database project on repatriated migrants through survey and needs assessment at the European University Institute. The objective of the project is to understand the challenges and effects of repatriation migration on the development of the euro area. A set of analytical tools was applied to elucidate the demographic characteristics and reintegration patterns of migrants returning home after working in the Maghreb countries. This is considered a platform to exchange and share practical knowledge of returning migrants. Through a qualitative approach, the study collected literature and feedback from stakeholders to make all data available in the public domain [7].

Finally, there is Mexico's Somos Mexicanos program, which aims to promote the reintegration of repatriated migrants. The Somos Mexicanos program has a diverse approach with many coordinated activities of relevant agencies, NGOs, and private companies. Initially, the program was piloted in four cities to assist repatriated Mexican migrants in reintegration and leveraging skills learned abroad. Support in terms of access and replenishment of identity documents, procedures for certifying foreign qualifications and training in additional skills is required by the city. The job placement service is done through an online job bank – a platform that matches the profiles and skills recorded by applicants with employers. However, Somos Mexicanos has a limitation that the program only applies to migrants returning through specialized affiliated centers for repatriation, which migrants of this type cover only a limited number of people. small amount. A large number of migrants repatriated due to deportation and lack of documentation were not supported through this program²³.

²⁰ Happy Return Programme: Skills Enhancement for Return and Reintegration // Global Forum on Migration and Development : [site]. URL: <http://www.gfmd.org/pfp/ppd/1689> (accessed on 20.03.2023).

²¹ Sub-Policy and National Action Plan on Return and Reintegration of Migrant Workers Sri Lanka / Ministry of Foreign Employment. Colombo : International Labour Organization, 2015. 40 p.

²² Sub-Policy and National Action Plan on Return and Reintegration of Migrant Workers Sri Lanka / Ministry of Foreign Employment. Colombo : International Labour Organization, 2015. 40 p.

²³ Flannery, N. P. Dispatches from the Field: Return Migration in Mexico // Americas Quarterly : [site]. 28.07.2014. URL: <https://www.americasquarterly.org/department/dispatches-from-the-field-return-migration-in-mexico/> (accessed on 20.03.2023).

Some recommendations for repatriation and reintegration in ASEAN

In general, the ASEAN region needs to issue policy frameworks that better support the process of repatriation and reintegration, with particular attention to partnership and cooperation between different entities and agencies to solve problems throughout. The author has some policy recommendations as follows:

First, ASEAN Member States should be aware that preparation for effective reintegration and migration support should begin at the stage when workers are intending to migrate back home. Homeland migration and support should be ensured throughout the entire migration cycle back to the host country. The pre-departure period will be decisive as it will greatly affect the terms and conditions of work abroad for temporary (short-term) migrant workers. There are a number of issues that the host country needs to meet. The process of exporting labour and recruiting workers abroad needs to be fair and not cause any financial burden. At the same time, it is necessary to have a department of a state agency or a specialized organization providing information services to help workers understand the notes on working, living conditions abroad, financial assistance programs and their rights and obligations.

Second, ASEAN member states need cooperation between labour exporting and importing countries throughout the migration cycle to promote repatriation and sustainable reintegration in the future. The common responsibilities of states are clearly stated in ASEAN documents. However, practice shows that these shared responsibilities are still fully fulfilled because they are not mandatory or do not have any redress mechanism if a member state fails to do so. At the same time, ASEAN documents in the current period have not directly mentioned any support mechanism to prepare migrants for reintegration in the process of reintegration. It can be seen that some areas that ASEAN countries need to pay attention to regarding reintegration are the ability to provide social security benefits, skills recognition process, compensation scheme and health benefits after repatriation. ASEAN countries can refer to the Work Permit System approach to approach some practices based on existing frameworks in Korea.

Third, ASEAN countries should conduct extensive consultations and consultations with returning migrants and their families to form an open database for research and issue appropriate support policies. From local authorities in the country of origin, trade unions, employers' organizations, migrant workers' associations, local communities, civil society organizations, recruitment agencies and workers' communities All foreign countries need to be consulted and consulted in order to collect multi-dimensional perspectives to develop more effective and sustainable reintegration support programs and projects. As the data sources are diverse, the different support needs of returning migrants will also be analyzed from various angles, thereby making reintegration easier. Repatriated migrant workers should be offered a diverse range of options in addition to business investment options (opportunities to participate in the labor market, various financial instruments, and mental health recovery...). Social, psychological and health needs are extremely important, which the current reintegration support policies in ASEAN are lacking. One point to note is that the quantitative database is only a starting point and additional data needs to be supplemented through periodic surveys throughout the system. Useful qualitative information on the profiles, experiences and perspectives of returning migrant workers will serve as a key pillar for policymakers to know where to improve, from analyzing separate issues by gender, age, professional skills or career counseling when necessary.

Fourth, policies on supporting migrant repatriation and sustainable reintegration in

ASEAN need to incorporate careful gender considerations as each gender has different support needs. This recommendation is also made to ensure fairness in policymaking as women may make up a high proportion of return migrants and often face various challenges by their own level of vulnerability. Compared with men, returning migrant women may face difficulties in accessing necessary information, bank loan services as well as access to employment services to enter the market. Gender-specific studies on the sustainable reintegration of returning migrants should be conducted in a transparent manner to assess issues related to discrimination against women returning from abroad. An agency or association for repatriated female migrant workers could be a possible countermeasure to this problem as a counselor for returning migrant women who have difficulty reintegrated into the local community.

References

1. Junghus, Ch. *Implementation of Recommendations from the 3rd to 10th ASEAN Forum on Migrant Labour (AFML) : Progress Review Background Paper* / Ch. Junghus, M. Paavilainen, A. Fleury. Bangkok : International Labour Organization, 2019. xii, 68 p. ISBN 9789221335108.
2. United Nations Statistical Division. *Recommendations on Statistics of International Migration, Revision 1*. New York : United Nations, 1998. iii, 95 p. ISBN 92-1-161408-2.
3. International Labour Office Department of Statistics. *Guidelines Concerning Statistics of International Labour Migration*. 20th International Conference of Labour Statisticians. Geneva, 10–19 October 2018. Geneva : International Labour Office, 2018. 20 p.
4. Wilson, P. *Expert Meeting on Protecting the Human Rights of Migrants in the Context of Return. Background Paper*. Geneva : United Nations High Commissioner for Human Rights, 2018. 14 p.
5. González Morales, F. *Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants*. New York : United Nations General Assembly, 2022. 23 p.
6. *International Migration Law No. 34 – Glossary on Migration*. Geneva : International Organization for Migration, 2019. 248 p. ISSN 1813-2278.
7. *Reintegration and Development* / J.-P. Cassarino (ed.) ; Return Migration and Development Platform (RDP), CRIS, Analytical Study. Fiesole : European University Institute, 2014. 187 p.
8. Koser, K. *Comparative Research on Assisted Voluntary Return* / K. Koser, K. Kuschminder. Geneva : International Organization for Migration, 2015. 343 p.
9. Bernas, J. C. L. *A Typology of OFWs Returning Home: A Survey Study on the Return and Reintegration of OFWs*. Manila : Institute for Labor Studies, 2016. 48 p.
10. Hatsukano, N. Returned Migrant Workers in Cambodia: Motivations for Moving and Economic Reintegration, in: *Rethinking Migration Governance in the Mekong Region: From the Perspective of the Migrant Workers and Their Employer* / N. Hatsukano (ed.) ; Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA), Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization (IDE-JETRO). Jakarta : ERIA, 2019. P. 57–72.
11. Harkins, B. *Risks and Rewards: Outcomes of Labour Migration in South-East Asia* / B. Harkins, D. Lindgren, T. Suravoranon. Bangkok : International Labour Organization, International Organization for Migration, 2017. 116 p. ISBN 978-92-2-131411-0.
12. *Flow Monitoring Surveys: Insights into the Profiles and Vulnerabilities of Myanmar Migrants to Thailand*. Bangkok : International Organization for Migration, 2018. 56 p.
13. Harkins, B. *Review of Labour Migration Policy in Malaysia* / Tripartite Action to Enhance the Contribution of Labour Migration to Growth and Development in ASEAN (TRIANGLE II Project), ILO Regional Office for Asia and the Pacific. Bangkok : International Labour Organization, 2016. v, 30 p. ISBN 9789221307853.
14. Hart, L. *Reintegration, Effective Approaches* / L. Hart, A. Fonseca, S. Klink. Geneva : International Organization for Migration, 2015. 39 p.
15. Newland, K. *Balancing Acts: Policy Frameworks for Migrant Return and Reintegration* / K. Newland, B. Salant. Towards a Global Compact for Migration: A Development Perspective – A Series to Inform the Debate, Issue No. 6. Washington DC : Migration Policy Institute, 2018. 26 p.
16. Nguyen, A. *Assisted Voluntary Return and Reintegration 2017 Key Highlights* / A. Nguyen,

N. Gravano, N. Darbellay, E. Quillet, R. Keirstead, Y. Lee. Geneva : International Organization for Migration, 2018. 77 p.

17. Rashid, S. R. *A Framework of Services for Reintegration and Remigration of International Labour Migrants from Bangladesh* / S. R. Rashid, A. A. Ashraf. Dhaka : International Organization for Migration, 2018. 52 p.

18. Bachtiar, P. P. *Return Migration and Various Reintegration Programs for Low-Skilled Migrant Workers in Indonesia* / P. P. Bachtiar, D. D. Prasetyo. Jakarta : SMERU Research Institute, 2017. 49 p.

19. *ASEAN Consensus on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers*. Jakarta : ASEAN Secretariat, 2018. 48 p. ISBN 9786026392992.

20. Wickramasekara, P. *Effective Return and Reintegration of Migrant Workers with Special Focus on ASEAN Member States*. Bangkok : ILO Regional Office for Asia and the Pacific, 2019. 36 p. ISBN 978-92-2-134063-8.

21. *Returning Vietnamese Migrant Workers: Policy and Practice* / Department of Overseas Labour (DoLAB), Ministry of Labour – Invalids and Social Affairs, Vietnam ; International Organization for Migration. Hanoi : DoLAB, 2014. 62 p.

22. Haase, M. *Return Migration and Reintegration Policies: A Primer* / M. Haase, P. Honerath ; Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH, German Marshall Fund of the United States. Berlin, 2016. 14 p.

23. *Returnee Migrants: A ready workforce – How Returnee Migrants Can Become Active Economic Agents*. Geneva : International Labour Office, 2015. 17 p.

24. Debanath, P. *Leveraging Return Migration for Development: The Role of Countries of Origin. A Literature Review*. Washington, DC : Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD), 2016. xi, 67 p.

25. United Nations. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific ESCAP. The Return of International Labour Migrants in the ESCAP Region. *International Migration*. 1986. Vol. 24, No. 1. P. 129–145. DOI [10.1111/j.1468-2435.1986.tb00106.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1986.tb00106.x).

26. Go, S. P. *The Philippines and Return Migration: Rapid Appraisal of the Return and Reintegration Policies and Service Delivery*. Manila : International Labour Office, 2012. 28 p. ISBN 978-92-2-126109-4.

27. Mindarti, L. I. The Empowerment of Post-Indonesian Migrant Workers' Family Through a Productive Migrant Village Program (Desmigratif) / L. I. Mindarti, F. Anggraeni. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 154. P. 31–38. DOI [10.2991/aebmr.k.201116.006](https://doi.org/10.2991/aebmr.k.201116.006).

28. Cho, Y. *Bilateral Arrangement of Temporary Labor Migration: Lessons from Korea's Employment Permit System* / Y. Cho, A. Denisova, S. Yi, U. Khadka. Washington D.C. : World Bank Group, 2018. 87 p.

Bio note:

Thong Tran Nguyen Phuoc, Master of Laws, Teaching Assistant, Cooperation Center for Lawyer Training on International Trade, Judicial Academy, Ho Chi Minh City, Vietnam.

Contact information: e-mail: trngphuochong.cltit.ja@gmail.com; ORCID ID: [0009-0005-7462-657X](https://orcid.org/0009-0005-7462-657X); Web of Science Researcher ID: [HTT-3235-2023](https://www.researcherid.com/HTT-3235-2023).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR and VASS, project No. 20-511-92002 “Russia’s Strategy in Southeast Asian Education Markets: Socio-demographic Potential Assessment and Public Policy Directions”.

Received on 06.03.2023; accepted for publication on 05.05.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ РЕПАТРИАЦИИ И РЕИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РЕГИОНЕ АСЕАН

Чан Нгуен Фуок Тонг

Юридическая академия, Хошимин, Вьетнам

E-mail: trngphuochong.cltit.ja@gmail.com

Для цитирования: Чан Нгуен Фуок Тонг. Политика и практика в области репатриации и реинтеграции мигрантов в регионе АСЕАН // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.3). EDN [ALHWRJ](https://edn.alhwrj.com).

Аннотация. Одним из важнейших прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, является право на гражданство. Процесс репатриации мигрантов и их реинтеграция в общество на родине вызывает все больший интерес у специалистов по миграционной политике, так как этот процесс тесно связан с повесткой «миграции и развития». Цикл трудовой миграции всегда включает три важных этапа: отъезд, работу и проживание за границей, репатриацию. Страны-доноры прилагают большие усилия для стимулирования возвращения на родину трудовых мигрантов: государствами реализуются программы поддержки репатриации и реинтеграции в местное сообщество после возвращения домой. Базу настоящего исследования составляют определяющие положения программ реинтеграции для вернувшихся на родину мигрантов. Исходя из этого, была сформирована цель исследования: выявить общие принципы и условия программ поддержки для работников, возвращающихся в страну происхождения. Для достижения поставленной исследовательской задачи автор выделяет успешные практики и недостатки некоторых таких программ, реализуемых в АСЕАН. Новизну результатов исследования определяют предложенные автором рекомендации по совершенствованию программ поддержки для трудовых мигрантов, возвращающихся на родину и реинтегрирующихся в общество на современном этапе.

Ключевые слова: миграция; репатриация; реинтеграция; программы поддержки; АСЕАН; трудовые мигранты.

Сведения об авторе:

Чан Нгуен Фуок Тонг, магистр права, ассистент кафедры, Центр сотрудничества по подготовке юристов в области международной торговли, Юридическая академия, Хошимин, Вьетнам.

Contact information: e-mail: trngphuochong.cltit.ja@gmail.com; ORCID ID: [0009-0005-7462-657X](https://orcid.org/0009-0005-7462-657X); Web of Science Researcher ID: [HTT-3235-2023](https://www.researcherid.com/rid/HTT-3235-2023).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 20-511-92002 «Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики»

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; принята в печать 05.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.4)EDN [VUPSYZ](https://vupsyz.ru)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Долженкова Е.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: skinx@inbox.lv

Мохорова А. Ю.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mokhorova@list.ru

Для цитирования: Долженкова, Е. Интеграционные процессы ЕАЭС в условиях санкций: социально-экономический и демографический аспекты / Е. Долженкова, А. Ю. Мохорова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 55–65. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.4). EDN [VUPSYZ](https://vupsyz.ru).

Аннотация. В период турбулентности на политическом уровне особое значение уделяется экономической составляющей регионального сотрудничества государств. На экономическое сотрудничество стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и их внешнеторговые отношения за последние несколько лет влияние оказало санкционное давление, вследствие которого произошли изменения в составе основных внешних партнеров. Цель статьи заключается в определении инструментов, позволявших нивелировать санкционное давление на ранних этапах, а также в поиске решений, которые будут актуальны для всего региона в будущем. Объектом исследования являются внешнеэкономические показатели государств-участников ЕАЭС, предметом исследования – внешнеэкономические отношения между основными экономическими партнерами, как внутри союза, так и между странами-участницами и сторонними партнерами. Для стран-участниц ЕАЭС таким внешним партнером сегодня стала Китайская Народная Республика, на которую приходится основной объем импортно-экспортных операций России, Казахстана и Беларуси. Применяя региональный подход, а также статистические данные по импортно-экспортным операциям за прошедший период 2021–2022 гг., можно выявить снижение внешнеэкономических показателей отдельных стран-участниц ЕАЭС. Для улучшения экономических показателей всех участников союза предлагается разработка общей политико-экономической программы, создание и внедрение нормативно-правовой базы применительно к отношениям с основными внешними партнерами.

Ключевые слова: интеграционная политика; экономическое сотрудничество; санкционное давление; ЕАЭС.

Введение

Сотрудничество государств строится в зависимости от национальных интересов, социально-экономического состояния, географического положения. Государства-участники Евразийского экономического союза, помимо перечисленных факторов [1], имеют общее историческое наследие – Советский Союз. Безусловно, положение в качестве участника Союза ССР оставило за собой сформированную систему ценностей, как на социально-политическом уровне, так и в экономической сфере. В данном случае эти понятия можно охарактеризовать, с одной стороны, с практической точки зрения – использование советских стандартов производства. С другой сторо-

ны, ментальная близость людей между собой вне зависимости от места проживания на территории СССР, включая восприятие современного пространства ЕАЭС в качестве возможности реализации собственных экономических и социальных интересов. Особое значение имеет и Содружество Независимых Государств (СНГ), которое сплачивает страны одного региона в рамках политико-социальных и экономических процессов.

Нельзя не отметить роль демографических процессов при рассмотрении интеграционной политики союза. В данном случае необходимо определить взаимосвязь роста экономики стран-участниц, повышения уровня жизни населения, усиления миграционных потоков, которые возможно сохранить внутри региона благодаря основе, заложенной, как во времена Советского Союза, так и на основании опыта СНГ. Таким образом, при ускорении роста экономики и при нивелировании проблем, вызванных санкционным давлением, представляется возможным сохранить стабильную демографическую ситуацию в странах-участницах ЕАЭС, создать собственный потенциал специалистов и рабочих, которые смогут реализовать экономические интересы в государствах-участниках союза, тем самым создавая внутренний рынок рабочих и высококвалифицированных специалистов. Обратимся к «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза» от 6 декабря 2018 г.¹, где особое значение придается развитию человеческого капитала посредством предоставления возможности населению участвовать в бизнес-процессах внутри региона, когда страны-участницы, в свою очередь, создают открытые экономические пространства за счет либерализации экономики и уменьшения барьеров для миграционных потоков внутри ЕАЭС. Внимание также сфокусировано на научной и культурной сферах, которые в декларации рассматриваются в качестве одной из составляющих демографических процессов как инструмент интеграционной политики союза.

ЕАЭС сформировался как единое пространство для реализации социально-экономических интересов государств-участников бывшего Советского Союза, население которых на индивидуальном уровне обладает необходимыми навыками для реализации собственных социально-экономических интересов, включая условия, в которых лидером отношений является Российская Федерация. Республика Казахстан и Республика Беларусь также являются равными партнерами наряду с Республикой Армения и Кыргызской Республикой. Основное различие в данной статье проводится по экономическим возможностям участников союза. В основе ЕАЭС лежат интересы регионального сотрудничества государств, которые имеют под собой запрос на стратегическое развитие, как региона в целом, так и на национальном уровне – для отдельного государства-участника. Как отмечают исследователи [2], ЕАЭС все еще находится на пути своего построения. Влияние санкционного давления на союз сказывается с 2014–2015 гг. – с момента создания ЕАЭС, что, например, выразилось в препятствии по заключению договорных отношений союза и третьих стран. В свою очередь, это привело к усилению интеграционных процессов внутри самого союза и поиску иных партнеров из других регионов.

Роль и место Российской Федерации в ЕАЭС, а также ее положение в условиях двусторонних отношений между государствами-членами сложно переоценить –

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Правовой портал Евразийского экономического союза : [сайт]. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01522031/ms_10122018 (дата обращения: 30.03.2023).

Россия гораздо более экономически развита, чем иные государства данного региона. Здесь же важно отметить и ее политическую роль на международной арене, благодаря которой, в том числе ЕАЭС может развивать сотрудничество с другими странами (например, Китай, Индия и т. д.) [3]. Отличается Российская Федерация от других стран-участниц и по виду экспортной номенклатуры товаров, в основе которой лежат энергоресурсы.

До 2022 г. ЕАЭС активно развивался², несмотря на ограниченные санкции в отношении Российской Федерации. После 2022 г. санкционный механизм был усилен, как в отношении России, так и в отношении Республики Беларусь. Между тем направления сотрудничества с внешним миром стран-участниц ЕАЭС развиваются согласно поставленным целям.

Вторая страна в ЕАЭС, которая подвергается санкционному давлению – Республика Беларусь – перестраивает экономику, как в рамках союза, так и самостоятельно с третьими странами [4]. Исходя из условий договорных отношений в ЕАЭС, государства-участники вправе заключать международные договоры в рамках экономических отношений с иными странами. Республика Беларусь также переориентируется на страны, которые не ввели санкции и не поддерживают их – здесь выделяются Турция и Китай, в том числе как наиболее перспективные для развития внешнеэкономических связей партнеры. Е. Б. Стародубцева [5] приводит аргументы о необходимости и целесообразности развития проекта «Большая Евразия», где основными партнерами будут страны Азиатского региона и ЕАЭС. Безусловно, эта же тенденция развития региональной экономики продиктована и положением Китая, который также ищет перспективные направления развития собственной экономики в условиях напряженных отношений с США. А. Н. Спартак [6] отмечает важную роль «Большого Евразийского партнерства», которое при участии Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволит ЕАЭС в условиях санкционного давления развиваться в качестве перспективного экономического союза регионального значения.

Многие исследователи [7] обращают внимание и на некоторое стремление к обособленности и/или к уменьшению интеграции с ЕАЭС, в частности, Республики Казахстан, правительство которого стремится к некоей самостоятельности политико-экономического развития, что отражается в углублении сотрудничества Казахстана с Китаем, а также со странами, поддерживающими санкционное давление. Г. И. Чуфрин [8] приводит и другие негативные положения политико-экономического развития в регионе ЕАЭС. Например, обозначенное в статье санкционное давление со стороны западноевропейских стран на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, безусловно, испытывает на прочность региональный экономический союз. Кроме того, выделяются некоторые проблемы среди стран-участниц ЕАЭС, касающиеся нерешенных политико-экономических вопросов, связанных с национальной позицией, и реализации национальных политико-экономических отношений с третьими странами, поддерживающими санкционное давление.

Цель статьи заключается в определении инструментов благодаря которым удастся нивелировать санкционное давление на государства, оказывающие ключевое влияние на развитие региона ЕАЭС, и в определении благоприятной внутрирегиональной политики на будущее.

² О перспективах интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/128320/> (дата обращения: 30.03.2023).

Материалы и методы

Используя региональный подход, выделим азиатский регион в широком смысле, где государства, которые вышли на высокие показатели собственного экономического развития, стремятся к достижению экономического и политического влияния. Здесь выделяются Китай, Индия и Турция. В данном исследовании не делается акцент по виду импортной и экспортной продукции, а учитывается лишь общий объем продукции. Среди трех государств внешнего сотрудничества ЕАЭС особняком стоит Турецкая Республика, которая по итогам 2022 г. признана главным реэкспортером товаров в Российскую Федерацию³. Главным внутренним реэкспортером в ЕАЭС стала Республика Казахстан. Основными сведениями по импортно-экспортным операциям являются статистические данные открытого доступа⁴ («Основные показатели Российской Федерации годы (с 1994 г.)», «Внешняя торговля Российской Федерации с основными странами, месяцы (с 2006 г.)», «ЕМИСС/1.31.1/Внешнеторговый оборот», «ЕМИСС/1.31.1/Экспорт товаров», «ЕМИСС/1.31.1/Импорт товаров»), включая те, что представлены на официальном сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации⁵ («Экспорт России важнейших товаров за январь 2022 года» и «Импорт России важнейших товаров за январь 2022 года»). Доля импортно-экспортных операций ЕАЭС за 2022 г. отображена на официальном сайте Евразийской экономической комиссии в «Аналитическом обзоре от 21 марта 2022 г.»⁶.

Результаты

Интеграционные процессы в странах ЕАЭС опираются на экономический блок отношений. По статистическим данным за 2022 г. по сравнению с 2021 г. между государствами-участниками выросли показатели импортно-экспортных операций. Например, наибольший объем импортно-экспортных операций между Российской Федерацией и странами-участницами ЕАЭС пришелся на Республику Казахстан и Республику Беларусь. В условиях санкционного давления на Россию и Беларусь Казахстан также является и основным внутренним государством, через которое проходит параллельный импорт товаров. По итогам внешней торговли ЕАЭС лидерами являются Россия, Казахстан и Беларусь. Внешние торговые отношения этих же трех государств наблюдаются со странами азиатского региона. Лидер в данных отношениях – Китайская Народная Республика. Именно с Китаем страны-участницы ЕАЭС

³ Тектонический сдвиг: как изменилась внешняя торговля России в 2022 году // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2023/63a449789a7947778972b81> (дата обращения: 02.04.2023).

⁴ Информационно-аналитические материалы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 02.04.2023).

Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 02.04.2023).

Динамические ряды по разделам статистики // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/series/sections.aspx (дата обращения: 02.04.2023).

⁵ ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь 2022 г. // Федеральная таможенная служба : [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/329649> (дата обращения: 02.04.2023).

⁶ О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2022/Analytics_E_202201.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

развивают основные экономические связи. Внешним хабом параллельного импорта для России и Беларуси является Турецкая Республика.

В 2022 г. санкционное давление на Российскую Федерацию усилилось. В то же время Казахстан, как один из главных российских партнеров, в рамках ЕАЭС увеличил объемы импортно-экспортных операций⁷, в том числе и из государств западноевропейского региона. Импорт в Республику Казахстан за 2022 г. составил на 20,8% больше, чем за 2021 г., доход от экспортных операций возрос на 36,9%. Экспортные операции в страны ЕАЭС выросли более чем на 24%.

Итоги внешней торговли Республики Беларусь за 2022 г. носят отрицательный характер. В данном случае можно предположить, что негативные результаты связаны с санкционной политикой западноевропейских стран в отношении Российской Федерации и высокой степенью интеграции России и Беларуси. Показатели импорта и экспорта услуг⁸ за 2022 г. по отношению к 2021 г. опять-таки снизились – экспорта с 10,3 до 9,2 млн долл. США, импорта – с 5,7 до 5,1 млн. В Республике Беларусь отмечают, что основными партнерами, с которыми экономические отношения уже налажены, являются страны ЕАЭС и СНГ. В качестве перспективного развития экономических отношений с Республикой Беларусь называют страны Азии, Африки, Америки и Океании.

По итогам 2022 г. показатели импорта-экспорта по всем государствам-участникам ЕАЭС различается. Как следует из статистических данных, показатели Республики Беларусь и Российской Федерации по сравнению с 2021 г. снизились. Необходимо уточнить, что данные, представленные по обеим странам, доступны лишь частично. Федеральная таможенная служба России временно ограничила публикацию данных по внешней торговле с апреля 2021 г.⁹ Данные по Республике Беларусь также доступны в ограниченной форме¹⁰. По данным, доступным за январь-февраль 2022 г.¹¹, основная доля импорта Республики Беларусь приходилась на Россию (рост на начало 2022 г. составил 33,7%), Китай (рост на 6,6%), Украину (рост на 20,7%), Германию (падение на 8,7%), Польшу (падение на 7,1%). Основные направления экспорта за тот же период приходились на Россию (рост на 24,5%), Украину (рост 73,8%), Нидерланды (рост 35,4%), Польшу (рост 21,7%), Китай (рост 17,8%). Положительная динамика за 2022 г. наблюдается у Республики Казахстан¹², как в импорте, так и в экспорте. Основными

⁷ В 2022 г. положительное сальдо внешней торговли Казахстана увеличилось в 1,8 раза // ИА «Финмаркет» : [сайт]. URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5899761> (дата обращения: 29.04.2023).

⁸ Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // Министерство иностранных дел Республика Беларусь : [сайт]. URL: <https://mfa.gov.by/trade> (дата обращения: 29.04.2023).

⁹ Экспорт из РФ в 2022 году подскочил на 19,9%, импорт снизился на 11,7% // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/890735> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁰ Внешняя торговля товарами // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹¹ Внешняя торговля товарами Республики Беларусь в январе-феврале 2022 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. // URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2022/infografics-foreign_trade-2202.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

¹² Внешняя торговля Казахстана: исторический рекорд и новые вызовы // Международное информационное агентство «Kazinform» : [сайт]. URL: https://www.inform.kz/ru/vneshnyaya-torgovlya-kazhastana-istoricheskiy-rekord-i-novye-vyzovy_a4046134 (дата обращения: 30.04.2023).

государствами-партнерами Казахстана по импорту являются Россия – рост на 34,7% за 2022 г., Китай – 21,9%, Германия – 4,5%, США – 3,8%, Турция – 3,2%, Республика Корея – 3,1%. По экспорту страны-партнеры Казахстана: Италия – рост на 16,4% за 2022 г., Китай – 15,6%, Россия – 10,4%, Нидерланды – 6,5%, Турция – 5,6%, Республика Корея – 5,4%. Сводные данные по импортно-экспортным операциям государств-участников ЕАЭС представлены в табл. 1.

Таблица 1

Изменения в импортно-экспортных операциях стран-участниц ЕАЭС в 2022 г.

Table 1

Changes in import and export operations of the EAEU member states in 2022

Страна	Импорт	Экспорт
Российская Федерация	Падение на 11,7%	Рост на 19,9%
Республика Беларусь	Падение на 7,6%	Падение на 4,2%
Республика Казахстан	Рост на 20,8%	Рост на 36,9%
Республика Армения	Рост на 63,5%	Рост 77,7%
Кыргызская Республика	Рост на 76,4%	Падение на 23,1%

Источник: составлено авторами по данным статистических комитетов стран-участниц ЕАЭС¹³

В условиях санкционного давления на основные страны-участницы ЕАЭС, с одной стороны, эти государства укрепляют собственную экономическую интеграцию, с другой стороны, сосредотачивают основное внимание на странах Азии, основным бенефициаром которых можно назвать Китайскую Народную Республику. Нельзя не отметить того факта, что китайский рынок давно стал приоритетным для развития государств-участников ЕАЭС, как в рамках реализации продукции, так и для открытия собственных отраслей экономики с привлечением китайских инвестиций [9].

Обсуждение

Страны-участницы ЕАЭС в рамках союза и в рамках национальных политико-экономических отношений имеют разных экономических партнеров. По итогам 2022 г. эти различия значительно отразились на импортно-экспортных показателях государств-участников. С одной стороны, это предоставляет дополнительные возможности для стран-участниц ЕАЭС, на которые оказывается санкционное давление. Например, позволяет реэкспортировать в эти страны санкционные товары в рамках союза. С другой стороны, государства, которые поддерживают экономические санкции и являются внешними партнерами стран-участниц союза, могут использовать экономические отношения в качестве инструмента давления, тем самым разобщая союз и препятствуя процессам политико-экономической интеграции.

Наиболее значимым представляется положение Республики Казахстан. Казахстан стремился и стремится поддерживать внешние политико-экономические отношения с партнерами в различных регионах, в том числе с государствами, которые

¹³ ВВП Армении в 2022 году вырос на 14,5% // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/884025> (дата обращения: 08.05.2023); В 2022 году импорт Кыргызстана в страны ЕАЭС вырос на 81,7% // Информационное агентство «Акчабар» : [сайт]. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/import-kyrgyzstana-v-strany-eaes-vyros-na-817/> (дата обращения: 08.05.2023).

поддерживают санкционное давление в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь. Как показывают результаты исследования, одними из значимых партнеров во внешних экономических отношениях для Казахстана являются США, Германия и Италия. Политика Казахстана в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках ЕАЭС может быть подвержена влиянию внешнеэкономических партнеров, что, безусловно, в перспективе может негативно сказаться на интеграционных процессах союза. Нельзя не отметить, что в условиях турбулентности с 2022 г. любые дополнительные осложнения в отношениях стран-участниц ЕАЭС не приведут к положительным результатам, а лишь осложнят положение остальных участников. Справедливым представляется то, что для усиления положения союза, включая укрепление союзной интеграции, необходимо разработать общую политико-экономическую программу, как для внешних партнеров, так и для внутренних, и создать обязательные условия для реализации этой программы. В данном случае существует риск «снижения суверенитета», но как показывает практика других экономических союзов, без подобного рода «жертв», экономические интеграционные процессы не приносят значительной выгоды участникам союзных образований.

Важно отметить положение Республики Беларусь, которая до недавнего времени имела значительное количество внешних партнеров, в том числе из государств западноевропейского региона несмотря на то, что изначально являлась страной-участницей ЕАЭС. В целом существовала перспектива становления Беларуси хабом для товаров из Китая в Европу, что, безусловно, влекло за собой значительную прибыль как для транзитного государства. В настоящее время Беларусь в качестве внешнего партнера ориентируется на Китай, но в то же время рассматривает и другие рынки, в том числе экспортные. Здесь наблюдается общая с Россией политико-экономическая ориентация, например, налаживание экономических связей со странами Африки и Ближнего Востока. Уместно заметить, что географическое положение государств-участников ЕАЭС позволяет наладить тесное сотрудничество со странами Ближнего Востока, в том числе при участии стран СНГ, не входящих в союз. Государства Ближнего Востока, к примеру, Иран также находится под влиянием санкционного давления, соответственно страна заинтересована в поиске новых стабильных экономических партнеров, которым мог бы стать единый союз ЕАЭС. В целом страны Ближнего Востока представляют собой значительный потенциал, как в экономическом, так и в политическом отношении. Здесь возможно отметить и выстраивание в дальнейшем общей политико-экономической повестки по международным вопросам, создание международной коалиции по тем или иным вопросам стратегического планирования.

Еще одним важным партнером для ЕАЭС является Турция, которая может стать общим партнером для всего союза в рамках политики глубокой интеграции. Турецкая Республика претендует, прежде всего, на роль экономического партнера, который обладает потенциалом глобального экспортера собственной продукции, а также партнером по реэкспорту товаров из других стран, в том числе товаров из санкционного списка.

Общими партнерами для ЕАЭС могут стать и государства Латинской Америки, с которыми и сейчас страны-участницы союза поддерживают политические, социальные и экономические отношения. В целом, рассматривая направления общего сотрудничества ЕАЭС, реально создать некоторый противовес государствам, поддерживающим экономическое давление на доминирующие страны-участницы союза –

Россию и Беларусь. Что предоставит возможность для формирования международной коалиции и приведет к созданию сильных и независимых союзных образований не только по экономическим вопросам, но и по вопросам международных отношений.

Безусловным лидером является Китай, который стремится к доминирующей позиции по экспорту в страны ЕАЭС, одновременно с этим открывает пути для импорта продукции, произведенной в государствах-участниках союза, и энергоресурсов. Положение КНР в качестве актора, стремящегося к доминированию на международной арене в условиях непростых отношений с США и их союзниками в Западной Европе, заставляет эту страну искать новых глобальных партнеров. Нельзя исключить и географическую близость Китая к государствам ЕАЭС, что также является одним из факторов в пользу сближения с регионом. В таком контексте положительный характер имеет и давняя политика России, Беларуси и Казахстана в отношении с Китаем – налаживание экономических, политических, социальных и культурных связей между странами. Выстраиванию более тесных отношений между государствами способствует и переориентация самого Китая, который давно инвестирует в различные отрасли экономики всех стран ЕАЭС. Необходимо подчеркнуть и глобальную роль Китая для государств Европы, которые также ориентируются на международное сотрудничество с ним. Китайские инвестиционные и экономические возможности оказывают положительный эффект для стран европейского региона, в том числе и в качестве государств-транзитеров. Здесь возможно возобновление проектов, направленных на улучшение и удешевление логистических цепочек поставок товаров из Китая в Западную Европу.

Заключение

Актуальной проблемой для интеграционной политики ЕАЭС сегодня является некая разобщенность в политико-экономических отношениях стран-участниц с внешними партнерами. Для решения данной проблемы возможно предложить более углубленные условия сотрудничества в рамках союза, а также определить общих для всего ЕАЭС партнеров по политико-экономическим отношениям, которыми могут стать государства Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. Здесь же уместно разработать общую для союза и его партнеров нормативно-правовую базу, которая будет регулировать экономические процессы всех участников, предварительно уделив особое внимание сближению законодательства в сфере экономических отношений стран ЕАЭС, при условии, чтобы на начальном этапе развития союза предпринимались попытки унификации и стандартизации. Если продолжить данную работу в современных условиях и при имеющихся место вызовах, то будет возможно добиться результатов, которые только усилят интеграционные процессы ЕАЭС.

Выстраивание единой политико-экономической конъюнктуры станет возможным после определения общих интересов сотрудничества, при которых каждый участник отношений сможет отстаивать свои национальные интересы. Безусловно, подобный консенсус возможен только после принятия политического решения действовать согласованно и в интересах союза, результаты деятельности которого приводят к получению большей выгоды, чем если бы действия государства-участника были вне рамок союзных отношений.

Основным экономическим партнером, который сегодня объединяет все страны ЕАЭС, является Китай. Экономическое сотрудничество с КНР у всех участников ЕАЭС затрагивает наиболее значимые отрасли экономики. Таким образом, сотруд-

ничество с Китаем можно предложить в качестве основы сотрудничества для других партнеров.

Список литературы

1. *Вартанова, М. Л.* Исследование интеграционных процессов стран ЕАЭС: социально-экономические тенденции и перспективы развития // Вестник Академии знаний. 2020. № 40 (5). С. 80–91. DOI [10.24412/2304-6139-2020-10597](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10597). EDN [WKNYBZ](https://www.edn.net/WKNYBZ).
2. *Померлян, Е. А.* Будущее Евразийского экономического союза в контексте антироссийских санкций // Горизонты экономики. 2022. № 3 (69). С. 72–78. EDN [IEBLVV](https://www.edn.net/IEBLVV).
3. ЕАЭС – большое историческое достижение и перспектива // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3 (33). С. 125–126. EDN [RLIVKL](https://www.edn.net/RLIVKL).
4. *Мазулина, А. Н.* Развитие региональной торговой интеграции ЕАЭС в условиях санкционного давления // Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве: материалы международного круглого стола по инновациям в международных исследованиях. Минск, 20 апреля 2022 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2022. С. 40–45. EDN [GTPGMF](https://www.edn.net/GTPGMF).
5. *Стародубцева, Е. Б.* Большая Евразия: взаимовыгодное сотрудничество // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 151–157. EDN [BQFKTS](https://www.edn.net/BQFKTS).
6. *Спартак, А. Н.* Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9–35. DOI [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35). EDN [BPMQHS](https://www.edn.net/BPMQHS).
7. *Махмутова, Е. В.* Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 99–116. DOI [10.17323/1996-7845-2019-03-05](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-05). EDN [SIGPIV](https://www.edn.net/SIGPIV).
8. *Чуфрин, Г. И.* К вопросу о перспективах развития ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4 (49). С. 11–24. DOI [10.20542/2073-4786-2020-4-11-24](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-4-11-24). EDN [MEQCYO](https://www.edn.net/MEQCYO).
9. *Фурсова, Т. В.* Инвестиционная деятельность государств участников ЕАЭС в условиях глобального кризиса / Т. В. Фурсова, С. Ж. Пралиева // Форум. 2020. № 1 (20). С. 33–44. EDN [HFQGJC](https://www.edn.net/HFQGJC).

Сведения об авторах:

Долженкова Екатерина, кандидат политических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: skinx@inbox.lv; ORCID ID: 0000-0003-0261-763X; Web of Science Researcher ID: [AAI-2755-2021](https://orcid.org/0000-0003-0261-763X); РИНЦ Author ID: 866134;

Мохорова Анна Юрьевна, кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: mokhorova@list.ru; ORCID ID: 0000-0001-9161-6959; Web of Science Researcher ID: [AAK-3609-2021](https://orcid.org/0000-0001-9161-6959); РИНЦ Author ID: 388867.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; принята в печать 12.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

EAEU INTEGRATION PROCESSES IN CONDITIONS OF SANCTIONS: SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS

Ekaterina Dolzhenkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

E-mail: skinx@inbox.lv

Anna Yu. Mokhorova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

E-mail: mokhorova@list.ru

For citation: Dolzhenkova, Ekaterina. EAEU Integration Processes in Conditions of Sanctions: Socio-Economic and Demographic Aspects / E. Dolzhenkova, A. Yu. Mokhorova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 55–65. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.4).

Abstract. During the period of turbulence at the political level, special attention is paid to the economic component of regional cooperation between states. The economic cooperation of the EAEU member states, as well as their foreign trade relations over the past few years, has been influenced by sanctions pressure, through which there have been changes in the composition of the main external partners. The purpose of the article is to identify the tools that made it possible to level the sanctions pressure at the early stages, as well as to find solutions that will be relevant in the future for the entire region. The object of the research is the foreign economic indicators of the EAEU member countries, the subject of the research is the foreign economic relations between the main economic partners, both within the union and between the participating countries and third-party partners. For the EAEU member countries, such an external partner today is the People's Republic of China, which accounts for the bulk of import and export operations of Russia, Kazakhstan, and Belarus. Applying a regional approach, as well as statistical data on import-export operations for the past period of 2021–2022, a decrease in the external economic indicators of individual EAEU member countries is revealed. To improve the economic performance of all members of the union, it is proposed to develop a common political and economic program, develop, and implement a regulatory framework in relation to relations with major external partners.

Keywords: integration policy; economic cooperation; sanctions pressure; EAEU.

References

1. Vartanova, M. L. Research of Integration Processes in the EEU Countries: Socio-Economic Trends and Development Prospects. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020. No. 40 (5). P. 80–91. DOI [10.24412/2304-6139-2020-10597](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10597). (In Russ.).
2. Pomerlyan, E. A. Future of the Eurasian Economic Union amid the Anti-Russian Sanctions. *Horizons of Economy*. 2022. No. 3 (69). P. 72–78. (In Russ.).
3. EAES – bolshoe istoricheskoe dostizhenie i perspektiva [The EAEU is a great historical achievement and perspective]. *Evrazijskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*. 2020. No. 3 (33). P. 125–126. (In Russ.).
4. Mazulina, A. N. Development of Regional Trade Integration of the EAEU under Sanctions // *Harmonization of Integration Processes in the Eurasian Space. Materials of the international round table on innovations in international research*. Minsk, April 20, 2022. Minsk : Belorussian State University, 2022. P. 40–45. (In Russ.).
5. Starodubtseva, E. B. Bolshaya Evraziya: vzaimovygodnoe sotrudnichestvo [Big Eurasia: mutually beneficial cooperation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie. [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management]*. 2019. Vol. 5 (71), No. 3. P. 151–157. (In Russ.).
6. Spartak, A. N. Reshaping Russia's International Economic Cooperation amid Sanctions and New Challenges. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2023. No. 4. P. 9–35. DOI [10.24412/2072-8042-2023-4-9-35](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-4-9-35). (In Russ.).
7. Makhmutova, E. V. Sanctions Against Russia and their Impact on the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*. 2019. Vol. 14, No. 3. P. 99–116. DOI [10.17323/1996-7845-2019-03-05](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-05). (In Russ.).
8. Chufurin, G. I. K voprosu o perspektivakh razvitiya EAES [On the issue of the prospects for the development of the EAEU]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new States of Eurasia]*. 2020. No. 4 (49). P. 11–24. DOI [10.20542/2073-4786-2020-4-11-24](https://doi.org/10.20542/2073-4786-2020-4-11-24). (In Russ.).
9. Fursova, T. V. Investment Activities of the EAEU in the Conditions of the Global Crisis / T. V. Fursova, S. Zh. Praliev. *Forum*. 2020. No. 1 (20). P. 33–44. (In Russ.).

Bio note:

Ekaterina Dolzhenkova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: skinx@inbox.lv; ORCID ID: 0000-0003-0261-763X; Web of Science Researcher ID: AAI-2755-2021; RSCI Author ID: 866134.

Anna Yu. Mokhorova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Graduate School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail mokhorova@list.ru; ORCID ID: [0000-0001-9161-6959](https://orcid.org/0000-0001-9161-6959); Web of Science Researcher ID: [AAK-3609-2021](https://orcid.org/AAK-3609-2021); RSCI Author ID: [388867](https://orcid.org/388867).

*Received on 10.04.2023; accepted for publication on 12.06.2023.
The authors have read and approved the final manuscript.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.5)

EDN [QSFLXN](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.5)

THE ROLE OF CHINESE MIGRANTS IN VIETNAM IN PROMOTING TRADE BETWEEN THE PORT OF HA TIEN AND INTERNATIONAL MARKET IN THE 17TH–18TH CENTURIES

Dinh Tien Hieu

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hieudt1978@gmail.com

Nguyen Thu Hong

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hongnt79vnu@gmail.com

For citation: Dinh Tien Hieu. *The Role of Chinese Migrants in Vietnam in Promoting Trade between the Port of Ha Tien and International Market in the 17th–18th Centuries* / Dinh Tien Hieu, Nguyen Thu Hong. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 66–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.5).

Abstract. *Ha Tien, which covered a vast area of southern Vietnam in the past, was the location of one of the most important Vietnamese trade ports during the 17th and 18th centuries. Owing to the trading expertise of its lord Mac Cuu and the Minh Huong people (descendants of Ming loyalist immigrants who settled in South Vietnam during the 16th and 18th centuries), as well as the strategic vision and open policies of the Nguyen lords, a large trade network was established, connecting Ha Tien with other busy trade ports in Vietnam as well as internationally at that time. This achievement also sprang from the fact that Ha Tien trade port was founded during “the Age of Commerce”, when systems of international seaports were set up and developed vigorously. Although studies on Ha Tien trading port mentioned in Vietnamese and foreign language works, those works just wrote the name of the trade port without going into deep analysis the position and role of the trading port in the regional and international trade system. Therefore, the article focuses on in-depth analysis, clarifying contributions of the port to trade activities of Vietnam and the world in the the 17th and 18th centuries.*

Key words: *Ha Tien; Hoa people; Mac family; Đàng Trong (Cochinchina); maritime trade.*

Introduction

In the 16th and 17th centuries, commodity trade expanded aggressively, especially after the “*Age of Discovery*” (15th to mid-17th centuries). As the maritime routes connecting three oceans, “the Maritime Silk Road” linked East Asia with South Asia and West Asia and resulted in the “*Age of Commerce*” [1]. It promoted the participation of Vietnam’s trade ports within the system of international and regional trade. During this period, in addition to Hoi An and Pho Hien trading posts, Ha Tien, which was established later (in the late 17th century), actively took part in international and regional trade activities. This paper, therefore, focuses on outlining the exchange and trade activities between Ha Tien trade port and other ports in Vietnam as well as those in the region and globally. Furthermore,

based on studying and analyzing the trade activities, the author would like to provide an objective and comprehensive perspective on the role and position of Ha Tien trade port in the international and regional trade networks during the 17th and 18th centuries.

Migration of Hoa people to Ha Tien

In the past, Ha Tien covered a vast expanse of land, including the entire areas of present-day Kien Giang, Ca Mau and Bac Lieu provinces, and a small part of An Giang and Soc Trang provinces. Under the current geographical administration Ha Tien belongs to Kien Giang province.

The establishment and development of the port of Ha Tien were related closely to the policy of the Nguyen lords in *Đàng Trong* (lit. inner land, the region in the south of Vietnam, ruled by the Nguyen clan against the Trinh lords in the north), and the progress made by the Mac clan, particularly the outstanding part played by Mac Cuu, also spelled Mok Kui, (1655–1735) and subsequently his son, Mac Thien Tu (1708–1780). According to official historical documents, Mac Cuu was born in Ligou commune, Kanghai district, Leizhou prefecture, Guangdong province, China. He was a courtier in the Ming dynasty. After the dynasty was overthrown, he refused to swear allegiance to the subsequent Qing dynasty and in 1680 he fled southwards with his family, where he eventually settled in the region of Ha Tien. He started to carry out a policy of land reclamation in the area, with the approval of Lord Nguyen Phuc Tan (1648–1687). Since Mac Cuu's time, Ha Tien's history has been well documented. In the “Geographical Description of Gia Dinh” (*Gia Định thành thông chí*), Trinh Hoai Duc, a Vietnamese historian, wrote: “Initially, it was established by a person named Mac Cuu, who came from Ligou commune, Kanghai district, Leizhou prefecture, Guangdong province of the Great Ming. He did not swear allegiance to the Qing dynasty, after the Ming dynasty was overthrown. Thus, in the 19th year under the reign of the Kangxi Emperor (1680), he kept his hair customs and fled south. Realising people from China, Chenla, Java, and other lands, who gathered to gamble in the casino had to pay a gambling tax called “*hoa chi*”, he bought the right to impose the tax. Furthermore, he also found buried treasure. As a result, he became rich. He recruited Viet wanderers to settle and build seven villages in Phu Quoc, Lung Ky, Can Bot, Vung Thom, Rach Gia, and Ca Mau” [2, pp. 200–201]. In the “Annals of the Mac Family” (*Mac Thị gia phả*), however, it is written as follows: “In the late period of the Ming dynasty, great disturbances took place in China. Grand Duke Mac with given name Cuu, who was born in Leizhou on the eight day of the fifth lunar month in the year of Yi Wei (*Ất Mùi*), in the ninth year of the Yongli reign (1655), could not stand the disturbances caused by Hu invaders (Manchu), so he crossed the sea to the south <...>. The event took place in the year of Xin Hai (*Tân Hợi*) (1671). In that year, Grand Duke Mac was 17 years old” [3, p. 14]. There are still different opinions about exactly when Mac Cuu moved to Chenla (Vietnamese: *Chân Lạp*) but what is definite is that he came to the land of Ha Tien in the late 17th century, at the time of the transition from the Ming to Qing dynasties in China.

As an experienced merchant, Mac Cuu clearly saw the advantages of establishing a trade port in the area for domestic and regional exchange and trading activities. According to the “Annals of the Mac Family”, “the Grand Duke spent days and nights enticing people from foreign countries and encouraging them to come for business. The land became crowded with merchant boats and ships. Viet people, Tang people, Liao people, and Man people came to resettle there in droves. The population grew rapidly. Day by day the reputation of the Grand Duke became more illustrious” [3, p. 15]. After settling there,

Mac Cuu paid great attention not only to agricultural development but also the benefits brought by the sea and the trade port. Thus, he made every effort to build a trade port of international stature.

In 1708, Mac Cuu switched allegiance to the Nguyen lord and the land of Ha Tien was merged into the territory of *Đàng Trong*. After submitting to the Nguyen Lords and with their support, Mac Cuu focused his efforts on building a defensive system, strengthening impressive compound, and recruiting talented people. In the same year, Lord Nguyen Phuc Chu conferred upon him the role of Commandant (Tong binh) of Ha Tien and the title of Marquess Cuu Ngoc (*Cửu Ngọc hầu*). He built a military garrison (called *Mang Khảm* by Chenla people, *Phương Thành* by Viet people) and more people came to settle there [4, p. 80]. Mac Cuu and subsequently Mac Thien Tu, his son and successor, worked hard to make Ha Tien trade port become the most important one on the trade route crossing Phu Quoc Bay.

In the “Geographical Description of Gia Dinh”, Trinh Hoai Duc described Ha Tien Town and Ha Tien trading port as follows: “Ha Tien defence citadel faced southeast (the Xun trigram) with Binh Son Mountain as its back support and To Chau Mountain as its front screen. The high sea was seen as a large moat in the south, and Dong Ho as the front. There were earthen ramparts on three sides of the citadel. The rampart running from Duong Chu to the right gate was 112.5 *trượng* (*trượng* is an ancient unit of length in Vietnam, equivalent to 4m) long, while the rampart running from the right gate to the left gate was 153.5 *trượng* long. The length of the rampart running from the left entrance to the boat-building workshop (*Xưởng Thuyền*) and then to Dong Ho was 308.5 *trượng*. All those ramparts were 4 *thước* (*thước* is an ancient unit of length in Vietnam, equivalent to 0.4m) in height and 7 *thước* thick. The trench was 10 *thước* in width. An office building is located in the centre of the citadel. A house called “*vọng cung*”, where people bow to the absent king, is located in front of the office building with military camps on the right and the left. In the front yard, there is a bridge called Tan Thach. The Envoy Reception and the Treasury are found on the left and the right of the front yard respectively. The Defence Governor’s Palace is located at the base of Ngu Ho (Five Tigers) Mountain. A town market was opened up to the left of “*vọng cung*”. Quan Thanh Temple was built to the left of the office building. Tam Bao (Three Jewels) Pagoda was located behind the office building. The Mac ancestral temple was built to the left of the pagoda. The market of the east town looked down the lake port, with a fish farm nearby. To the north of the Treasury, there is a shrine called the “Councillor Shrine” (*Miếu Hội đồng*), due north of which a ship dock is located. The citadel is divided into specific areas by main roads. To the left of Quan De Temple is Dieu Kieu Street. In the port, there is a wooden bridge crossing the sea to Dai Kim islet. Going eastwards from Dieu Kieu Street is Old Market Street. Further eastwards is “Progenitor Market” (*Phố chợ Tổ sư*) and then a large main street. All of those were built previously by Mac Ton for trade activities. The citadel is criss-crossed with crowded streets. Viet, Chinese, Chenla, and Java people together gathered and settled there. On the river and the sea, many boats and ships sailed in and out. It really is a coastal hub of commerce” [5, pp. 200–201].

Mac Cuu built seven villages along the coast of Phu Quoc Bay. This became the foundation for the establishment of markets and a hub for domestic and international trading activity. Of those markets, My Duc, Hoang Giang and Rach Gia were the principal ones. Apart from the markets, a system of seaports also was developed. Owing to the establishment of these networks, as well as the diversity of local commodities, trading

activity was developed not only in the area of Ha Tien but also in different regions of Tonkin (the name for northern Vietnam in the 17th and 18th centuries) and Cochinchina. Domestic merchants, especially those from Cochinchina, considered Ha Tien to be a plentiful store of goods and a guaranteed source of good in times of famine.

After settling in Ha Tien, Mac Cuu paid attention not only to agricultural development but also the benefits brought by the sea and associated seaports, with a view to domestic and international trade of local products.

In that time, he made every effort to build Ha Tien into an economic, political, and cultural centre as a trade port of international stature. Thus, thanks to Mac Cuu's clear-sighted vision, together with a favourable geographical position, and abundant natural resources, Ha Tien flourished as a busy international trading port, in addition to welcoming cargo vessels to Ha Tien, he proactively dispatched merchant boats from Ha Tien to other seaports around both the country and the region. Consequently, a large trade network was established, connecting Ha Tien trade port with other domestic and international trade ports at that time.

Trade activities of Ha Tien trade port in the 17th and 18th centuries

Ha Tien was located at an intersection of trade routes, with sources of goods, and different political projects, attracting streams of migrating population, and their diverse cultures. The latter included: people from mountainous areas in Laos and Cambodia, Malays coming from the Malay Peninsula and the Indonesian Archipelago, Thais from the west, and different Chinese (Hoa) groups coming from areas around the bay, and Viet people who arrived during the process of Southward expansion. Ha Tien was positioned on the intersection of one of the most ancient trade routes in Southeast Asia connecting the Indian Ocean with the East Sea (the South China Sea) via the Thai Canal (also known as the Kra Canal, mentioned later on this paper in section 4) in the first centuries AD. The area was part of the ancient kingdom of Funan with its prosperous Oc Eo seaport, the kingdom's most important trade port at that time. Oc Eo was the largest trading centre in Southeast Asia and a commercial hub in the region and globally for many centuries. With significant links in the east area of the West Sea, the port had close ties with India, West Asia, many important trade ports and economic centres in Southeast Asia, as well as the Chinese market [6]. Owing to a favourable location coupled with Mac Cuu's experienced management and commercial skill, Ha Tien quickly developed into an important regional and inter-regional trade port, promoting trade activities and connecting a network with other trade ports, in Vietnam, East Asia, and globally.

Domestic trade activities

Trade and exchange relations were established between Ha Tien and many other areas in Vietnam, especially the region of Bien Hoa Province and the former neighbouring province of Gia Dinh. This can be seen through the marriage of Mac Cuu with Bui Thi Lam, a Viet woman from Dong Mon District, Bien Hoa Province, and the marriage of his younger sister with Tran Dai Dinh, the son of Chinese general Chen Shangchuan (*Trần Thượng Xuyên*), who contributed greatly to land reclamation and territorial expansion into Dong Nai and Gia Dinh Provinces. In 1679, after the military movement "Oppose the Manchus and Resurrect the Ming" ended in failure in China, Chen Shangchuan led more than 3,000 soldiers and their families, sailing across the sea on 50 ships to Dai Viet. He and his followers pledged allegiance to the Nguyen lords. Blessed with talented organisational skills Chen Shangchuan and others were asked by Lord Nguyen Phuc Tan

to move south to Cochinchina. Here they contributed greatly to the development of the Dong Nai – Gia Dinh region. This evolved into a crowded business and economic centre. At that time the Dong Nai – Gia Dinh area known as for Great Town Nong Nai (*Nông Nại Đại Phố*), also called Island Town (*Cù Lao Phố*), became one of the most prosperous regional and international trade ports in South Vietnam. It can be said that the aforementioned marital relationships linked Ha Tien trade port with Dong Nai – Gia Dinh, resulting in a network of rice markets in Southwest and Southeast Vietnam.

In 1735, after devoting 27 years to develop Ha Tien, Mac Cuu passed away. His son, Mac Thien Tu, later also known as Mac Thien Tich, succeeded his father and continued to govern this prosperous area. Mac Thien Tu was granted more power by the Nguyen lords. For example, he became Lord Commandant (*đô đốc*) of Ha Tien, and three ships holding Nguyen lord's certificate (*Long bài*) were made available for him to carry out trade activities with Hoi An and other international trade ports without having to pay taxes. In addition, he was allowed to cast coinage. In the "Miscellaneous Chronicles of the Pacified Frontier" (*Phủ biên tạp lục*), Le Quy Don (1726–1784), wrote: "In addition to the three ships bearing the lord's badge that allowed trade activities with a tax exemption, the merchant boats came from Ha Tien to Hoi An had to pay a very little tax. During this period, a merchant boat coming from Ha Tien to Hoi An only had to pay 300 *quan* (a unit of currency in Vietnam in the past) arrival tax and 30 *quan* of departure tax, while the corresponding figures Western boats had to pay 8,000 *quan* and 800 *quan* respectively. Meanwhile, a boat coming from Guangdong (China) to Hoi An had to pay 3,000 *quan* of arrival tax and 800 *quan* of departure tax. It meant that the tax imposed on a merchant boat from Ha Tien was equivalent to 3,7% and 10% of that imposed on a merchant boat from the West and Guangdong respectively" [7, p. 53]. This firstly demonstrates the preferential policy of the Nguyen lords on their close ties with Ha Tien, and secondly the proactiveness of expanding Ha Tien's trading activities with other seaports.

The products traded between Ha Tien and other regions in the country were largely rice, beeswax, elephant tusks, and forest products which became Ha Tien's main lines of business at that time. Local merchants, especially those in *Đàng Trong*, considered Ha Tien a storehouse on which the people could rely on against starvation. Traders also imported certain products which were in short supply in Ha Tien, such as sugar, black pepper, gold, gems, and amber. At the same time, they imported products which they could sell to other countries for profit. In conclusion, the authorities proactively incorporated Ha Tien into the network of trade ports in Cochinchina, establishing a close connection from Ha Tien to Dong Nai - Gia Dinh and further up the coast to Hoi An.

International trade activities

Ha Tien trade port was an important link in the east of the West Sea blossoming into a regional and inter-regional central trade port in the 17th and 18th centuries. This was possible due to its favourable position overlooking the Gulf of Thailand, a busy trade route and gateway between Vietnam, Cambodia, Thailand, and Myanmar, together with Mac Cuu's trade promoting policies. As such, the port was able to satisfy the demand for trade with China and other countries in Southeast and Northeast Asia.

At that time Ha Tien, known as "Little Guangzhou" was an attractive destination for merchant boats from the Malay Peninsula, Sumatra, Java, Thailand, India, Burma (now Myanmar), Guangzhou, and Fujian, etc.

In order to increase the variety of products for trade, Mac Cuu's local government expanded the trade network by building additional ports. According to the "Geographical

Description of Gia Dinh”, these included the following:

1. Can Bot port, which was located 160 Chinese miles (*dặm*)¹ due west of Ha Tien Defence Governor’s Palace. The port was 49 *trượng* in width and 5 *thước* in depth. It was also the place where the Java Defence Department was set up. In this location, there are market streets where Vietnamese, Chinese, Chenla, and Javanese gathered to do business. A guesthouse also opened where Siamese visitors often stayed.

2. Kien Giang (Rach Gia) port, which was located over 193 Chinese miles due east of the Ha Tien Defence Governor’s Palace. It was situated west of Kien Giang Province and was crowded with merchant boats and busy market streets.

3. Dai Mon (Great Gate) port was located in the east of Kien Giang. It was 26 Chinese miles from the Ha Tien Defence Governor’s Palace and connected to the Kien Giang River. It was a residential area for local fishermen.

4. Doc Hoang (Ong Doc) port was four *trượng* in width and 10 *thước* in depth. Located 107 Chinese miles due west of Long Xuyen, the port was crowded with market streets and merchant boats. After sailing 84 Chinese miles from the port, one could reach the Khoa Giang River junction and then the open sea.

5. Hao Ky (Ghenh Hau) port, which was located in the east area of Long Xuyen County was 120.5 Chinese miles due east of Ha Tien Defence Governor’s Palace. It joined the upstream port of Bo De in the southwest and Doc Hoang port in the northwest [2, pp. 70–72].

To encourage local and foreign traders to do business in Ha Tien, Mac Cuu implemented a tax-exemption policy for merchant boats arriving at Ha Tien trade port on the 12th day of the 12th lunar month (the date of birth of his son, Mac Thien Tu). Besides promoting trade activities, the local Mac government was proactive in establishing fleets of merchant boats for overseas maritime trade. In 1728 and 1729, Mac Cuu sent Luu Ve Quan and Quynh Tap Quan to Japan on business. The Tokugawa Shogunate (also known as the Edo Shogunate 1600–1868) granted them a certificate (*tín bài*) to carry out business. In 1729, another team of merchant boats also sailed from Ha Tien to China with the aim of establishing trade relations [8, p. 91].

Regarding the trade relations between Ha Tien and other trade ports in the region and around the world, there was a rich diversity of products. According to the record written by Bowyear, a British merchant, trading boats from Southeast Asia in the 17th century often carried a wide variety of products to Cochinchina, including: betel, red wood (used to dye cloth), paint, nacre (mother of pearl), elephant tusks, tin, lead, and rice from Thailand; orpiment (used for pigment), benzoin, Amomum, wax, paint, nacre, red wood, pine resin, buffalo skin, deer skin and tendons, elephant tusks, and rhinoceros horns from Cambodia; silver, eucalyptus wood, betel, red and white spandex fabric, and red dyes from Batavia (capital of the Dutch East Indies); silver, sulphur, red wood, shells, tobacco, wax, and deer tendons from the Mani Peninsula. Meanwhile, the products Cochinchina exported included: gold, iron, yarn, silk, Aaloe, myrrh, sugar, rock sugar, swallow’s nests, black pepper, and cotton” [9]. In the “*Dai Nam Comprehensive Encyclopaedia*” (*Đại Nam nhất thống chí*), it is written that commodities that could be brought into Ha Tien were: “silk, carapaces, tortoise shell, black amber, beeswax, honey, flowered sedge mats, Aloe, black pepper, swallow’s nests, sea cucumbers, swim bladders, fins, and fish sauce” [10, p. 33]. Of all these commodities, black amber was considered very precious and a popular item with merchants from China, Thailand, and Malaysia. In the “Miscellaneous Chronicles of

¹ The Chinese mile known as a li is equal to 500 meters.

the Pacified Frontier”, Le Quy Don wrote: “Black amber was abundant in Ha Tien. It looked like a lump of copper but had a black colour like iron. It was said that one could avoid harmful effects of the wind if carrying black amber; it was very convenient to use black amber to make rosaries” [7, p. 238].

In addition to the supply of agricultural, aquatic, and forest products, Ha Tien trade port was an important source of tin for merchants from Guangzhou. Although tin was not exploited in Ha Tien, it was in abundant supply at the trade port due to commercial activities with other countries in the region. According to the “Guangzhou Clerical Records” of the Dutch East India Company, much of the tin exported to Guangzhou was via Ha Tien trade port.

From 1758 to 1774, Guangzhou imported 83,267 *đam*² of tin from trade ports in Southeast Asia, of which 24,684 *đam*, 30%, was imported directly from Ha Tien. In 1769 alone, Guangzhou imported 6,000 *đam* from the port. In 1774, the amount of tin carried by a sailing boat from Ha Tien to Guangzhou was 1,400 *đam*; additional amounts of tin were carried by two other boats from Ha Tien to Guangzhou. The total amount of tin carried from Ha Tien to Guangzhou was estimated to be 5,000 *đam* in that year [11, pp. 190–209]. The yearly amounts of tin imported by Guangzhou from Southeast Asia are shown in the following table.

Table 1

Guangzhou tin imports from Southeast Asia in 1758–1774 (*đam* (50kg))

Year	Siam	Passiack	Cancao	Palembang	Terengganu	Macao
1758	-	-	7,000	-	-	-
1762	-	-	-	5,000	-	1,500
1763	-	-	-	10,000	-	-
1764	-	-	-	8,000	-	-
1765	-	-	-	10,000	-	-
1766	-	-	-	-	-	1,500
1767	-	3,163	1,984	11,000	-	-
1768	100	1,000	2,700	-	-	-
1769	-	-	6,000	-	-	-
1770	-	-	2,000	-	-	-
1773	-	-	-	-	320	-
1774	-	-	5,000	7,000	-	-

Source: [11, pp. 190–209].

Table 1 shows amounts of tin imported from trade ports in Southeast Asia to Guangzhou from 1758 to 1774. The amount of tin imported from Ha Tien trade port, referred to as “Cancao” in the table, makes up 30% of the total amount of tin imported by Guangzhou and is ranked second, after the amount of tin imported from Palembang³, which was the largest centre of tin production in Southeast Asia. This partly demonstrates the role of Ha Tien trade port in the international and regional trade networks. It not only provided local-

² 1 *đam* (担) is Chinese ancient unit of weight equivalent to 50 kg.

³ Palembang is a city of the Indonesian province of South Sumatra which is presently located in the west of Indonesia. It was one of the oldest metropolitan areas and used to be the capital of a monarchy with great maritime power.

ly produced commodities, but also played an intermediary role in providing commodities produced in other countries.

According Le Quy Don in the “Miscellaneous Chronicles of the Pacified Frontier” in the 17th and 18th centuries trade ports in *Đàng Trong* were always seen as a destination for international merchant boats from Shanghai, Guangdong, Fujian, Hainan (China), Japan, Thailand, the Philippines, and the Netherlands. Such vessels came to Ha Tien trade port not only to buy commodities but also to sell products in response to market demand in *Đàng Trong* and other areas in the region. In order to profit from selling commodities bought in other countries, Western merchants sold goods in *Đàng Trong*, such as: Japanese silver and weapons, Chinese silk, porcelain, traditional medicine, Western woollen clothes, cannons, crystal, glass, and so on. Meanwhile, the products they bought in *Đàng Trong* included: porcelain, silk, cotton, spices, food ingredients, sugar cane, and local forest products.

It can be concluded that the diversity of products, and favourable natural conditions of Ha Tien contributed to making it one of the busiest trade ports of *Đàng Trong* during the 17th and 18th centuries. Its prosperity was a magnet for international and local merchants and was considered to be an ideal destination for those who wanted to start a business. Throughout the 18th century Ha Tien's trading activity turned the port into a dynamic hub attracting merchant boats from many regions such as: *Đàng Trong*, Malaysia, Java, India, Thailand, China, Japan, Portugal, etc. Such activity accelerated Ha Tien's integration in the overall development of the “Age of Asian Commerce”.

Position of Ha Tien trade port in international and regional trade networks

Ha Tien trade port was established during the “*Age of Commerce*”, which saw the establishment and development of international maritime trade networks [12]. Thus, the trade port rapidly integrated and assumed an important role in international and domestic trade, becoming one of the busiest ports in the ancient and early modern period. Although Ha Tien trade port was neither as busy nor developed as its Hoi An counterpart, it was blessed with certain advantages. It was situated in a propitious place by Phu Quoc Bay with abundant supplies of produce and the support of the Mac governors' trade-focused policies. As a result, Ha Tien became a commercial centre and played a significant role in the economic development of the southern part of *Đàng Trong*. It also solidified its position in the trading network with domestic and international trade ports.

From the 16th century, the Southeast Asian Sea region was an active centre of maritime trade. Western capitalist powers came to the region to buy spices, precious stones, and metals. In 1511, Portugal captured Malacca, seizing control of the strategic trading strait, before moving on to Guangzhou. Following the Portuguese, Spanish and Dutch occupied Manila, and Batavia respectively. Many significant changes to the maritime trade routes in Southeast Asia were made [13, p. 103]. Ha Tien trade port was built along the Dong Ho lagoon, looking out over Phu Quoc Bay, giving it advantages to develop into an international trade port. Phu Quoc Bay, also called the West Sea (*Biển Tây*) or Southwest Sea (*Biển Tây Nam*), was a semi-enclosed sea, with access to the South China Sea (*Biển Đông*) and connected to the Indian Ocean by the Malacca and Sunda Straits, due northwest and southeast of Sumatra respectively. These straits were lifelines for maritime transport connecting the Western world with the Eastern world, especially after the Maritime Silk Road was formed in the 7th century. In reality, there is also the Kra Isthmus to the west of the bay, situated on the narrowest strip of land in the South of the Malay Peninsula. Over

the centuries, merchant boats from India, Persia, and West Asia transported goods from the Bay of Bengal through the Kra Canal to Phu Quoc Bay. It can be said that the latter was rich in potential providing essential routes for cultural and economic exchange between countries in the region.

Ha Tien trade port was, therefore, an important post in the eastern part of the West Sea, strategically positioned on the Asian maritime trade route, running along the Vietnamese coast to either Guangzhou (China) or Luzon (Philippines). In addition to its advantageous location, Ha Tien was blessed with an abundant supply of local products and goods. Moreover, the people in Ha Tien were experienced in exploiting and turning their produce into high value goods for trade. For example, they knew how to make tallow for white candles, which were very popular with Chinese, Thai, and Malaysian merchants. With these advantages, Ha Tien rapidly took part in trade activities and played an important role in domestic, regional, and international trade.

Regarding Vietnam's economy, Ha Tien was seen as the southernmost trade port of *Đàng Trong* and an ideal destination for merchants from all over the country. With advantages on the land and the sea, the agricultural knowledge of the Viet, Khmer, and Hoa communities, under the leadership of the Mac family, especially under Mac Cuu and Mac Thien Tu, who had the minds of traders and a policy attaching importance to trading, coupled with the protection and support of the Nguyen lords, Ha Tien quickly became an economic centre and a significant trade port in the southern part of Vietnam in the 17th century.

It became a place for agricultural supply and trade between various regions such as Gia Dinh, Dong Nai, Hoi An, Thanh Ha, etc. As recorded in Nguyen dynasty historical documents, at the time there was a network of fairly crowded markets in Ha Tien including: My Duc market in Ha Chau District with crowded shops, where Vietnamese and Chinese people gathered to do business; Sai Phu market in Kien Giang District, also called Rach Gia market, with its bustling streets and merchant boats; Hoang Giang market in Long Xuyen District, with densely populated streets and comings and goings of merchant boats; and especially San Chim market in Dong An and Vinh Hoa Villages, Kien Giang District. Here a haven for birds in the area that attracted thousands of sea birds every year during the breeding season. When the birds moulted, their feathers were collected and sold to Chinese merchants. This was called "a bird-garden tax" [14, p.28].

Regarding regional trade, Ha Tien played a role in both commodity supply and connecting trade networks among regions. It was located between two major rice producing hubs: the Mekong Delta and Chao Phraya Delta (also called Mae Nam Delta). Therefore, in addition to local produce, Ha Tien became one of the most important trade ports for rice supply in Southeast Asia in the 18th century [11, pp. 190–209]. It was regarded as "the most profuse rice storehouse in the east land of Asia", which Malays, the Thais, and people in *Đàng Trong*, also called *Nam Hà* (lit. South of the River) would rely upon for food when facing with the threat of starvation.

It was not only an entrepôt, as recorded by Dutch merchants, but also a place where merchants would come to exchange black pepper for salt and rice. In the 18th century, Ha Tien was also a trade centre in the lower section of the Mekong River with connections to trade networks not only with the Cardamom Mountains, the Laos Highlands and Cambodia, but also along the trade systems along the canals and the flood plains of west side of the Bassac River (*Sông Hậu*). In world trade, Ha Tien was seen by Southeast Asian merchants and some Western merchants as a not to be missed destination on the East-West trade route along the Maritime Silk Road. Paul A. Van Dyke, an American scholar,

confirmed that Ha Tien had been an important entrepôt for goods exchange between Guangzhou and Southeast Asia in the 18th century, based on the records kept by Swedish and Dutch merchants. Every year, around 30 merchant boats would leave Guangzhou heading to Southeast Asia. A large proportion, about 85-90% of those boats came to Ha Tien and Hoi An (Quang Nam Province) [11, pp. 190–209]. Ha Tien was held in high regard in Western and Chinese documents in the 18th century. In a Chinese document titled “*Huangchao Wenxian Tongkao*” (Dynastic Comprehensive Examination of Literature), Ha Tien was called “*Gangkou Guo*” (*cảng khẩu quốc*): “it was a port of a small kingdom in Nanhai with a territory of 100 square Chinese miles. Local people favored literature, and Confucian books. There was a Confucius temple and a school for young people, etc. Local products include sea cucumbers, dried fish, meat, and shrimp. In the 7th year under the reign of the Yongzheng Emperor (1729), a maritime trade route of 7,200 Chinese miles in length connecting the realm to Guangdong was established” [15, p. 38]. In the 18th century, Ha Tien was so prosperous that it was not only well-known in China but also in Europe [16, p. 363]. Based on these records and judging by the number of merchant boats coming to Ha Tien, it is clear to see how high the Chinese merchants regarded Ha Tien's position and role in international and regional trade.

Thus, for all the reasons previously mentioned - advantageous position, abundant goods, the Mac family's policy placing importance to trading, and support of the Nguyen lords, many people from within Vietnam and abroad were drawn to Ha Tien for long-term settlement and business opportunities.

All these factors created the foundations for the establishment and development of Ha Tien as a trade port, making it a political, economic, and cultural centre of the region and significantly helping develop Vietnam's trade. It was one of the favoured destinations of both domestic and international merchants and an important trade post connecting Vietnam with Southeast Asia and the world in the 17th and 18th centuries.

Conclusions

Through the above-mentioned presentation, the article has clarified the positions and roles of Ha Tien trading port to Vietnam, the region and the world, specifically in the following points:

First, Ha Tien was seen as a very important entrepôt by Southeast Asian and Western merchants journeying along the Maritime Silk Road. Meanwhile, it was not only the southernmost station of the process of southward expansion, but also a gateway for Vietnam to exploit the East Sea via the West Sea.

Second, meanwhile, it was not only the southernmost station of the process of southward expansion, but also a gateway for Vietnam to exploit the East Sea⁴ via the West Sea⁵.

Third, the above reasons clearly show how important Ha Tien's role was in the regional and international trade networks which contributed to Vietnam's commercial development in the 17th and 18th centuries. It was also a centre for cultural exchange and assimilation.

Although new documents and studies on Ha Tien trading port have been tried to find out by Vietnamese and international scholars, they used to only do general research on trade during this period, have not yet placed Ha Tien commercial port in the international

⁴ The East Sea mentioned in the article is known as the sea located in the east of Vietnam.

⁵ The West Sea mentioned in the article is known as the sea located in the west of Vietnam.

and regional context. Therefore, there is still a lack of multi-dimensional views on the position of Ha Tien trading port in the regional and international trade system. Yet, the author gives an objective viewpoint, on the basis of available documents and through field surveys in this area.

References

1. Reid, A. *Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450–1680*. Vol. I. The Lands below the Winds. London : Yale University Press, 1988. 272 p. ISBN 978-0-300-15945-5.
2. Trinh Hoai Duc. *Geographical Description of Gia Dinh [Gia Định thành thông chí]* / transl. by Do Mong Khuong, Nguyen Ngoc Tinh ; ed. by Dao Duy Anh. Hanoi : Vietnam Education Publishing House [Nxb Giáo dục], 1998. 783 p. (In Viet.).
3. Dinh Duc Hau Vu The Dinh. *Annals of the Mac Family [Mạc thị gia phả]* / transl. by Nguyen Khac Thuan. Hanoi : Education Publishing House [Nxb Giáo dục], 2005. 73 p. (In Viet.).
4. Trinh Hoai Duc. *Geographical Description of Gia Dinh [Gia Định thành thông chí]* / transl. by Tu Trai Nguyen Tao. Saigon : Secretary of State for Culture [Nha văn hóa Phủ quốc vụ khanh], 1972. 538 p. (In Viet.).
5. Trinh Hoai Duc. *Geographical Description of Gia Dinh [Gia Định thành thông chí]* / transl. by Do Mong Khuong, Nguyen Ngoc Tinh ; ed. by Dao Duy Anh. Hanoi : Vietnam Education Publishing House [Nxb Giáo dục], 1998. 783 p. (In Viet.).
6. *Oc Eo Culture and the Kingdom of Funan [Văn hóa Óc Eo và Vương quốc Phù Nam]*. Proceedings of the Scientific Conference on the occasion of the 60th anniversary of the discovery of Oc Eo culture (1944–2004) [Kỷ yếu Hội thảo Khoa học nhân 60 năm phát hiện văn hóa Óc Eo (1944–2004)] / Vietnam Association of Historical Sciences [Hội Khoa học Lịch sử Việt Nam]. Hanoi : The Gioi Publishing House [Nxb Thế giới], 2008. (In Viet.).
7. *Le Quy Don's Selected Works [Lê Quý Đôn tuyển tập]*. Vol. 3. Miscellaneous Chronicles of the Pacified Frontier [Phủ biên tạp lục]. Part II / transl. and ed. by Nguyen Khac Thuan. Hanoi : Vietnam Education Publishing House [Nxb Giáo dục], 2008. 552 p. (In Viet.).
8. Jiang Xueguo [蒋学国] *Research on the Maritime Trade in Southern Vietnam under the Nguyen Dynasty [越南南河阮氏政权海外贸易研究]*. Beijing : World Maps and Bibliographies Publishing House [世界图书出版公司], 2010. 292 p. ISBN 9787510028892. (In Chin.).
9. Nguyen Van Kim. Southern Vietnam: Maritime Economic Environment and Relations with Countries in the Region in the 17th and 18th Centuries [Nam Bộ Việt Nam – Môi trường kinh tế biển và mối quan hệ với các quốc gia khu vực thế kỷ XVII–XVIII]. *Historical Study Review [Tạp chí Nghiên cứu lịch sử]*. 2006. No. 1 (357). P. 34–45. (In Viet.).
10. *Dai Nam Comprehensive Encyclopaedia [Đại Nam nhất thống chí]*. Vol. 5 / National Historiographical Office of the Nguyen Dynasty [Quốc sử quán triều Nguyễn]. Hanoi : Social Sciences Publishing House [Nxb Khoa học xã hội], 1971. 476 p. (In Viet.).
11. Li Tana, Paul A. van Dyke [李塔娜、范岱克]. *Southeast Asian Trade Ports in the 18th Century: New Documents, New Viewpoints [18世纪的东南亚水城，新资料与新观点]* / ed. by Liangzhi Ming [梁志明]. *Asia-Pacific Studies [亚太研究论丛]*. Series 3. Beijing : Beijing University Publishing House [北京大学出版社], 2006. (In Chin.).
12. *Vietnam in the Asian Trade System in the 16th and the 17th Centuries [Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á thế kỷ XVI–XVII]* / University of Social Sciences and Humanities, Hanoi National University [Trường Đại học Khoa học xã hội và Nhân văn, Đại học Quốc gia Hà Nội]. Hanoi : The Gioi Publishing House [Nxb Thế giới], 2007. (In Viet.).
13. Cao Xuan Pho. Southeast Asian Maritime Culture [Văn hóa biển Đông Nam Á]. *Southeast Asian Studies Review [Tạp chí nghiên cứu Đông Nam Á]*. 1994. No. 4. (In Viet.).
14. *Dai Nam Comprehensive Encyclopedia [Đại Nam nhất thống chí]*. In 5 vols. Hue : Thuan Hoa Publishing House [Nxb Thuận Hóa], 1997. (In Viet.).
15. Son Hong Duc. *Gulf of Thailand [Vịnh Thái Lan]*. Saigon : Southwest Flowers Publishing House [Nxb Trăm hoa miền Tây], 1973. (In Viet.).
16. Gaspardone, E. *Chinese People in the South Sea: The Founder of Ha Tien [Un Chinois des Mers du Sud le Fondateur de Ha Tien (Người Trung Hoa ở biển Nam, người sáng lập Hà Tiên)]* / transl. and ed. by Truong Minh Dat. Paris : Journal Asiatique, 1952. (In Viet.).

Bio note:

Dinh Tien Hieu, PhD, Lecture, Department of History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hieudt1978@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6211-5952.

Nguyen Thu Hong, PhD, Lecture, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: hongnt79vnu@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4116-3979.

Received on 16.03.2023; accepted for publication on 18.05.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

РОЛЬ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ ВО ВЬЕТНАМЕ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ ПОРТОМ ХАТЬЕН И МЕЖДУНАРОДНЫМ РЫНКОМ В XVII–XVIII ВВ.

Динь Тиен Хьеу

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hieudt1978@gmail.com

Нгуен Тху Хонг

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hongnt79vnu@gmail.com

Для цитирования: Динь Тиен Хьеу. Роль китайских мигрантов во Вьетнаме в развитии торговли между портом Хатьен и международным рынком в XVII–XVIII вв. / Динь Тиен Хьеу, Нгуен Тху Хонг // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 66–77. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.5). EDN [QSFLXN](https://orcid.org/0000-0001-6211-5952).

Аннотация. Город Хатьен, в прошлом занимавший обширную территорию южного Вьетнама, в XVII–XVIII вв. был местом расположения одного из самых важных вьетнамских торговых портов. Благодаря торговому опыту его правителя Мак Куу и народа Мин Хьонг (потомков мигрантов, лояльных китайской династии Мин, которые поселились в Южном Вьетнаме в XVI–XVIII вв.), равно как и стратегическому видению и открытой политике лордов Нгуен, там была основана обширная торговая сеть, соединившая Хатьен с другими оживленными центрами торговли той эпохи не только во Вьетнаме, но и на международном уровне. Это достижение также связано с тем, что порт Хатьен был основан в «эпоху торговли», когда были созданы и активно развивались системы международных морских портов. Хотя история торгового порта Хатьен упоминается в научных работах и на вьетнамском, и на других языках, в этих исследованиях лишь приводится название торгового порта, но не дается достаточно глубокий анализ положения и роли данного торгового центра в региональной и международной системе торговли. Поэтому в настоящей статье сделан акцент на углубленном изучении и определении вклада порта Хатьен в торговую деятельность Вьетнама и региона в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Хатьен; народ Хоа; династия Мак; Данг-тронг (Кохинхина); морская торговля.

Сведения об авторах:

Динь Тиен Хьеу, доктор наук, преподаватель, кафедра истории, факультет социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hieudt1978@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6211-5952.

Нгуен Тху Хонг, доктор наук, преподаватель, кафедра политологии, факультет социальных и гуманитарных наук, Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hongnt79vnu@gmail.com; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4116-3979>.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; принята в печать 18.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.6)

EDN [RFOOCJ](https://edn.rfoocj.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Мамадалиева Х. Х.

Институт исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан;

Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

E-mail: mhafiza@mail.ru

Для цитирования: Мамадалиева, Х. Х. Демографическое развитие и тенденции миграции населения Узбекистана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.6). EDN [RFOOCJ](https://edn.rfoocj.ru).

Аннотация. В статье раскрыты особенности режима воспроизводства населения Узбекистана и его новые тенденции, сложившиеся в последние годы, которые будут обеспечивать значимый рост численности трудовых ресурсов страны в будущем. Выявлены изменения в половозрастной структуре населения, предопределяющей численность рабочей силы. Определены масштабы трудовой миграции в Узбекистане и обуславливающие ее факторы. Объект исследования: народонаселение, тенденции его воспроизводства и мобильности. Цель: раскрыть особенности демографической ситуации, определяющие многие важные направления социально-экономического развития республики и формирования потоков трудовой миграции населения. В ходе исследования было установлено, что во многих регионах Узбекистана скорость создания новых рабочих мест отстает от скорости роста трудовых ресурсов, следствием чего является безработица, особенно среди молодежи. Разбалансированность рынка труда, низкая стоимость рабочей силы, согласно результатам обследований, явились основными причинами поиска работы за пределами страны. Также на основе результатов социологического опроса обоснованы положительные и негативные последствия современной внешней трудовой миграции, изменения в качественных характеристиках трудовых мигрантов и их приоритетах. Учитывая демографическую ситуацию, в которой находится современный Узбекистан, в предстоящие годы будет наблюдаться существенный отток трудовых мигрантов в зарубежные страны, среди которых будет доминировать Россия. Трудовая миграция продолжит обеспечивать относительную стабильность на рынке труда республики и приток денежных поступлений, что будет способствовать повышению уровня жизни населения Узбекистана. Существенную роль в этом будут играть происходящие в последние годы изменения в миграционной политике страны, нацеленные на упорядочение миграционных процессов в республике.

Ключевые слова: демографическое развитие; трудовая миграция; Узбекистан; рынок труда; социологическое обследование; миграционная политика; социально-экономическое развитие.

Введение. Сложившаяся в конце XX столетия социально-экономическая ситуация активизировала миграционные процессы в Узбекистане, которые не могли не сказаться и на рынке труда страны. Общеизвестно, что успешное функционирование рынка труда зависит от количества и качества трудовых ресурсов, наличия рабочих мест. Негативные последствия социально-экономических преобразований, в полноте мере проявившиеся после распада СССР, привели к потере рабочих мест, увели-

чению числа безработных, переизбытку на рынке труда республики. В этих условиях трудовая миграция, безусловно, стала спасательным кругом, помогавшим тысячам оставшихся без работы соотечественников заработать, и тем самым повышать уровень жизни своей семьи.

Произошедшие в Узбекистане за последние годы структурные преобразования и экономические реформы заметно преобразили социально-экономический облик страны: произошло открытие экономики, заметно улучшился инвестиционный климат, сформировались институциональная среда и система нормативных правовых актов, которые обеспечивают демографическую безопасность государства, начали применяться разнообразные механизмы и подходы в целях поддержки семей. Произошли позитивные изменения и в миграционной политике, что привело к упорядочению миграционных процессов в республике.

Степень научной разработанности

Узбекистан имеет добротную историю исследования демографических процессов. Демографические процессы как социальное явление, изменяющийся характер процессов воспроизводства населения на данном этапе развития, роль государственной демографической политики и направлений развития социальной политики в формировании репродуктивного поведения населения республики рассмотрены в работах Р. А. Убайдуллаевой [1], Л. П. Максаковой [2], А. С. Салиева [3], З. Н. Таджиевой [4], Х. Х. Мамадалиевой [5] и др.

Колоссальную роль в становлении и развитии миграционной науки сыграли основополагающие труды российских ученых, исследующих самые разнообразные аспекты миграции населения. Это прежде всего работы Л. Л. Рыбаковского «Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи» [6]; С. В. Рязанцева «Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы» [7], «Трудовая миграция из центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса» [8]; В. И. Мукомеля «Адаптация и интеграция мигрантов» [9]; Г. И. Осадчей «Динамика миграционных процессов из Армении и Грузию в Москву» [10]; А. С. Красинца «Трудовые миграции в России» [11].

Долгие годы в Узбекистане проблеме трудовых мигрантов со стороны государства не уделялось должного внимания. Вплоть до 2016 г. научных статей, посвященных трудовой миграции, практически не было. Издавались единичные работы, среди которых особое место занимают монографии Л. П. Максаковой «Миграция населения Узбекистана» (1986 г.), «Миграция населения: проблемы регулирования» (2001 г.), «Миграция и рынок труда в странах средней Азии» (2003 г.), а также целый ряд статей автора [12]. В последующие годы внимание к проблемам миграции населения значительно возросло. Появились работы Д. В. Расуловой «Трудовая миграция в странах СНГ: миграционная ситуация в Узбекистане» [13], Ш. Н. Исакулова «Адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана в России» [14], Х. Х. Мамадалиевой «Оценка миграционной ситуации регионов Узбекистана» [15] и др. А в последние годы возрос интерес к исследованию миграции среди молодежи.

Методика исследования

Проведенное исследование основано на анализе нормативно-правовых документов по теме исследования, сравнительном анализе имеющихся трудов отечественных и зарубежных ученых и специалистов. Информационную базу составили

статистические данные (национальные статистические сборники, справочники демографического и социально-экономического характера). Применен эмпирический метод исследования. Сделан анализ социологического обследования. Стратегия исследования включает в себя логическую последовательность, взаимосвязь и взаимообусловленность методов сбора, обработки информации, обобщения, анализа полученных результатов. В своей совокупности они направлены на комплексное научное исследование проблемы, рассматриваемой в настоящей работе.

Особенности современной демографической ситуации в Республике Узбекистан

Узбекистан располагает значительным демографическим потенциалом. Численность населения на начало 2023 г. составила 36 млн человек. За минувший год она увеличилась на 753 тыс. человек¹. Такой рост обусловлен высоким уровнем рождаемости. В настоящее время страна возглавляет рейтинг рождаемости в СНГ.

Воспроизводственные процессы происходят по общемировым закономерностям, с общим движением от высоких к низким параметрам рождаемости и смертности. За годы независимости Узбекистан прошел довольно длительный путь снижения рождаемости населения. По мнению ученых, к 2016 г. Узбекистан миновал этап высокой рождаемости, сложившейся в минувшие десятилетия и, вероятно, уже не никогда вернется к высокой фертильности [16].

Но такие предположения ученых не оправдались. Так, в 2015 г. число родившихся составляло 734,1 тыс. детей, а к 2022 г. оно возросла до 932,2 тыс., т. е. за 7 лет увеличилось в 1,3 раза. Следует отметить, что уровень рождаемости в 2022 г. был самым высоким за все годы развития республики. Вследствие чего страна имеет молодую структуру населения и относительно низкий уровень смертности. Длительное время общий коэффициент смертности находится в пределах 5–6‰. Этому способствует также ускоренное снижение младенческой, детской и материнской смертности (в 2–3 раза). Такая тенденция имеет важное значение, т. к. уровень смертности является одним из важнейших показателей демографической ситуации, отражающих социально-экономическое развитие государства, непосредственно влияющих на качественные характеристики населения.

Специфика возрастной структуры населения Узбекистана

Сдвиги в возрастной структуре населения имеют не только демографические, но и экономические последствия, непосредственно влияющие и на качество населения, и на качество жизни. На протяжении двух десятилетий в республике происходили позитивные изменения в возрастной структуре населения. Доля детей и подростков последовательно снижалась при одновременном структурном увеличении населения трудоспособного возраста, причем в его структуре росла доля молодежи в возрасте до 30 лет.

Новые тенденции в воспроизводстве населения несколько затормозили такую динамику. В настоящее время доля детей 0–15 лет находится на уровне 30%, а трудоспособных контингентов сократилась – с 61% до 58%. Однако за последние 10 лет прослеживается тенденция относительного роста численности экономически активного населения – на 20,4%. Сейчас она составляет около 15,0 млн человек, а ее доля в

¹ Демография // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан : [сайт]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography> (дата обращения: 31.03.2023).

общей численности трудовых ресурсов поднялась с 73,5% до 77,3%. Заметим, что в последние годы структурные сдвиги в населении дали как бы обратный ход: доля детей и подростков снова стала расти, а населения трудоспособного возраста относительно снижаться.

Трудовая миграция населения Республики Узбекистан

Ускоренный режим воспроизводства населения создает значительные проблемы на рынке труда. По данным статистики, ежегодно на рынок труда республики выходят 600–700 тыс. молодых людей, из которых 63,7% – это выпускники общеобразовательных школ, не имеющие специальности и являющиеся малопривлекательными для работодателя.

По информации Министерство занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан, в 2022 г. уровень безработицы составил 9,4%. По данным статистики за 2021 г., порядка 7,5% узбекских граждан жили ниже установленной Всемирным банком черты бедности для стран с доходами ниже среднего. Многие из них живут около (или: вблизи) этой черты и подвергаются высокому риску потери доходов, при котором они могут оказаться за ней. В каждом шестом домохозяйстве страны кто-то из членов семьи работает за границей, преимущественно в России².

Несоответствие предложения и спроса на рабочую силу, как по количественным параметрам, так и по уровню компетентности желающих трудоустроиться и запросов работодателей – одна из причин высокой безработицы в стране. Проблема занятости быстро растущего трудоспособного населения продолжает оставаться наиболее острой из всех социально-экономических проблем, затрагивая значительную часть экономически активного населения и семей, создавая мотивации для трудовой миграция.

В современном мире выезд людей на работу за пределы своего постоянного места жительства приобрел огромные масштабы. И Узбекистан является активным участником международного рынка труда.

В настоящее время в республике трудовая миграция является основным миграционным потоком, охватывающим 20% трудоспособного населения. Главные факторы международной трудовой миграции – это неравенство доходов и возможностей в разных странах, избыток рабочей силы, возможность принимающей стороне использовать дешевую рабочую силу, снижение демографического давления на рынок труда в странах-поставщиках трудовых мигрантов. Нерешенность проблемы эффективной занятости населения и относительно низкий уровень оплаты за аналогичный труд по сравнению с другими государствами служат экономическим мотивом высокой внешней трудовой миграции населения Узбекистана.

По разным оценкам, внешняя трудовая миграция в республике охватывает 3–4 млн человек. В начале пандемии, по данным Министерство занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан, она оценивалась в 2,6 млн человек. Основными партнерами по трудовой миграции являются Россия – 71%, Казахстан – 12%, Южная Карее – 4%, Турция – 3%³.

² Обзор по Узбекистану // Всемирный банк : [сайт]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/uzbekistan/overview> (дата обращения: 31.03.2023).

³ Открытые данные в соответствии с законодательными актами о бюджете // Агентстве по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан : [сайт]. URL: <http://www.migration.uz/post/view/33> (дата обращения: 31.03.2023).

В последние годы правительство Республики Узбекистан уделяет большое внимание проблемам трудовой миграции. Происходят значительные позитивные изменения миграционной политики, направленные на усиление межгосударственного сотрудничества, обеспечение социальной защиты трудовых мигрантов. Расширяются различные формы организованной отправки на работу в Россию, Южную Корею, Турцию, а также западные страны.

Узбекистан в 2021 г. официально получил статус государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В свою очередь это даст не только экономическую поддержку в рамках интеграции со странами – членами ЕАЭС и послужит стимулом комплексного развития республики, но и улучшится доступ к мировым и региональным рынкам, послужит базисом для развития организованной трудовой миграции для страны.

Трудовая миграция для Республики Узбекистан имеет как положительные, так и негативные последствия. Она способствует улучшению социальной и экономической ситуации в стране, снижая уровень безработицы и бедности населения, стимулируя рыночные отношения и предпринимательскую деятельность. Большое значение для узбекской экономики имеют денежные переводы. По данным Агентства внешней трудовой миграции Республики Узбекистан, в 2021 г. сумма поступлений от трудовых мигрантов составила 13% ВВП страны, в этот год через систему международных переводов в республику поступило 8,1 млрд долл. США, что больше на 6 млрд долл. США, чем в 2020 г.⁴

Денежные переводы используются населением Узбекистана на текущее потребление, повышая уровень жизни населения. Трудовые мигранты на зарубежных предприятиях приобретают достаточно большой опыт по организации труда, управлению предприятием, эффективному использованию полученных знаний. Они возвращаются в свою страну, приобретая современные знания, обогатив свой опыт и навыки. Кроме того, экспорт рабочей силы становится весомым источником валютных поступлений для республики [16].

В то же время миграция породила огромное количество негативных последствий, в частности, речь можно вести о потере на национальном рынке труда наиболее мобильного и дееспособного трудового потенциала. Кроме того, она несет немалые издержки морального плана, а также ослабление традиционных национальных и семейных ценностей.

Особенности трудовой миграции населения по материалам социологического обследования

Новые тенденции миграции выявились в процессе социологического обследования, проведенного в 2022 г. Институтом исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан. Обследование проходило в 52 районах (городах) Республики Каракалпакстан, областях и городе Ташкент. Всего было опрошено 2 500 человек, выборка составила не менее 0,3% от общей численности домохозяйств обследуемого города или села.

Основными задачами исследования явились:

- изучение факторов и причин трудовой миграции;

⁴ Открытые данные в соответствии с законодательными актами о бюджете // Агентство по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан : [сайт]. URL: <http://www.migration.uz/post/view/33> (дата обращения: 31.03.2023).

- определение направлений и форм трудовой миграции;
- обследование условий осуществления трудовой деятельности трудовыми мигрантами;
- выявление каналов осуществления трудовой миграции;
- подготовка базы данных по трудовой миграции в республике;
- установление основных факторов, побудивших трудовых мигрантов, особенно женщин и молодежь, осуществлять трудовую деятельность за рубежом;
- оценка основных проблем и недостатков, являющихся препятствием для молодых людей осуществлять трудовую деятельность на своей территории;
- подготовка рекомендаций по регулированию трудовой миграции.

В качестве объекта социологического опроса были выбраны трудовые мигранты, которые работали за границей в течение любого периода времени за последние три года (2019–2021 гг.). Количество интервьюеров в каждом районе (городе) было определено, исходя из общего числа мигрантов на данной территории. В общей сложности был проведен индивидуальный опрос 2 500 трудящихся-мигрантов. Такие собеседования позволили более детально выявить основные характеристики трудовой миграции населения Узбекистана.

Национальный состав респондентов – этнические узбеки. Около 86,5% мигрантов были мужчины и 13,5% – женщины. Более двух третей мигрантов состояли в браке. Молодые люди в возрасте 18–30 лет составляли 41,6%, 31 год и выше – 58,4%. Доля молодых людей младше 19 лет за пять лет понизилась на 1,5 п. п. и составила 0,4%. Такая относительно небольшая доля молодежи обусловлена тем, что в настоящее время приоритетной задачей государства является недопущение молодежи данного возраста на участие в трудовой миграции. 6,3% мигрантов имели средне-специальное образование (окончили колледж), 27,6% – среднее образование, 6,7% – высшее образование. Прослеживается тенденция увеличения доли мигрантов с высшим и профессиональным образованием на уровне колледжей, что обусловлено ростом потребности в трудовых мигрантах на работы, требующие относительно высокой квалификации.

Среди опрошенных трудящихся-мигрантов 72,1% работали в России, 12,2% – в Казахстане, 8,7% – в Турции, 2,3% – в Южной Корее, 4,7% – в иных странах: Израиле, США, ОАЭ, Японии. Главными причинами устойчивой ориентации трудовых мигрантов из Центральной Азии на Российскую Федерацию и Казахстан являются конкурентные преимущества их рынков труда, главным образом географическая и социально-экономическая доступность, с которой пока не могут конкурировать другие государства [17, с. 104]. Большую роль играет и отсутствие визового режима с Россией, долгие межгосударственные связи, а кроме того, российская культура с детства знакома каждому выходцу из Узбекистана, плюс знание русского языка большинством мигрантов.

Основными сферами трудовой деятельности опрошенных были: строительство (46,1%), промышленность (13,2%), торговля (6,9%), транспортная сфера (7,6%), общественное питание (7,1%), сфера услуг (8,3%), сельское хозяйство (6,4%) и прочие (2,6%).

Жизненно важной мотивацией являлся уровень оплаты труда. 62,7% трудовых мигрантов указали на недостаточную оплату труда по месту жительства. Это означало повышение фактора оплаты труда в мотивации поиска работы за пределами республики.

По данным Госкомстата Республики Узбекистан, среднемесячная заработная

плата в стране в 2018 г. составляла 219 долл. США, что было значительно меньше заработков в странах-реципиентах. Средняя заработная плата трудового мигранта из Узбекистана в России, работающего легально, в 2021 г. была равна 640 долл. США⁵.

Заработки трудовых мигрантов способствуют повышению уровня жизни их семей. Если семья имеет хотя бы одного трудового мигранта за границей, то у нее есть возможность поддерживать свой уровень жизни. По данным социологического обследования, среднемесячная заработная плата мигранта в 2019 г. составляла 709,8 долл. США, а в 2022 г. она несколько увеличилась и стала равна 763,0 долл. США; зарабатывавшие в среднем 1 000 и более долл. США составили 15,3% от всех опрошенных.

Одной из особенностей современной трудовой миграции является возрастание роли организованной формы трудоустройства. 71% мигрантов работали легально, 29% – нелегально. Хотя отсутствие легального статуса значительно увеличивает риски иностранного работника, прямого влияния на оплату его труда оно не оказывает. Даже с учетом большей продолжительности рабочей недели у нелегалов, их часовая оплата на 13,9% больше, чем у легально занятых мигрантов [18, с. 92–93].

Выяснилось, что заработная плата мигранта также зависела от величины предприятия, где он работал: на больших предприятиях, где трудилось большое количество рабочих, оплата труда была выше, чем на малых. Приведем статистику: в 2019 г. 18,6% работали на больших предприятиях, в 2022 г. таковых стало 20,4%; на малых предприятиях и фирмах в 2019 г. трудились 28,1%, а в 2022 г. – 32,7%.

За счет выездных заработков было отмечено заметное улучшение материального положения семей мигрантов: 67,3% респондентов ответили, что семья потратила отправленные ими деньги на текущее потребление, решение насущных бытовых проблем, включая образование детей, приобретение собственного жилья, покупку ценных вещей и т. д. Сыграли свадьбу детям 22,9% опрошенных. И только 7,3% респондентов в 2022 г. (для сравнения: 9,5% – в 2019 г.) использовали заработанные средства для открытия или поддержания собственного бизнеса. Хотя 11,5% участников опроса 2022 г. ответили, что ехали на заработки за границу, чтобы заработанные деньги потратить на открытие собственного бизнеса. К сожалению, приведенные нами цифры говорят сами за себя: инвестиционная активность денежных переводов в республике и по сегодняшний день очень низка.

Опыт пребывания в других странах позволяет трудовым мигрантам по-новому взглянуть на сложившиеся стереотипы, семейные обряды и отношения между полами. Большинство мигрантов считает миграцию временной занятостью – чтобы заработать деньги. Желание остаться или вернуться обратно в страну миграции больше всего прослеживается у молодых мужчин или одиноких женщин. Благодаря миграции многие семьи улучшают свое благосостояние, открывают собственное дело, сами же мигранты приобретают навыки, которые в будущем пригодятся на родине. Помимо этого, трудовая миграция дает женщине экономическую независимость, а семьям – безбедную жизнь и возможность дать образование детям.

Феминизация трудовой миграции

В современном мире происходит рост феминизации трудовой миграции. Эти процессы характерны и для Узбекистана. По оценкам Агентства по внешней трудо-

⁵ Средняя зарплата мигранта в России – 47,1 тысячи рублей // Газета.uz : [сайт]. 15.12.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/15/migrants/> (дата обращения: 31.03.2023).

вой миграции, в 2022 г. 568,5 тыс. узбекских женщин работали за границей⁶.

Обследование показало, что география трудовой миграции несколько различается у мужчин и женщин. Так, среди мужчин доля работающих в Турции составила 2,5%, а у женщин – 17,6%; это больше, чем в Казахстан на 7,4 п. п. (2019 г.). Следует заметить, что именно в Казахстане доля женщин среди мигрантов в начале 2000-х гг. непрерывно увеличивалась (в 2002 г. – 14,1%, в 2004 г. – 23,7%, т. е. в 1,7 раза) [19]. Такая динамика была обусловлена территориальной близостью обеих республик, в определенной мере и мусульманским фактором.

Среди обследованных трудовых мигрантов, работавших в ОАЭ, доля женщин (данные на 2019 г.) была в восемь раз больше, чем у мужчин, что связано с востребованностью женских профессий в этой стране. По данным обследования, преобладают молодые и относительно молодые женщины, в возрасте от 30 до 50 лет, с образованием средним общим и средним профессиональным. Однако многие из них имеют специальность и профессию медсестры, санитарки, воспитателя в детском саду, преподавателя, продавца, бухгалтера, швеи и пр.

В последние годы в странах-реципиентах прослеживается востребованность в профессии медсестры. Впервые в 2022 г. по программе, разработанной Агентством по внешней трудовой миграции Узбекистана совместно со швейцарской организацией Globogate Recruiting GmbH по привлечению опытных медсестер, в медучреждения Германии была отправлена 31 медсестра среднего звена⁷. Согласно информационным данным посольства Израиль, из 10 тысяч трудовых мигрантов из Узбекистана, работающих в этой стране, около 80% составляют женщины, ухаживающие за больными и престарелыми людьми. Как правило, такие поездки нелегальны, хотя и подписано соглашение между правительствами обеих стран о временном трудоустройстве узбекских работников в отдельных секторах рынка труда Израиля, но до сих пор не было предпринято никаких шагов по легализации узбекских трудовых мигрантов в данной стране⁸.

Проблемы трудовых мигрантов

Длительное время большинство узбекских трудовых мигрантов в России и других странах СНГ имело неустойчивый, преимущественно нелегальный статус. По данным Агентства по вопросам внешней трудовой миграции, за первое полугодие 2020 г. из 2 млн человек, выехавших за рубеж, только у 992 тысяч был легальный статус⁹. Государственная монополия на экспорт рабочей силы в республике привела к тому, что отдельные частные фирмы и частные лица продолжают нелегальную отправку трудовых мигрантов.

⁶ Полмиллиона узбекских женщин работают за границей. Есть ли в Узбекистане механизм для их трудоустройства? // Kun.uz : [сайт]. 14.04.2022. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/04/14/polmilliona-uzbekskix-iyenshchin-rabotayut-za-granitsey-yest-li-v-uzbekistane-mexanizm-dlya-ix-trudoustroystva> (дата обращения: 31.03.2023).

⁷ Германия начала набор медсестер из Узбекистана с зарплатой свыше \$2500 // UzNews : [сайт]. 06.04.2022. URL: <https://uznews.uz/posts/54690> (дата обращения: 31.03.2023).

⁸ Мама, не уезжай. Почему трудовая миграция в Израиль привлекает самаркандских женщин? // Podrobno.uz [сайт]. 13.04.2023. URL: <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/mama-ne-uezzhay-pochemu-trudovaya-migratsiya-v-izrail-privlekaet-samarkandskikh-zhenshchin/> (дата обращения: 31.03.2023).

⁹ Открытые данные в соответствии с законодательными актами о бюджете // Агентстве по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан : [сайт]. URL: <http://www.migration.uz/post/view/33> (дата обращения: 31.03.2023).

В результате имели место факты обмана со стороны нелегальных организаторов – выплата им чрезмерно больших сумм за проезд и устройство на работу по месту прибытия, однако при этом трудовые мигранты подвергались унижениям и оскорблениям со стороны работодателей. В некоторых случаях доходило даже до того, что нелегальные трудовые мигранты подвергались жестокому обращению, физическому насилию и произвольной депортации без возврата денег и имущества.

В странах-реципиентах правоохранительные органы не всегда на законных основаниях предъявляют претензии к трудовым мигрантам по нарушению ими паспортного режима и иным правонарушениям, и это «...помимо пресловутых «проверок документов». Сложилась практика фальсификации правонарушений, якобы совершаемых мигрантами. К примеру, было возбуждено более 42% уголовных дел в отношении мигрантов за так называемое пользование заведомо недействительными документами. Немало обращений связано и с ложным обвинением мигрантов в преступлениях, реально совершенных другими лицами [18, с. 118]. Не случайно в России складывается общественное мнение, что «...40% мигрантов из средней Азии готовы с оружием в руках бунтовать, защищая свои религиозные или национальные интересы»¹⁰.

Некоторая часть работодателей разделяет мифологизированные обывательские представления о некультурных, необразованных, неквалифицированных мигрантах. Однако эмпирические исследования показывает совершенно иную картину: «менее половины мигрантов из Узбекистана имеет лишь общее среднее образование, у 27,7% – среднее специальное, у 3,6% – неполное высшее, у 19,3% – высшее, а 2,2% – обладатели ученых степеней. 52,4% из них до миграции занимались квалифицированным трудом; 20,2% даже были офисными работниками, врачами или учителями. Таким образом, именно узбекские мигранты отвечают мечтам российских политиков о «квалифицированной миграции», и чем больше у узбекистанского мигранта уровень образования и профессиональный опыт, тем меньше у него шансов реализовать его в России» [18, с. 120].

Необходимо добавить, что миграционные потоки в Россию и Казахстан имеют тенденцию к уменьшению. По результатам исследования в 2022 г., по сравнению с 2019 г., численность мигрантов из Узбекистана сократилась на 5,0%, в то время как в Турцию она возросла – с 2,0 до 5,4%. На вопрос: «Если появится возможность, то какую страну вы бы выбрали, чтобы поехать работать?» были получены следующие ответы: В Южную Корею – 51,8%, в Турцию – 10,0%. Такая мотивация обусловлена более высокой оплатой труда и большими гарантиями безопасности, как отмечал в 2018 г. в своей статье С. В. Рязанцев [7, с. 725].

По данным опроса, пожелавших поехать на работу в Казахстан набралось всего около 2%, в основном это были лица, для которых были важны относительно низкие затраты на переезд. Число желающих работать в России уменьшилось примерно в четыре раза.

Государственная политика в сфере миграции

В Республике Узбекистан определены новые позитивные подходы к трудовой миграции населения и предприняты реальные шаги по упорядочению миграцион-

¹⁰ Никита Михалков – об опасности внутри России: зреет бунт мигрантов // Царьград ТВ : [сайт]. 12.04.2023. URL: https://tsargrad.tv/articles/nikita-mihalkov-ob-opasnosti-vnutri-rossii-zreet-bunt-migrantov_760812 (дата обращения: 31.03.2023).

ных процессов. При Министерстве занятости и сокращении бедности Республики Узбекистан открыты Агентство по внешней трудовой миграции и его региональные отделения. В целях формирования эффективной системы поддержки трудовых мигрантов и их семей, правовой защиты мигрантов создан Департамент по вопросам защиты прав и поддержки граждан Республики Узбекистан. Достигнуты соглашения по трудовой миграции с Россией, Казахстаном, Турцией, Японией и ОАЭ.

В целях обеспечения гарантированного предоставления трудящимся гражданам оплачиваемой работы, применения к ним трудовых стандартов, принятых в стране пребывания, и их обустройства на время нахождения на территории иностранного государства были приняты следующие официальные документы: Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы внешней трудовой миграции Республики Узбекистан» (от 5 июля 2018 г.)¹¹; Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию и коренному пересмотру системы организованного трудоустройства граждан Республики Узбекистан за рубежом» (от 12 сентября 2018 г.)¹²; Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и членов их семей» (от 20 августа 2019 г.)¹³; Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по внедрению системы безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции» (от 15 сентября 2020 г.)¹⁴.

В результате основными приоритетами современной миграционной политики государства стали: сокращение масштабов неорганизованной трудовой миграции, создание стимулов оттока квалифицированной рабочей силы из страны, расширение межгосударственного сотрудничества, усиление социальной защиты трудовых мигрантов. В этих целях за последние несколько лет было принято порядка 15 нормативно-правовых актов.

Ратифицировано 13 международных Конвенций по вопросам миграции и прав человека, произошло присоединение к Конвенции о защите прав мигрантов, созданы частные агентства по трудовой миграции. Также введены такие институциональные новшества, как: образованы Республиканская комиссия по вопросам внешней трудовой миграции, Фонд поддержки и защиты прав и интересов мигрантов, Комиссия по разработке механизма сотрудничества с мигрантами в вопросах стимулирования инвестиционного потенциала денежных переводов, открыты представительства

¹¹ Постановление Президента Республики Узбекистан от 05.07.2018 г. № ПП-3839 «О дополнительных мерах по дальнейшему совершенствованию системы внешней трудовой миграции Республики Узбекистан» // Lex.uz : [сайт]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3811333> (дата обращения: 31.03.2023).

¹² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 12.09.2018 г. № 725 «О мерах по дальнейшему совершенствованию и коренному пересмотру системы организованного трудоустройства граждан Республики Узбекистан за рубежом» // Lex.uz : [сайт]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3903309> (дата обращения: 31.03.2023).

¹³ Указ Президента Республики Узбекистан от 20.08.2019 г. № УП-5785 «О мерах по дальнейшему усилению гарантий защиты граждан Республики Узбекистан, осуществляющих временную трудовую деятельность за рубежом, и членов их семей» // Lex.uz : [сайт]. URL: <https://lex.uz/docs/4482657> (дата обращения: 31.03.2023).

¹⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан от 15.09.2020 г. № ПП-4829 «О мерах по внедрению системы безопасной, упорядоченной и легальной трудовой миграции» // Lex.uz : [сайт]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4997979> (дата обращения: 31.03.2023).

Правительства Республики Узбекистан в принимающих странах, сформированы центры по предвыездной подготовке мигрантов, введена должность советника Премьер-министра по внешней трудовой миграции.

11 декабря 2020 г. Республика Узбекистан официально получила статус государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Экономическая поддержка в рамках интеграции со странами – членами ЕАЭС может послужить стимулом комплексного развития Узбекистана, улучшения доступа к мировым и региональным рынкам, республика получает доступ к единому рынку труда со свободным передвижением рабочей силы, обеспечивает социальную и правовую защиту для своих трудовых мигрантов.

Выводы

Современный Узбекистан располагает большим, молодым и быстро растущим демографическим и трудовым потенциалом. По численности населения страна является крупнейшим государством в Центральной Азии. В последние десятилетия республика прошла непростой путь демографического развития, со значительными перепадами в показателях естественного движения и миграции населения. Тем не менее за весь период независимого развития сохранялась устойчивость демографической ситуации, что является одним из важнейших факторов социальной стабильности в обществе. Вместе с тем в этой сфере имеется немало проблем, в силу чего необходима эффективная демографическая политика, учитывающая особенности и национальный менталитет граждан республики.

Рынок труда в Узбекистане находится под сильным демографическим давлением. При всем увеличении числа рабочих мест страна не в состоянии обеспечивать устойчивую занятость населения, особенно молодежи, что является главным фактором формирования миграционных потоков за пределы государства. В настоящее время в республике разработана и внедряется новая миграционная политика, которая, с одной стороны, нацелена на сдерживание трудовой миграции населения, особенно молодежи, вступающей в трудовую жизнь, с другой стороны, направлена на расширение межгосударственного сотрудничества и усиление социальной защиты трудящихся-мигрантов. И ее реализация уже приносит определенные результаты.

Список литературы

1. *Убайдуллаева, Р. А.* Демографические процессы в Узбекистане и занятость населения [Ўзбекистонда демографик жараёнлар ва аҳоли бандлиги] : учебное пособие. Ташкент, 2006. 78 с. (На узбек.).
2. *Максакова, Л. П.* Демографическая безопасность как фактор современной стратегии развития Узбекистана // Экономика и финансы. 2020. № 3. С. 135–143.
3. *Солиев, А. С.* Демография сельских районов [Кишлок жойлар демографияси] : монография. Ташкент : Университет, 2005. 139 с. (На узбек.).
4. *Тожиева, З. Н.* Размещение и рост населения Узбекистана [Ўзбекистон аҳолисини: ўсиши ва жойланиши] : монография. Ташкент : Fan va Texnologiya, 2010. 304 с. (На узбек.).
5. *Мамадалиева, Х. Х.* Социально-демографические особенности развития семьи в Узбекистане [Ўзбекистонда оила ривожланишининг ижтимоий демографик хусусиятлари] : монография. Ташкент : ТТЕСИ, 2022. 281 с. (На узбек.).
6. *Рыбаковский, Л. Л.* Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51–61. EDN [ZDQTLZ](#).
7. *Рязанцев, С. В.* Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](#). EDN [ZAQDFR](#).

8. *Рязанцев, С. В.* Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. 2016. № 55. С. 2–23. EDN [YOPLJE](#).
9. Миграция в России, 2000–2012 : хрестоматия : в 3 т. Т. 1 : Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. Ч. 2 / Российский совет по международным делам ; гл. ред. И. С. Иванов ; сост. Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова. Москва : Спецкнига, 2013. 954 с. ISBN 978-5-91891-075-7.
10. *Осадчая, Г. И.* Социокультурные характеристики повседневных практик россиян : монография / Г. И. Осадчая ; Российский гос. социальный ун-т. Москва : Изд-во Российского гос. социального ун-та, 2013. 507 с. ISBN 978-5-7139-1101-0.
11. *Красинец, Е. С.* Трудовые миграции в России // Миграционные процессы в России / [О. Д. Воробьева и др.] ; под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского ; Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Москва : Экон-информ, 2014. С. 249–296. ISBN 978-5-9506-1115-5. EDN [YTKYST](#).
12. *Максакова, Л. П.* Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Центр миграционных исследований, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН ; под ред. Ж. А. Зайончковской, Г. С. Витковской. Москва : АдамантЪ, 2009. С. 323–349. ISBN 978-5-86103-082-3.
13. *Расулова, Д. В.* Трудовая миграция в странах СНГ: миграционная ситуация в Узбекистане // Экономика и финансы. 2008. № 4. С. 4–6.
14. *Исакулова, Ш. Н.* Адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана в России // Экономика и образование. 2022. № 6. С. 165–173.
15. *Мамадалиева, Х. Х.* Оценка внешней и внутренней миграции в регионах Узбекистана [Республика ҳудудларида аҳолининг ташқи ва ички миграция даражасини баҳолаш] // Логистика и экономика [Логистика ва иқтисодиёт]. 2021. № 5. С. 170–179. (На узбек.).
16. *Максакова, Л. П.* Демографический и миграционный потенциал Узбекистана // Народонаселение. 2016. № 1. С. 83–89. EDN [VWEUIT](#).
17. Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии : учебное пособие / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, д. э. н. С. В. Рязанцева. Алматы : Международная организация по миграции (МОМ) – Агентство ООН по миграции, 2020. 242 с. ISBN 978-92-9068-849-5. EDN [CXCBEA](#).
18. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. Москва : НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с. ISBN 5-87514-865-1. EDN [UUQIWN](#).
19. *Чурик, В. В.* Трудовые мигранты из Узбекистана в южных регионах Республики Казахстан : исследование / В. В. Чурик, К. З. Алимов ; под ред. МОМ Алматы. Алматы : Изд-во LEM. 55 с.

Сведения об авторе:

Мамадалиева Хафиза Холдаровна, доктор экономических наук, первый заместитель директора, Институт исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности; профессор кафедры экономической и социальной географии, факультет географии и природных ресурсов, Национальный Университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.

Контактная информация: e-mail: mhafiza@mail.ru; ORCID ID: [0009-0002-8412-8062](https://orcid.org/0009-0002-8412-8062).

Благодарности и финансирование:

Социологическое обследование проведено при поддержке Министерства занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан во исполнение постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан за № 1011 от 22.12.2017 г.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; принята в печать 08.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND TRENDS IN POPULATION MIGRATION IN UZBEKISTAN

Hafiza H. Mamadalieva

Labor Market Research Institute under Ministry of Employment and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan;

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

E-mail: mhafiza@mail.ru

For citation: Mamadalieva, Hafiza H. Demographic Development and Trends in Population Migration in Uzbekistan. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 2, P. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.6).

Abstract. The article reveals the features of population reproduction mode in Uzbekistan and its new trends that have developed over the past years and will ensure a large-scale increase in the country's labor resources in the future. The research outlines changes in the sex and age structure of the population which predetermines the size of the workforce. The scale of labor migration in Uzbekistan and the factors that determine it are estimated. The object of the study is population, trends in its reproduction and mobility. The goal of the study is to reveal the features of the demographic situation that determine many important directions of the socio-economic development of the republic and the formation of labor migration flows. The research found that in many regions of Uzbekistan, the rate of job creation lags the growth rate of labor resources resulting in unemployment, especially among young people. According to survey results, the imbalance in the labor market, as well as the low labor cost were the main reasons for seeking work outside the country. Also, the results of the survey substantiate the positive and negative consequences of current external labor migration, changes in the qualitative characteristics of labor migrants and their priorities. Given the demographic situation in Uzbekistan today, in the coming years there will be a significant outflow of labor migrants to foreign countries, where Russia will prevail. Labor migration will continue to provide relative stability in the labor market of the republic and the inflow of remittances, which will contribute to improving the living standards of the country's population. Changes in the migration policy of Uzbekistan aimed at streamlining migration processes in the republic that have been made in recent years will play a significant role.

Keywords: demographic development; work migration; Uzbekistan; labor market; sociological survey; migration policy; socio-economic development.

References

1. Ubaydullaeva, R. A. *Demographic Processes in Uzbekistan and Population Employment [O'zbekistonda demografik jarayonlar va axoli bandligi]* : textbook. Tashkent, 2006. 78 p. (In Uzbek).
2. Maksakova, L. P. Demograficheskaya bezopastnost' kak faktor sovremennoy strategii razvitiya Uzbekistana [Demographic security as a factor in the modern development strategy of Uzbekistan]. *Ekonomika i finansy [Economics and Finance]*. 2020. No 3. P. 135–143. (In Russ.).
3. Soliev, A. S. *Demographics of Rural Areas [Kishlok joylar demografiyasi]* : monograph. Tashkent : Universitet Publishing House, 2005. 139 p. (In Uzbek).
4. Tojjeva, Z. N. *Population of Uzbekistan: Growth and Location [O'zbekiston axolisini: o'sishi va joylanishi]* : monograph. Tashkent : Fan va Texnologiya Publishing House, 2010. 304 p. (In Uzbek).
5. Mamadalieva, H. H. *Social and Demographic Features of Family Development in Uzbekistan [O'zbekistonda oila rivojlanishining ijtimoiy demografik xususiyatlari]* : monograph. Tashkent : TTESI Publishing House, 2022. 281 p. (In Uzbek).
6. Rybakovsky, L. L. Factors and Causes of Migration, Mechanism of their Relationship. *Narodonaselenie (Population)*. 2017. No. 2 (76). P. 51–61. (In Russ.).
7. Ryazantsev, S. V. Labour Immigration to Russia: Myths and Contrarguments. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 4. P. 718–729. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729). (In Russ.).
8. Ryazantsev, S. V. Trudovaya migratsiya iz Tsentral'noy Azii v Rossiyu v kontekste ekonomicheskogo krizisa [Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis]. *Valdai Papers*. 2016. № 55. C. 2–23. (In Russ.).
9. *Migratsiya v Rossii, 2000–2012 [Migration in Russia, 2000–2012]* : chrestomathy : in 3 vols. Vol. 1 :

Migratsionnyye protsessy i aktual'nyye voprosy migratsii [Migration processes and topical issues of migration]. Part 2 / Russian International Affairs Council ; ex. ed. I. S. Ivanov ; contrib. N. V. Mkrtchyan, E. V. Tyuryukanova. Moscow : Sprintskniga Publishing House, 2013. 954 p. ISBN 978-5-91891-075-7. (In Russ.).

10. Osadchaya, G. I. *Sotsiokul'turnyye kharakteristiki povsednevnykh praktik rossiyan [Sociocultural characteristics of everyday practices of Russians]* : monograph / G. I. Osadchaya ; Russian State Social University. Moscow : Russian State Social University Publishing, 2013. 507 p. ISBN 978-5-7139-1101-0. (In Russ.).

11. Krasinets, E. S. Trudovyye migratsii v Rossii [Labor migration in Russia]. In: *Migratsionnyye protsessy v Rossii [Migration processes in Russia]* / [O. D. Vorobieva et al.] ; ed. by V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky ; Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS. Moscow : Ekon-inform Publishing House, 2014. P. 249–296. ISBN 978-5-9506-1115-5. (In Russ.).

12. Maksakova, L. P. Uzbekistan v sisteme mezhdunarodnykh migratsiy [Uzbekistan in the system of international migration]. In: *Postsovetkiye transformatsii: otrazheniye v migratsiyakh [Post-Soviet Transformations: Reflection in Migration]* / Center for Migration Studies, Institute of Economic Forecasting RAS ; ed. by Zh. A. Zayonchkovskaya, G. S. Vitkovskaya. Moscow : Adamant Publishing House, 2009. P. 323–349. ISBN 978-5-86103-082-3. (In Russ.).

13. Rasulova, D. V. Trudovaya migratsiya v stranakh SNG: migratsionnaya situatsiya v Uzbekistane [Labor migration in the CIS countries: migration situation in Uzbekistan]. *Ekonomika i finansy [Economics and finance]*. 2008. No. 4. P. 4–6. (In Russ.).

14. Isakulova, Sh. N. Adaptatsiya trudovykh migrantov iz Uzbekistana v Rossii [Adaptation of labor migrants from Uzbekistan in Russia]. *Ekonomika i obrazovaniye [Economy and education]*. 2022. No. 6. P. 165–173. (In Russ.).

15. Mamadalieva, H. H. Assessing the level of external and internal population migration in the regions of Uzbekistan [Respublika hududlarida aholining tashqi va ichki migratsiya darajasini baholash]. *Logistics and economics [Logistika va iqtisodiyot]*. 2021. No. 5. P. 170–179. (In Uzbek.).

16. Maksakova, L. P. Demographic and Migration Potential of Uzbekistan. *Narodonaselenie (Population)*. 2016. No. 1. P. 83–89. (In Russ.).

17. *Vozvratnaya migratsiya: mezhdunarodnyye podkhody i regional'nyye osobennosti Tsentral'noy Azii [Return migration: international approaches and regional features of Central Asia]* : tutorial / ex. ed. RAS Corr. Member, Dr. Sci. (Econ.) S. V. Ryazantsev. Almaty : International Organization for Migration (IOM) – IOM Migration, 2020. 242 p. ISBN 978-92-9068-849-5. (In Russ.).

18. *Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika [Migrants, migrant phobia and migration policy]* / ex. ed. V. I. Mukomel. Moscow : NPP Central House Of Lawyer, Moscow Bureau for Human Rights, Academia Publishing House, 2014. 245 p. ISBN 5-87514-865-1. (In Russ.).

19. Chupik, V. V. *Trudovyye migranty iz Uzbekistana v yuzhnykh regionakh Respubliki Kazakhstan [Labor migrants from Uzbekistan in the southern regions of the Republic of Kazakhstan]* : research / V. V. Chupik, K. Z. Alimov ; ed. by IOM Almaty. Almaty : LEM Publishing House. 55 p. (In Russ.).

Bio note:

Hafiza H. Mamadalieva, Doctor of Economic Sciences, First Deputy Director, Labor Market Research Institute under Ministry of Employment and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan; Professor, Department of Economic and Social Geography, Faculty of Geography and Natural Resources, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

Contact information: e-mail: mhafiza@mail.ru; ORCID ID: [0009-0002-8412-8062](https://orcid.org/0009-0002-8412-8062).

Acknowledgements and financing:

The reported sociological survey was carried out with the support of the Ministry of Employment and Poverty Reduction of the Republic of Uzbekistan in pursuance of the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 1011 dated 22.12.2017.

Received on 07.04.2023; accepted for publication on 08.06.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.7)

EDN [RHYDKO](https://edn.rhjdko.ru)

НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ В ЗАМБИИ

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Чимбаза Чума Грейс

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: 1032195414@rudn.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Демографическое развитие и социально-демографическая политика Замбии / С. В. Рязанцев, Ч. Г. Чимбаза // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 92–108. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.7). EDN [RHYDKO](https://edn.rhjdko.ru).

Аннотация. Целью исследования стал всесторонний анализ ключевых миграционных потоков в Республике Замбия в последние десятилетия. Методологической основой явился комплексный подход к изучению миграционных процессов в контексте социально-экономического развития Республики на основе данных международной и национальной статистики. Основным методом исследования был статистический анализ. Первостепенными научными задачами стали следующие: выявление общих трендов миграции в стране; определение тенденций и структуры трудовой и вынужденной миграции в Замбии; установление особенностей и структуры эмиграции; анализ подходов к работе с представителями диаспоры в контексте развития государства на среднесрочную перспективу. В Замбии получила распространение и международная миграция. С одной стороны, из страны эмигрируют высоко- и квалифицированные специалисты. С другой стороны, Замбия привлекает беженцев и трудовых мигрантов из сопредельных государств. Таким образом, Республика Замбия выступает как страна происхождения, транзита и назначения мигрантов из соседних государств и других регионов. Миграция является неотъемлемой частью экономики страны и способствует ее устойчивому социально-экономическому развитию. Вследствие чего миграцию необходимо рассматривать не как проблему, а как возможность для развития государства, общества и домохозяйств.

Ключевые слова: миграция; Замбия; Африка; диаспора; трудовая миграция; эмиграция; вынужденная миграция; беженцы.

Введение

Актуальность исследования. Юг Африки характеризуется высоким уровнем территориальной мобильности населения, которая способствует развитию национальных экономик и повышению уровня жизни домохозяйств. Одной из самых урбанизированных стран Африканского континента является Замбия, около 35% населения которой проживают в городах. Такой высокий уровень урбанизации связан с активной миграцией населения из сельской местности в города.

Экономика Республики Замбия переживает продолжительный экономический спад, вызванный нефтяным кризисом 1970-х гг. и последующим ухудшением положения во многих секторах экономики, в том числе в сельском хозяйстве. Многие жители сел и городов страны вовлечены в миграцию. Миграция из сел в более развитые районы и города стала основной формой внутренней миграции в Республике в период затяжного экономического кризиса. Обусловленный приток иностранных инвестиций в медедобывающую промышленность государства в последние годы не-

сколько замедлил миграционный отток из сельской местности в города.

В Замбии получила распространение и международная миграция. С одной стороны, из страны эмигрируют высоко- и квалифицированные специалисты. С другой стороны, Замбия привлекает беженцев и трудовых мигрантов из сопредельных государств. Таким образом, Республика – это страна и происхождения, и транзита, и назначения мигрантов из соседних государств и других регионов. Поскольку миграция является неотъемлемой частью экономики Замбии и способствует ее устойчивому социально-экономическому развитию, миграцию необходимо рассматривать не как проблему, а как возможность для развития государства, общества и домохозяйств.

Подходы и методы исследования. Целью исследования стал всесторонний анализ ключевых миграционных потоков в Замбии в последние десятилетия. Методологической основой явился комплексный подход к изучению миграционных процессов в контексте социально-экономического развития страны на основе данных международной и национальной статистики. Основным методом исследования был статистический анализ. Первостепенными научными задачами стали такие, как: (1) выявление общих трендов миграции в Республике; (2) определение тенденций и структуры трудовой и вынужденной миграции в Замбию; (3) установление особенностей и структуры эмиграции; (4) анализ подходов к работе с представителями диаспоры в контексте развития страны на среднесрочную перспективу.

Источники информации о миграции в Замбии. Республика Замбия имеет несколько источников статистических данных о миграции, которые собирает и публикует Центральное статистическое управление, а также некоторые государственные службы страны.

В переписи населения и жилищного фонда помимо сбора, обработки и презентации статистических сведений о ключевых социально-демографических характеристиках населения страны, представлены данные о численности и составе международных мигрантов. Надо признать, что, перепись населения не предоставляет исчерпывающих сведений об эмиграции из Замбии. Для того, чтобы зарегистрировать эмигрантов в ходе переписи, должен быть член домохозяйства, готовый сообщить необходимую информацию о них, что невозможно в ситуации, когда все члены домохозяйства находятся в отъезде. Это влияет на точность данных об эмиграции.

В 2019 г. Центральное статистическое управление Республики Замбия в национальное обследование рабочей силы добавило модуль по трудовой миграции. Такое обследование проводится только на официальных рабочих местах и, следовательно, не включает данные о мигрантах, занятых в неформальном секторе.

Сведения об иностранцах, получивших разрешение на работу в стране, собирает Департамент иммиграции.

Власти Замбии ввели миграционные карты для сбора данных о въезде и выезде за границу, в которых фиксируется место рождения, гражданство, возраст, пол, страна обычного проживания, национальность, род занятий, причина въезда (выезда), продолжительность визита. Такие сведения собираются пограничной службой в 18 пунктах пересечения границы, после чего стекаются в штаб-квартиру и заносятся в базу данных. При этом составляются сводные ежеквартальные и ежегодные отчеты.

В 2006 г. было проведено пилотное тестирование компьютеризированной системы пограничного контроля в международном аэропорту Лусаки и четырех крупных пунктах пересечения границы.

В настоящее время страна не имеет единой централизованной компьютерной

системой учета миграции. Перечисленные выше данные носят разрозненный характер и нуждаются в систематизации и единой методологии сбора.

Эксперты отмечают, что систему сбора сведений о миграции в Замбии необходимо улучшать как с точки зрения сбора на пограничных пунктах, так и с точки зрения улучшения подготовки сотрудников пограничного контроля.

В Замбии создан Миграционный профиль, включающий обзор сведений о миграции и использующий данные национальных переписей, обследований, административных источников, в том числе сведения об иммиграции, эмиграции, гражданах, проживающих за рубежом, реэмигрантах, денежных переводах. Ресурс предназначен для разработки политики, планирования и принятия решений в области управления миграцией на основе объективных и разнообразных данных.

Теоретический обзор: роль миграции в социально-экономическом развитии стран Африки

Дискуссия о международной миграции в африканских государствах в значительной степени сосредоточена вокруг ее значимости для социально-экономического развития самих стран, локальных сообществ и домохозяйств.

Прежде всего, полемика об эмиграции в государствах Африки в основном концентрируется на негативных социально-экономических последствиях «утечки умов» [1; 2]. Правительства некоторых африканских стран воспринимают эмиграцию высококвалифицированных работников как угрозу социально-экономическому развитию государств. При этом противоречивость подхода заключается в том, что дискутанты в то же время признают и приветствуют позитивный вклад африканских эмигрантов в социально-экономическое развитие отправляющих стран через денежные переводы, инвестиции, передачу профессиональных навыков [3].

Важный аспект научного дискурса – незаконная эмиграция африканцев через Средиземноморье в контексте безопасности. Европейские государства являются важнейшим направлением для африканских мигрантов, как высококвалифицированных, так и неквалифицированных, как на документированной, так и на нерегулярной основе. Недокументированные мигранты в большинстве случаев переправляются в Европу через Средиземное море, что сопровождается большим количеством смертей. Учитывая то, что Европа создала на своих границах мощную систему пограничного контроля, происходит постепенная переориентация африканской миграции на Ближний Восток и Азию¹.

Иммиграция в общественно-политических дискуссиях стран Африки часто воспринимается также как вызов развитию принимающих государств, поскольку широко распространены мнения, что их граждане вынуждены конкурировать с иммигрантами за ограниченные возможности трудоустройства на недостаточно развитых рынках труда некоторых стран.

В академическом дискурсе присутствует, как правило, идея позитивного вклада миграции в принимающие общества. Миграция может внести существенный вклад в социально-экономическое развитие как в районах происхождения, так и районах назначения миграции при осуществлении соответствующей политики [4, 5].

На международном уровне отмечается аналогичная позиция. МОМ (Международная организация по миграции) считает, что эффективно управляемая миграция

¹ African Migration Trends to Watch in 2022 // Africa Center for Strategic Studies : [site]. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-migration-trends-to-watch-in-2022> (accessed on 06.04.2023).

способствует преобразованиям и развитию отправляющих мигрантов стран.

Исследование экономических каналов миграции, проведенное ЮНКТАД (Конференцией ООН по торговле и развитию), доказывает положительное влияние на структурные преобразования мигрантов с высшим образованием как в государствах происхождения, так и в странах назначения. Также возвращение мигрантов в страны происхождения привносит знания и навыки, может стимулировать производительность труда в экономике².

Различные исследования показывают, что миграция играет конструктивную роль в качестве катализатора экономического роста, движущей силы демографической динамики, фактора, обогащающего культурное наследие. Миграция способствует развитию государств назначения за счет налогов и потребления, при этом мигранты тратят примерно 85% своих доходов в этих странах [6]. Помимо вклада в текущее производство иммигранты обеспечивают демографический прирост существующей и будущей рабочей силы в государствах назначения. Трудящиеся-мигранты всех уровней квалификации заполняют пробелы на рынке труда, содействуют развитию торговли и инвестиций, приносят инновации, навыки и знания как в принимающие страны, так и в государства происхождения [7].

Взаимосвязь между миграцией и социально-экономическим развитием изучена недостаточно. Прямая (линейная) связь между миграцией и социально-экономическим развитием в некоторых научных работах оспаривается. Хорошо управляемая трудовая миграция может стимулировать мобильность рабочей силы, устраняя дефицит ее предложения на национальных и региональных рынках труда. Работники-мигранты заполняют непрестижные ниши на рынке труда, позволяя работникам из числа местного населения в странах назначения выполнять более квалифицированную работу. Однако мигранты с низкой квалификацией иногда оказываются на региональных рынках труда в невыгодном положении.

Чтобы стимулировать мобильность африканцев, предлагается ввести «единый африканский паспорт». Но уже сейчас, к примеру, Руанда разрешает трудящимся-мигрантам из государств Восточноафриканского сообщества работать свободно в стране, а также выдает временный вид на жительство для работников средней квалификации.

Все большее значение приобретает феминизация миграции в Африке. Женщины-мигранты вносят ощутимый вклад в инклюзивный рост как в странах происхождения, так и в государствах назначения, в денежные переводы в натуральной форме в экономику своих домашних хозяйств и общин. Однако африканские женщины-мигранты сталкиваются со значительными проблемами (семейные обязанности, конкуренция на рынках труда), которые влияют не только на их миграционный опыт, но и на востребованность в качестве работников в странах назначения [8].

По данным Всемирного банка, в 2022 г. размер денежных переводов в страны Африки оценивался в 96 млрд долл. США. Денежные переводы являются самым крупным источником дохода по статье «Помощь в целях развития за рубежом». В пятерку крупнейших стран-получателей денежных переводов на Африканском континенте вошли Египет (32,3 млрд долл. США), Нигерия (20,9 млрд), Марокко (11,4 млрд), Гана

² UNCTAD Ad-Hoc Expert Meeting on the Contribution of Migrants to Development: Trade, Investment and Development Linkages // International Organization for Migration: [site]. URL: <https://www.iom.int/speeches-and-talks/unctad-ad-hoc-expert-meeting-contribution-migrants-development-trade-investment-and-development-linkages> (accessed on 06.04.2023).

(4,6 млрд), Кения (4 млрд). Максимальную долю денежные переводы составляют в ВВП таких африканских стран, как Гамбия (28%), Южный Судан (25%), Лесото и Сомали (по 21%), Коморские острова (20%). В связи с восстановлением экономик развитых государств по мере отступления пандемии COVID-19 поток денежных переводов в 2022 г. увеличился на 5,2%³. Большая часть денежных переводов направляется на поддержку семей, в том числе для приобретения продуктов питания и товаров домашнего обихода. Оптимистичный взгляд предполагает, что денежные переводы способствуют сокращению бедности.

В некоторых исследованиях утверждается, что хотя денежные переводы в основном расходуются на базовые потребности, однако некоторые африканские домохозяйства инвестируют финансовые средства в более пролонгированные и основательные социально-экономические проекты. Например, это вложения в образование детей, развитие локальной инфраструктуры, создание производственных предприятий, покупка сельскохозяйственного оборудования и земли, строительство домов, открытие собственного бизнеса [3]. Денежные переводы из-за границы предоставляют возможность частным лицам и домохозяйствам в Африке открывать банковские счета, делать займы и сбережения. В целом в большинстве исследований отмечается, что денежные переводы способствуют росту человеческого капитала и благосостояния домохозяйств. Вместе с тем, несмотря на положительное влияние денежных переводов, существуют проблемы привлечения этих средств на цели развития африканских стран.

Признавая потенциал миграции в содействии социально-экономическому развитию, некоторые государства Африки разработали стратегии по интеграции миграции в планирование развития, использование денежных переводов в целях развития и содействия передаче навыков мигрантами. Тем не менее политика и институциональные структуры в африканских странах, позволяющие воспользоваться преимуществами миграции, еще весьма слабы.

Факторы миграции в Замбии

Миграция в Республике Замбия определяется совокупностью факторов: демографическими, социально-экономическими, политическими. Факторы миграции могут иметь «притягивающий» и «выталкивающий» векторы, которые работают в тандеме при формировании миграционных тенденций.

К числу «выталкивающих» факторов относятся политическая нестабильность, плохие условия жизни, бедность, неполная занятость, безработица, низкая производительность труда, социально-экономическая отсталость, высокие налоги, отсутствие возможностей для прогресса, истощение природных ресурсов, перенаселенность, стихийные бедствия. В сельской местности это и внедрение капиталоемких методов производства, и механизация определенных процессов, снижающих потребность в рабочей силе. Отсутствие альтернативных источников дохода в сельских районах также является одним из основных факторов миграции.

К факторам «притяжения» для мигрантов из Замбии относятся лучшие возможности для занятости, более высокая заработная плата, перспективы карьерного роста и развития профессиональных навыков, более высокий уровень жизни и образовательные возможности.

³ African Migration Trends to Watch in 2022 // Africa Center for Strategic Studies : [site]. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-migration-trends-to-watch-in-2022> (accessed on 06.04.2023).

Большинство мигрантов внутри страны переезжает в развитые районы с лучшими перспективами трудоустройства и доступа к социальной инфраструктуре (здравоохранению и образованию). Исследователи сходятся во мнении, что основная часть мигрантов переселяется внутри Замбии в поисках оптимальных для себя экономических возможностей.

Для Замбии также характерна миграция населения из районов стихийных бедствий и техногенных катастроф. Страна подвержена чрезвычайным ситуациям природного характера, включая наводнения, засухи и возникающей в данной связи нестабильности.

Демографические различия в темпах прироста населения в разных регионах Республики являются еще одним важным фактором внутренней миграции. Рождаемость и естественный прирост населения, как правило, выше в сельских районах, из которых население перемещается в города. Еще один немаловажный демографический фактор внутренней миграции – брачный статус: женщины часто следуют за мужьями. К другим факторам, влияющим на миграцию, можно отнести социальные связи, права и свободы, в первую очередь права собственности.

Такие демографические характеристики, как возраст, образование, семейное положение и язык в равной мере влияют на готовность человека эмигрировать. Трудящиеся-мигранты чаще всего представлены мужчинами трудоспособного возраста. Женатые люди с меньшей вероятностью эмигрируют в одиночку и с большей вероятностью возвращаются домой через непродолжительное время. Причины решения о миграции, кроме перечисленных выше, зависят от квалификации и уровня образования мигрантов.

Тренды миграции в Республике Замбия

Статистика фактов пересечения границы государства показывает, что ежегодно количество въездов в страну превышает количество выездов из нее. Вплоть до пандемии COVID-19 увеличивалось количество въездов в страну. В 2019 г. было зарегистрировано 1 774 тыс. фактов пересечения границы на въезд и 1 075 тыс. – на выезд из Замбии (рис. 1).

Рис. 1. Пересечение границы Замбии в 2015–2019 гг. (человек)

Fig. 1. Crossing the border of Zambia in 2015–2019 (people)

Источник: составлено авторами по данным МОМ⁴

⁴ Migration in Zambia: a Country Profile 2019 / International Organization for Migration : [site]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_zambia.pdf (accessed on 06.04.2023).

Численность международных мигрантов в Республике Замбия в период с 1995 по 2015 гг. достигла своего пика в 2000 г. – 321 тыс. человек. В 2005–2015 гг. численность иммигрантов снижалась (рис. 2).

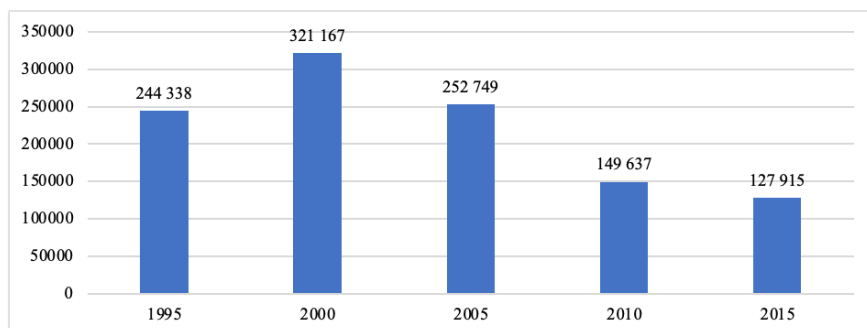

Рис. 2. Накопленная численность международных мигрантов в Замбии в 1995–2015 гг. (человек)

Fig. 2. Accumulated number of international migrants in Zambia in 1995–2015 (people)

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка⁵

Замбия заключила соглашения о миграции с несколькими странами, как внутри Африканского континента, так и за его пределами. Приведем примеры таких соглашений:

- двустороннее соглашение между Замбией и ЮАР об облегчении передвижения населения, которое направлено на содействие свободному передвижению людей, товаров и услуг и предусматривает освобождение от виз для определенных категорий населения (деловые путешественники, дипломаты и студенты);
- двустороннее соглашение между Замбией и Зимбабве о передвижении населения, которое включает положения о выдаче специальных разрешений для трансграничных торговцев и депортации нелегальных иммигрантов;
- меморандум между Замбией и Анголой о взаимопонимании в области передвижения населения, который включает положение об упорядочении статуса граждан, проживающих в странах друг друга;
- соглашение между Замбией и Великобританией о взаимной выдаче виз, которое позволяет гражданам двух государств взаимно посещать страны друг друга на срок до шести месяцев без визы;
- двустороннее соглашение между Замбией и Канадой о временных иностранных рабочих, которое позволяет гражданам Замбии работать в Канаде в течение ограниченного периода времени при соблюдении определенных условий.

Трудовая миграция в Замбии

Основными странами происхождения трудовых мигрантов в Замбии в 2019 г. были Демократическая Республика Конго (ДРК), Ангола и Зимбабве. Трудовая миграция зачастую переплетается с вынужденной миграцией из соседних государств по причинам политических, экономических или экологических кризисов (рис. 3).

⁵ International migrant stock (% of population) – Zambia / World Bank : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.TOTL.ZS?locations=ZM> (accessed on 06.04.2023).

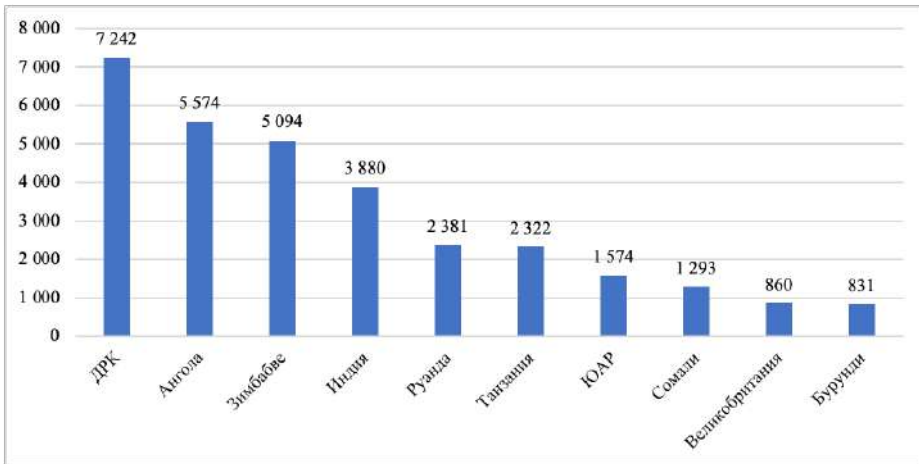

Рис. 3. Страны происхождения трудовых мигрантов в Замбии в 2019 г. (человек)

Fig. 3. Countries of origin of migrant workers in Zambia in 2019 (people)

Источник: составлено авторами по данным МОМ⁶

Согласно данным обследования рабочей силы, в 2019 г. основная доля трудящихся-мигрантов в Замбии приходилась на возрастную группу 35–64 лет: мужчины этой когорты составляли 26%, а женщины – примерно 20% от общего числа всех мигрантов в стране. В возрастной группе 15–24 лет доля женщин аккумулировала приблизительно 13%, а мужчин – около 7%. Доля среди иммигрантов как мужского, так и женского пола была минимальной в самой старшей возрастной группе (65 лет и старше) (рис. 4).

Рис. 4. Распределение трудовых мигрантов в Замбии по полу и возрастным группам в 2019 г. (%)

Fig. 4. Distribution of migrant workers in Zambia by gender and age groups in 2019 (%)

Источник: составлено авторами по данным МОМ⁷

Трудовая миграция играет важную роль в развитии экономики Республики Замбия, особенно в горнодобывающем, строительном и сельскохозяйственном секторах.

⁶ Migration in Zambia: a Country Profile 2019 / International Organization for Migration : [site]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_zambia.pdf (accessed on 06.04.2023).

⁷ Ibid.

В горнодобывающем секторе трудовые мигранты сыграли важную роль в развитии медной промышленности, которая долгое время оставалась основой экономики страны. Эти мигранты привнесли в отрасль ценные навыки и опыт, а также помогли увеличить производство и его эффективность.

В строительном секторе трудовые мигранты были вовлечены в строительство инфраструктуры – дорог, мостов, зданий. Кроме того, они принимали участие в развитии энергетического и телекоммуникационного секторов, имеющих решающее значение для экономического роста государства.

В сельскохозяйственном секторе трудовые мигранты выполнили немаловажную роль в производстве товарных культур (таких как табак и хлопок) и продовольственных культур (таких как кукуруза и маниока). Они помогли повысить производительность и внесли значительный вклад в развитие сектора. В целом трудовые мигранты внесли весомую лепту в развитие Замбии, особенно в сферах добычи полезных ископаемых, строительства и сельского хозяйства. Однако выгоды от трудовой миграции должны быть сбалансированы с потенциальными издержками, включая риск утечки мозгов и воздействие на социальную сплоченность и культурную самобытность.

В 2017 г. из Замбии в другие страны было отправлено денежных переводов на сумму 20 млн долл. США. Наибольшая сумма от трудовой миграции приходится на Индию – 7 млн, Руанду – 3 млн, Танзанию – 2 млн, Нигерию и Анголу – по 1 млн долл. США.

Организационной основой трудовой миграции является участие Замбии в двусторонних или многосторонних соглашениях по миграции, а также развитие системы социальной защиты, разработка политики в области труда, совершенствование институциональной структуры, продвижение и повышение осведомленности, расширение сбора данных о трудовой миграции.

Вынужденная миграция в Замбии

Согласно определению МОМ, вынужденная миграция представляет собой «перемещение населения, в котором присутствует элемент принуждения, хотя его движущие силы могут быть различны». Этот термин используется, когда речь идет о беженцах, внутренне перемещенных лиц (в том числе перемещенных в результате стихийных бедствий или реализации проектов развития) и, в некоторых случаях, жертвах торговли людьми [9].

Республика Замбия в целом отличается относительной политической и социально-экономической стабильностью. Здесь, по сравнению с другими африканскими странами, насчитывается небольшое число вынужденных мигрантов (беженцев и соискателей убежища). Однако в Замбии присутствует большое число внутренне перемещенных лиц. Кроме того, в стране учащаются случаи торговли людьми (траффикинга мигрантов). Ее жертвами зачастую становятся жители сельских районов, которые в поисках лучшей жизни прибегают к неофициальным каналам миграции. Кроме того, значительное число граждан Республики становятся жертвами траффикинга вследствие беспорядков и вспышек насилия либо изменений в землепользовании, влекущих переселения.

По данным УВКБ ООН, в 2017 г. Замбия приняла более 72,2 тыс. вынужденных мигрантов, включая 44,3 тыс. беженцев, большинство из которых – выходцы из Демократической Республики Конго (ДРК) (92%). В 2018 г. число мигрантов составило 49,7 тыс. беженцев и 3,3 тыс. соискателей убежища, среди которых 17,9 тыс. пересели-

лись в Замбию из Анголы и 5 тыс. – из Руанды. В 2023 г. большинство беженцев и соискателей убежища в Республике Замбия были выходцами из ДРК (52 тыс. человек), что составляло около 81% вынужденных мигрантов в стране. Беженцев и соискателей убежища из Бурунди, Сомали и Руанды в общей сложности насчитывалось 17% (рис. 5). В Замбии беженцы в основном размещаются в районах Мехеба в Северо-Западной провинции и Маюквайкува в Западной провинции.

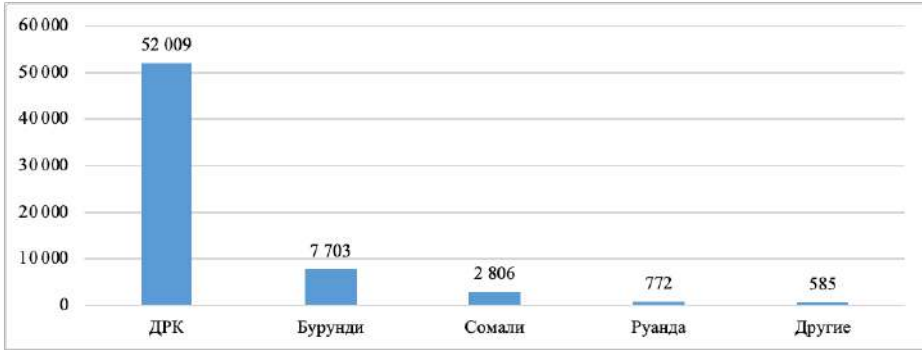

Рис. 5. Страны происхождения беженцев и соискателей убежища в Замбии в 2023 г. (человек)

Fig. 5. Countries of origin of refugees and asylum seekers in Zambia in 2023 (people)

Источник: составлено авторами по данным УВКБ ООН⁸

До сих пор Республика Замбия не сталкивалась с массовыми перемещениями населения, вызванными этническими столкновениями или вооруженными конфликтами. Однако в стране происходят экстремальные погодные-климатические явления, затрагивающие значительное число граждан и приведшие к их вынужденной миграции. В 2020 г. в Замбии более 1 тыс. человек были перемещены из-за имевших место стихийных бедствий, в 2022 г. – около 3,6 тыс. человек⁹.

Особенностью вынужденной миграции в Замбии является тот факт, что внутренне перемещенные лица становятся жертвами «проектов развития», в результате реализации которых с 2009 г. более 88 тыс. человек лишились жилья. Принудительное перемещение в стране началось в 1950-е гг., когда около 57 тыс. человек, говорящих на языке тонга, были вынуждены переехать из-за строительства плотины Карива. По прошествии шестидесяти лет эти общины продолжали испытывать проблемы с продовольственной безопасностью и снижением уровня жизни.

В последние годы инвестиции в добычу полезных ископаемых, развитие туризма, преобразования в сельском хозяйстве и промышленное развитие привели к дальнейшему перемещению людей из различных общин. Менее привилегированные люди в сельских, городских и пригородных районах наиболее уязвимы к перемещению из-за непризнанных прав на землю.

В 2009 г. 54 тыс. человек были зарегистрированы как внутренне перемещенные лица, в то время как в 2013 г. их число сократилось до 5,5 тыс. человек, а в следующем

⁸ Country Overview: Zambia / UNHCR Operation Data Portal : [site]. URL: <https://data.unhcr.org/en/country/zmb> (accessed on 28.03.2023).

⁹ Global Internal Displacement Database // Internal Displacement Monitoring Centre : [site]. URL: <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (accessed on 28.03.2023).

году вновь увеличилось до 26 тыс. человек. В 2017 г. в стране насчитывалось 2,8 тыс. вынужденных переселенцев. Организация «Human Rights Watch»¹⁰ установила, что в 2016 и 2017 гг. более 130 сельских жителей, чьи семьи много лет и поколений проживали в округе Серень в Центральной провинции Республики, были вынуждены покинуть свои места жительства. Перемещенные лица, как правило, являются мелкими фермерами, живущими в сельской местности, и переведенными в отдаленные районы. Земля передавалась покупателям и инвесторам для «проектов развития» – выращивания сои и пшеницы, добычи полезных ископаемых, инфраструктурных проектов. Перемещенные лица получают незначительную компенсацию или вообще не получают ее, что делает условия их жизни крайне сложными. Иностранцы могут инвестировать в частный сектор, но должны подтвердить инвестиции на сумму до 250 тыс. долл. США, если основать новую компанию, и до 150 тыс. долл. США, если присоединиться к существующей компании в Замбии¹¹.

Закон Республики Замбия об иммиграции и депортации 2010 г. в сочетании с Законом о беженцах 2017 г. регулирует большинство вопросов, касающихся беженцев и иммигрантов в стране.

В Замбии существует ряд организаций гражданского общества и религиозных организаций, которые работают с иммигрантами и беженцами и оказывают им помощь. УВКБ ООН в Замбии поддерживает усилия правительства по обеспечению защиты и помощи беженцам и лицам, ищущим убежища. К ним относятся безопасный и справедливый доступ на территорию, процедуры и права предоставления убежища, включение в национальные службы, самообеспечение и возможности зарабатывать на жизнь, а кроме того, долгосрочные меры, такие как интеграция в принимающую страну и возможное переселение в третьи страны.

Эмиграция из Замбии и формирование замбийской диаспоры

Потоки эмиграции усилились в период замедления роста экономики Республики с середины 1970-х гг., когда случился нефтяной кризис, а затем на мировом рынке произошло падение цен на медь. В стране выросли безработица и бедность, что привело к росту числа эмигрантов, покинувших Замбию в поисках лучших возможностей за границей. В середине 1980-х гг. эмиграция продолжилась: из страны выезжали высококвалифицированные и опытные замбийские специалисты, главным образом преподаватели и медицинский персонал (врачи и медсестры). В 1990-е гг. была зафиксирована еще одна волна эмиграции, последовавшая за потерей рабочих мест в связи с быстрой приватизацией полугосударственных предприятий и всеобщей экономической либерализацией в рамках программ структурной перестройки Замбии.

Эмиграция из страны состоит в основном из образованных людей и квалифицированных специалистов: доля эмигрантов с высшим образованием оценивается на уровне 17%. В семи государствах Европы в 2008 г. работали 1 198 замбийских медсестер, что составляло 5% от общего числа медсестер в Замбии. С 2011 по 2016 г. из Замбии в другие страны эмигрировали 322 врача и 2 376 медсестер. Основными на-

¹⁰ *Примечание:* Human Rights Watch исключена Минюстом России из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций распоряжением от 08.04.2022.

¹¹ Zambia: Commercial Farms Displace Rural Communities // Human Rights Watch : [site]. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/10/25/zambia-commercial-farms-displace-rural-communities> (accessed on 28.03.2023).

правлениями миграции замбийских работников здравоохранения на Африканском континенте являются ЮАР, Ботсвана и Намибия. Растет число медицинских работников, которые переезжают в Европу, Северную Америку и Австралию.

Результаты опроса замбийской диаспоры, проведенного в 2015 г., показали, что основная масса опрошенных замбийцев проживала в ЮАР (38%), США (21%) и Великобритании (15%). Главными причинами, по которым большинство из них покинуло страну, были поиски работы и возможности получения образования. Около 63% намеревались вернуться в Замбию в будущем. Примерно 91% замбийцев из-за рубежа отправляли денежные переводы на родину главным образом для поддержки членов семьи. Около 60% респондентов проявили интерес к внесению вклада в проекты развития в сфере образования, а 50% – в проекты развития в области здравоохранения. Опрос также продемонстрировал, что значительное число замбийцев в диаспоре заинтересовано в будущих инвестициях в сельское хозяйство, производство и туризм, 93% хотят иметь на родине доступ к земле, при этом 76% не располагали достаточной информацией о том, как получить доступ к земле в Замбии. Что касается участия в политической жизни, то было установлено, что только 8% приняли участие в голосовании из 93% тех, кто хотел бы иметь возможность проголосовать. Около 95% членов диаспоры поддержали предложение о предоставлении двойного гражданства.

Опрос представителей замбийской диаспоры, проведенный в 2019 г., констатировал, что 30% опрошенных проживали в Великобритании, 18% – в США, 14% – в ЮАР, 6% – в Ботсване, 4% – в Австралии, 3% – в Канаде, 26% – в других государствах (рис. 6).

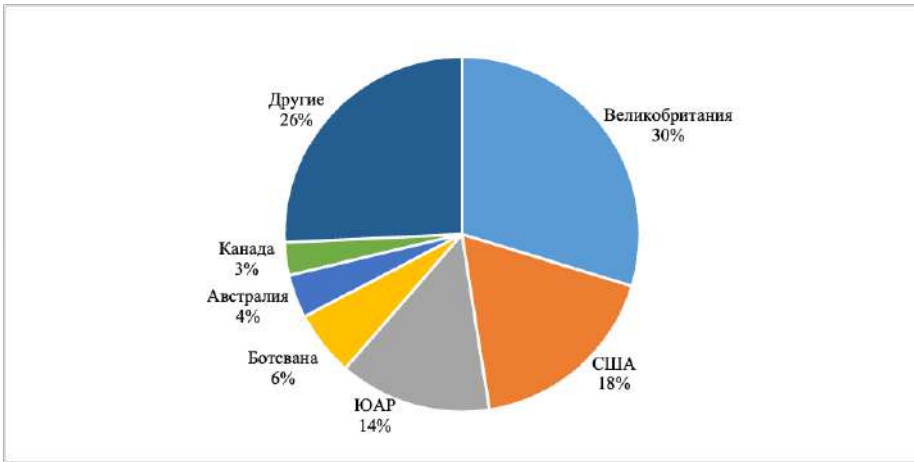

Рис. 6. Страны проживания представителей замбийской диаспоры в 2019 г. (%)

Fig. 6. Countries of residence of representatives of the Zambian diaspora in 2019 (%)

Источник: составлено авторами по данным МОМ¹²

В 2019 г. за пределами Замбии проживали 278 355 эмигрантов [6]. По данным Центрального бюро статистики, доля эмигрантов составляет 1,6% общей численности населения Республики (16 887 720 человек). К основным странам назначения замбийских эмигрантов относятся ЮАР (92,1 тыс.), Малави (43,1 тыс.), Зимбабве (30,7 тыс.), Великобритания (25 тыс.), США (24,5 тыс.), Ботсвана (13,3 тыс.), Танзания (11

¹² Migration in Zambia: a Country Profile 2019 / International Organization for Migration : [site]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_zambia.pdf (accessed on 06.04.2023).

тыс.), Австралия (7,7 тыс.) (рис. 7). Например, перепись населения Австралии 2006 г. показала увеличение на 33% числа иммигрантов, родившихся в Замбии, по сравнению с переписью 2001 г. По данным австралийской переписи населения 2006 г., в Австралии проживали 4 080 человек, родившихся в Замбии.

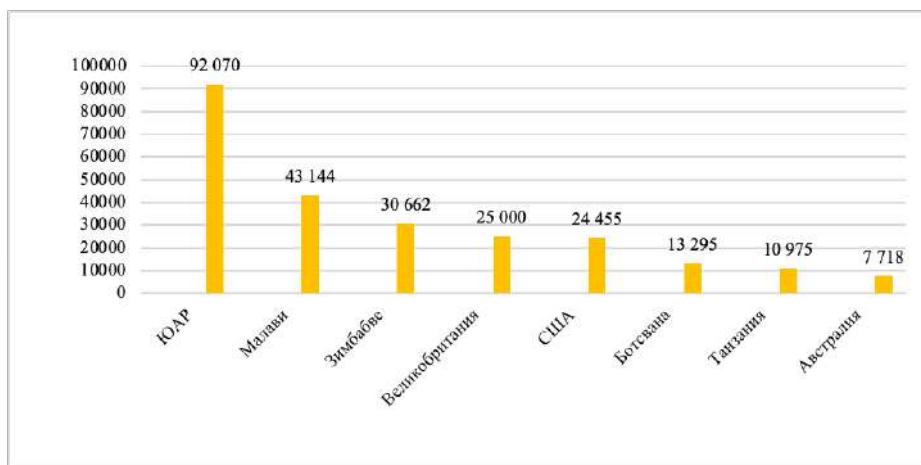

Рис. 7. Численность эмигрантов из Замбии в некоторых странах мира в 2019 г., человек

Fig. 7. The number of emigrants from Zambia in some countries in 2019, people

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка [6]

Замбийская диаспора включает студентов, предпринимателей, высококвалифицированных специалистов: художников, инженеров, журналистов, банкиров, бухгалтеров, экономистов, врачей, юристов. Таким образом, социально-политический и экономический потенциал замбийской миграции может стать потенциалом развития страны.

Взаимодействие государства с замбийской диаспорой

Правительство Замбии признает диаспору важным партнером национального развития. Однако долгое время отсутствовала система взаимодействия государства с диаспорой. Правительство страны приступило к реализации политики в отношении диаспоры в 2019 г. в рамках Плана действий по региональной политике и трудовой миграции. Политика в отношении диаспоры призвана обеспечить необходимые условия для участия трудящихся-мигрантов и замбийцев из диаспоры в развитии Республики Замбия. Был создан Фонд эмигрантов Замбии (ZADIFO) для обеспечения национальной платформы в целях политического диалога по вопросам эмигрантов и содействия осуществлению такой политики. Основными целями фонда являются не только разработка планов, направленных на поддержку и привлечение замбийских экспатов и эмигрантов, но и поощрение их вклада в социальное и экономическое развитие Замбии. Фонд сотрудничает с государственным и частным секторами для содействия в предоставлении специализированных услуг среди экспатов, таких как доступ к финансовым и инвестиционным услугам.

Значение призыва к развитию потенциала своих граждан, проживающих в диаспоре, трудно переоценить. Отметим высокий уровень навыков диаспоры, ее об-

разовательную квалификацию и другой социальный и профессиональный опыт. Большинство представителей замбийской диаспоры выразило огромный интерес к возвращению домой, чтобы там заняться как коммерческими, так и гуманитарными инвестициями. Возможности реализации этих перспектив огромны, но из-за таких барьеров, как финансовые ограничения, рабочие обязательства и общее отсутствие продуманной политики вовлечения диаспоры, они пробуксовывают. Особо подчеркнем необходимость разработки продуманной политики взаимодействия. Если не будут предприняты согласованные усилия со стороны всех заинтересованных сторон, по-прежнему будут существовать препятствия для эффективного использования существенного потенциала диаспоры и ее права участвовать в делах нации.

Способность замбийской диаспоры вносить свой вклад в национальное развитие ограничена, среди прочего, высокой стоимостью денежных переводов, отсутствием всеобъемлющего информационного портала о Замбии и отсутствием системы взаимодействия, которая позволила бы замбийцам, проживающим за рубежом, активно участвовать в развитии своей родины, включая приобретение недвижимости, частные инвестиции, благотворительные проекты и программы передачи навыков. Широкое признание роли диаспоры в развитии страны привело бы к активизации политики и программ, направленных на использование доброй воли и ресурсов эмигрантов.

Замбия признает своих граждан, проживающих в диаспоре, в качестве партнеров в процессе национального развития благодаря их богатому опыту, отправке денежных переводов, участию в инвестиционных проектах, проектах развития и экономическом росте страны.

Глобализация и достижения в области коммуникационных технологий значительно расширили возможности активного участия диаспоры в культурной, экономической, социальной и политической жизни Республики. В современных условиях именно взаимосвязь между диаспорой и социально-экономическим развитием государства становится актуальной и стимулирует внимание к данному направлению политики. Замбия отдает должное значительному финансовому вкладу диаспоры в свои семьи и общины. Другие преимущества, которые можно получить от диаспоры, включают передачу навыков и технологий, налаживание связей и инвестирование.

Политика Замбии в отношении диаспоры основана на ценностях и принципах, которые защищают социальные, экономические и культурные интересы страны. Политика также направлена на создание основы для эффективного взаимодействия между правительством и диаспорой.

К 2030 г. Республика Замбия стремится стать процветающим государством со средним уровнем дохода. Для достижения поставленных целей правительство страны руководствуется следующими принципами:

1) правительство признает, что достижение цели будет зависеть от участия всех замбийцев, включая диаспору, поэтому правительство будет поддерживать этот принцип для защиты всех заинтересованных сторон, включая диаспору, организаций гражданского общества, религиозных организаций, ассоциаций, партнеров, частного сектора и других заинтересованных групп для участия в национальном развитии;

2) правительство признает важность укрепления доверия во взаимодействии с диаспорой, необходимость содействия диалогу и взаимопониманию между диаспорой и различными заинтересованными сторонами в Замбии;

3) правительство признает необходимость равного, справедливого и всеобщего участия как мужчин, так и женщин на всех уровнях развития, поэтому правительство поддерживает принцип гендерного равенства при разработке и осуществлении политики в отношении диаспоры и стратегии взаимодействия с нею;

4) правительство признает, что прозрачная и подотчетная система управления позволяет населению в целом, включая диаспору, эффективно участвовать и вносить свой вклад в развитие нации, поэтому Замбия отстаивает принципы демократии, эффективного управления и прозрачности на протяжении всего взаимодействия с замбийской диаспорой;

5) правительство признает огромный потенциал диаспоры в плане внесения вклада в социально-экономическое развитие страны, и в рамках этой политики правительство стремится использовать данный потенциал путем создания благоприятных условий и инициатив по расширению прав и возможностей замбийской диаспоры;

6) правительство поощряет представителей диаспоры в их стремлении придерживаться принципа патриотизма и призывает улучшать имидж Замбии за рубежом.

Заключение

Теоретические подходы к изучению африканской миграции с течением времени эволюционировали. Более ранние точки зрения фокусировались на структурных факторах, таких как бедность и неравенство, в качестве основных движущих сил миграции. Более поздние подходы подчеркивали роль самих мигрантов, равно как и сложное взаимодействие социальных, экономических и политических факторов, которые формируют новые модели миграции. Изучение миграции в Африке остается динамичной и междисциплинарной областью, в которой продолжаются дебаты по поводу теоретических и методологических подходов, последствий миграции для африканских обществ и глобального сообщества в целом.

Миграция имеет значительные экономические последствия как для мигрантов, так и для сообществ, в которые они переезжают. В Замбии экономические причины являются одной из ключевых движущих сил миграции, когда люди переезжают в городские районы или другие страны в поисках лучших возможностей для трудоустройства и более высокой заработной платы. Хотя миграция может способствовать экономическому росту и развитию, она также может создавать такие проблемы, как утечка мозгов и потеря человеческого капитала.

Республика Замбия предпринимает усилия по управлению миграцией с помощью экономических и законодательных инструментов. В стране создан иммиграционный департамент для управления миграцией, кроме того, подписаны международные договоры и соглашения по миграции. Однако существуют проблемы защиты прав мигрантов, борьбы с незаконным ввозом и торговлей людьми.

Стране важно найти баланс между продвижением экономических возможностей за счет миграции и обеспечением защиты прав мигрантов. Этого можно достичь путем реализации эффективной политики и программ, направленных на решение экономических и социальных проблем миграции, обеспечение поддержки и защиты мигрантов.

Замбия может использовать потенциал миграции для стимулирования своего экономического роста и развития, одновременно содействуя социальной интеграции и правам человека.

Список литературы

1. *Benedict, O. H.* Brain Drain and African Development: Any Possible Gain from the Drain? / O. H. Benedict, W. I. Ukpere // *African Journal of Business Management*. 2012. № 6 (7). P. 2421–2428. DOI [10.5897/AJBM11.2385](https://doi.org/10.5897/AJBM11.2385).
2. *Africa and Its Global Diaspora: The Policy and Politics of Emigration* / Ed. Mangala, J. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. 370 p. ISBN 978-3-319-50053-9.
3. *Mohapatra, S.* Remittance Markets in Africa. *World Development* / S. Mohapatra, D. Ratha. Washington DC : The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank. 2011. 59 p. DOI [10.1596/978-0-8213-8475-6](https://doi.org/10.1596/978-0-8213-8475-6). ISBN 978-0-8213-8475-6.
4. *Teye, J. K.* The Impact of Migration on the Welfare of Households Left Behind in Rural Ghana: A Quasi-Experimental Impact Evaluation. Working Paper 62. November 2019 / J. K. Teye, L. Boakye-Yiadom, E. Asiedu, J. Litchfield, J. W. Appiah Kubi, M. Awumbila. Brighton : University of Sussex, School of Global Studies, 2019. 35 p.
5. *Migration and Development in Africa: Trends, Challenges, and Policy Implications (African Migration and Diaspora Series)* / ed. de S. Tonah, M. Boatema Setrana, J. A. Arthur. Maryland : Lexington Books, 2017. 210 p. ISBN 1498516831.
6. *Migration and Remittances: Recent Development and Outlook*. Migration and Development Brief 31. Washington D.C. : World Bank and KNOMAD, 2019. 42 p.
7. *Cliffe, L.* Labour Migration and Peasant Differentiation: Zambian Experiences // *The Journal of Peasant Studies*. 1978. № 5 (3). Pp. 326–346, DOI [10.1080/03066157808438051](https://doi.org/10.1080/03066157808438051).
8. *Okyerefo, P. K. M.* Internal and International Migration Dynamics in Africa / P. K. M. Okyerefo, M. B. Setrana // *Handbook of Migration and Globalisation*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2018. Pp. 281–296. ISBN 978 1 78536 750 2.
9. *Glossary on Migration*. *International Migration Law*. № 34 / ed. A. Sironi, C. Bauloz, M. Emmanuel. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2019. 248 p. ISSN 1813-2278.

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ Author ID: [77673](https://elibrary.ru/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Чимбаза Чума Грейс, магистрант, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1032195414@rudn.ru; ORCID ID: [0009-0008-3472-4599](https://orcid.org/0009-0008-3472-4599).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта по поддержке ведущих научных школ № НШ-53.2022.2.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; принята в печать 01.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

NEW MIGRATION TRENDS IN ZAMBIA**Sergey V. Ryzantsev**

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Chuma Greis Chimbaza

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032195414@rudn.ru

For citation: Ryazantsev, Sergey V. New Migration Trends in Zambia / S. V. Ryazantsev, Ch. G. Chimbaza. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 2. No 3. Pp. 92–108. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.7).

Abstract. The purpose of the study is a comprehensive analysis of key migration flows in the Republic of Zambia in recent decades. The methodological basis is an integrated approach to the study of migration processes in the context of the socio-economic development of the Republic on the basis of international and national statistics. The main research method is statistical analysis. The primary research tasks were the following: tracing general migration trends in the country; identifying trends and patterns of labor and forced migration in Zambia; establishing the features and structure of emigration; analyzing approaches to working with the diaspora in the context of the country's development in the medium term. International migration is also widespread in Zambia. On the one hand, highly qualified specialists are emigrating from the country. On the other hand, Zambia attracts refugees and labor migrants from neighboring countries. Thus, the Republic of Zambia acts as a country of origin, transit and destination for migrants from neighboring states and other regions. Migration is an integral part of the country's economy and contributes to its sustainable socio-economic development. As a result, migration should be considered not as a problem, but as an opportunity for the development of the state, society and households.

Keywords: migration; Zambia; Africa; diaspora; labor migration; emigration; forced migration; refugees.

References:

1. Benedict, O. H. Brain Drain and African Development: Any Possible Gain from the Drain? / O. H. Benedict, W. I. Ukpere. *African Journal of Business Management*. 2012. No. 6 (7). P. 2421–2428. DOI [10.5897/AJBM11.2385](https://doi.org/10.5897/AJBM11.2385).
2. *Africa and Its Global Diaspora: The Policy and Politics of Emigration* / Ed. Mangala, J. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. 370 p. ISBN 978-3-319-50053-9.
3. Mohapatra, S. *Remittance Markets in Africa. World Development* / S. Mohapatra, D. Ratha. Washington DC : The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank. 2011. 59 p. DOI [10.1596/978-0-8213-8475-6](https://doi.org/10.1596/978-0-8213-8475-6). ISBN 978-0-8213-8475-6.
4. Teye, J. K. *The Impact of Migration on the Welfare of Households Left Behind in Rural Ghana: A Quasi-Experimental Impact Evaluation*. Working Paper 62. November 2019 / J. K. Teye, L. Boakye-Yiadom, E. Asiedu, J. Litchfield, J. W. Appiah Kubi, M. Awumbila. Brighton : University of Sussex, School of Global Studies, 2019. 35 p.
5. *Migration and Development in Africa: Trends, Challenges, and Policy Implications* (African Migration and Diaspora Series) / ed. de S. Tonah, M. Boatema Setrana, J. A. Arthur. Maryland : Lexington Books, 2017. 210 p. ISBN 1498516831.
6. *Migration and Remittances: Recent Development and Outlook*. Migration and Development Brief 31. Washington D.C. : World Bank and KNOMAD, 2019. 42 p.
7. Cliffe, L. Labour Migration and Peasant Differentiation: Zambian Experiences. *The Journal of Peasant Studies*. 1978. No. 5 (3). Pp. 326–346, DOI [10.1080/03066157808438051](https://doi.org/10.1080/03066157808438051).
8. Okyerefo, P. K. M. Internal and International Migration Dynamics in Africa / P. K. M. Okyerefo, M. B. Setrana. In: *Handbook of Migration and Globalisation*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2018. Pp. 281–296. ISBN 978 1 78536 750 2.
9. *Glossary on Migration. International Migration Law. No. 34* / ed. A. Sironi, C. Bauloz, M. Emmanuel. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2019. 248 p. ISSN 1813-2278.

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI Author ID: [77673](https://www.rsci.org/author/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Chuma Greis Chimbaza, Master's Student, RUDN University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1032195414@rudn.ru; ORCID ID: [0009-0008-3472-4599](https://orcid.org/0009-0008-3472-4599).

Acknowledgments and financing:

The research was carried out with financial support from the Grants Council of the President of the Russian Federation as part of the Scientific Project for the Support of Leading Scientific Schools No. NSH-53.2022.2.

Received on 30.03.2023; accepted for publication on 01.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.8)EDN [RKXXKS](https://edn.rkxxks.com)

COVID-19 AND VIETNAM-LAOS CROSS-BORDER LABOR MIGRATION: IMPACTS AND SOLUTIONS

Tran Thi Thanh Huyen

Vietnam National University, Hanoi, Vietnam

E-mail: huyenapa2010@gmail.com

For citation: Tran Thi Thanh Huyen. COVID-19 and Vietnam-Laos Cross-Border Migration: Impacts and Solutions. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 109–118. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.8).

Abstract. *The COVID-19 pandemic has caused great harm and difficulties to workers, especially migrant laborers. The COVID-19 crisis has shown that migrants, particularly those employed through informal agencies, lost their jobs, and were not entitled to social protection policies, including labor migration from Vietnam across the Laos border to the DPR or other countries. The article is based on a survey of over 300 quantitative samples and in-depth interviews with 28 experts in order to focus on case studies of Vietnamese migrants crossing the Vietnam-Laos border in Nghe An, Ha Tinh. Thereby the study assesses the impact of the COVID-19 pandemic on migrant workers across the Vietnam-Laos border in terms of employment, income, etc. From that, some solutions are proposed to restore livelihoods and stabilize the lives of migrant workers.*

Keywords: *migration; the COVID-19 pandemic; Vietnam; Laos; social protection.*

Introduction

In 2021, with a strong outbreak of COVID-19, a large number of workers returned due to the impact of unsustainable livelihoods, causing a serious labor crisis. By the 4th quarter of 2021 and the 1st quarter of 2022, with adjustments in guidelines and policies, the labor market has changed more positively. However, the International Labor Organization (ILO) believes that the slow and uncertain labor market resilience due to the pandemic will continue to have a significant impact on the global labor market [1].

In-depth analysis in Vietnam shows that migrant workers often suffer more disadvantages than other types of workers. Migrant workers participate in both formal and informal labor force, but in multiple perspectives, informal migrant workers may not yet entitle the full benefits of promulgated social security policies, such as labor, employment, poverty alleviation, social insurance, social patronage, basic social services (healthcare, education, housing, clean water, information assessing, etc.)

During the COVID-19 pandemic, although Vietnam has accomplished outstanding achievements in disease prevention as well as in economic and social security, in the context of the global economic downturn, economic structures and global order have undergone profound adjustments and changes, inevitably having negative impacts on the economy, society in general, and people's livelihood in particular.

In 2020, the COVID-19 pandemic has caused great harm and difficulties to employees, especially migrant workers. The crisis has shown that migrants, especially those who migrate through unofficial channels, have lost their jobs, and are not entitled to social protection policies. However, evidence on the socio-economic impacts of the COVID-19 pandemic on Vietnamese workers who migrated across the Vietnam-Laos border is still fairly meager. This makes migration, especially in the context of the socio-economic impact

of the COVID-19 pandemic, inadequate. Therefore, the study of migration flows across the Vietnam-Laos border is indeed necessary.

This article focuses on the case study of Vietnamese people who migrated across the Vietnam-Laos border in Nghe An, Ha Tinh, to assess the impact of COVID-19 on migrant workers across the Vietnam-Laos border on employment, income, etc.

Research methods

The article uses sociological investigation methods and in-depth interviews. In addition, secondary data analysis methods are also used, including: reports, research reports, statistics on migrants crossing the Vietnam-Laos border, documents and policies related to migration across the Vietnam-Laos border, etc.

The article studies 300 samples surveyed by questionnaires of migrants crossing the Vietnam-Laos border who have returned to Vietnam since March 2020 in Nghe An and Ha Tinh, aged from 20 to over 60, of which female accounted for 32.7%, and male for 67.3% (Fig. 1).

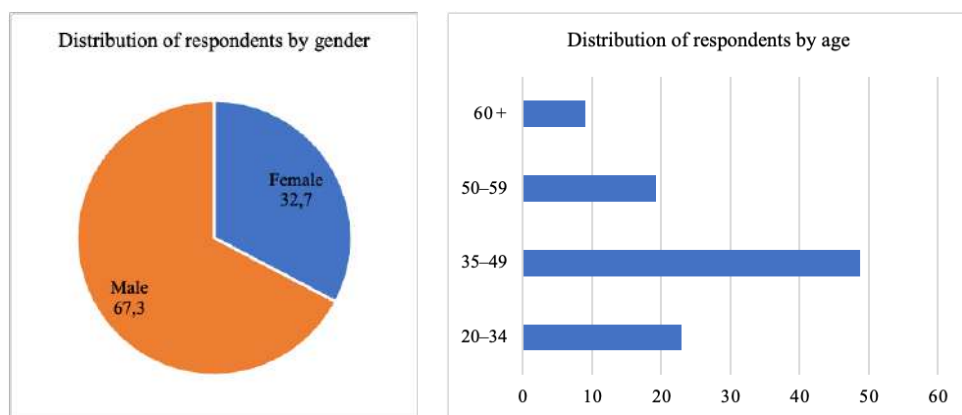

Fig. 1. Gender and age distribution of migrants crossing the Vietnam-Laos border (%)
 Source: compiled by the author

At the same time, 28 people were interviewed as representatives of agencies, departments, and returned migrants crossing Vietnam and Laos border (Table 1).

Table 1

Characteristics of respondents

Respondents	Nghe An	Ha Tinh
Representative of provincial agencies, including	3	2
Public security	1	1
Job Center	1	-
Department of Labour, War Invalids and Social Affairs	1	1
Women's Union	-	1
Representatives of commune-level agencies, including	4	2
Commune Public Security	2	1
Commune leaders	2	1
Returned migrants crossing the Vietnam-Laos border	8	8

Source: compiled by the author

Research areas

The survey was conducted in six communes in Dien Chau, Nghe An, and Can Loc districts, Ha Tinh province (Dien Hong, Dien Thap, Dien Xuan communes of Dien Chau district, Nghe An; My Loc, Xuan Loc, Son Loc communes of Can Loc district, Ha Tinh). This is an area close to the Vietnam-Laos border, particularly the distance from Dien Chau to Cau Treo – Ha Tinh international border gate – is 133 km to Bolikhamsai province of Laos. From Dien Chau to Cha lo – Quang Binh international border gate – is about 230 km to Khammuane province of Laos. From Dien Chau to Nam Can – Nghe An border gate is about 220 km to Xieng Khouang of Laos. The distance from Can Loc to Cau Treo – Ha Tinh international border gate is 83 km to Bolikhamsai province of Laos. From Can Loc to Cha lo – Quang Binh international border gate – is about 130 km to Khammuane province of Laos, continue about 170 km to Nakhon Phanom (Thailand).

Impact of COVID-19 on migrant workers across the Vietnam-Laos border

At present, international migration is considered as one of the global issues with great influence and challenges to international relations as well as the development of individuals and countries.

Migration, both within and across borders, is common in the Asia-Pacific region. Asia is the region of origin for 40% of the world's international migrants (111 million), 66 million of whom live in other Asian countries [2]. From 1990 to 2017, the largest number of migrants to Laos was from Vietnam, followed by China and Cambodia.

The flow of migration from Vietnam across the Vietnam-Laos border to Laos or Thailand and other countries is a historical issue and has been on for a long time. This tendency is increasing, especially as Vietnam, Laos, and Thailand integrate more and more deeply in the region. Since the establishment of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), regional cooperation has promoted investment, free trade, and travel among member nations. Many major initiatives and labor cooperation agreements in the region have been implemented, including the ASEAN Framework Agreement on visa exemption for citizens of ASEAN countries. The Mekong sub-regional labor migration program, and the ASEAN Economic Community Integration Plan have protected and created conditions for migrant workers in the region, including Vietnamese workers who have migrated across the Vietnam-Laos border.

In the 21st century, Vietnamese people come to Laos mainly for economic reasons, for trading as a most popular reason. According to the Report of the Association of Vietnamese Investors in Laos (AVIL) in 2016, there are about 13,000 Vietnamese workers in Laos, serving in such industries as hydropower, construction, forest products, rubber, and coffee plantations, among others. The number of Vietnamese people going to Laos tends to increase. According to the statistics by the United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), an estimated 20,076 Vietnamese people migrated to Laos in 2019. In recent years, according to a representative of the Department of Labor, Invalids and Social Affairs, before the COVID-19 pandemic, the number of people going to Laos and Thailand from Ha Tinh was over 10,000 people a year [3].

Among the political, economic, and social factors that motivate Vietnamese to migrate across the border to Laos or through Laos to Thailand and other countries, economic factors such as low income, poverty, lack of employment, etc. and livelihoods are the main motivation of people's decision to migrate. The disparities in living standards, employment opportunities and higher incomes in Laos, Thailand, and neighbor countries in the region such as Malaysia push people in the border areas of Vietnam to migrate in search of work

abroad, even if those are temporary jobs.

Migration flows from Vietnam to Thailand have continued for hundreds of years, including labor migration and study migration, in which labor migration predominates due to the proximity of the two countries. Regarding the reasons for migration, the main motivation for Vietnamese to migrate to Thailand is to have higher incomes and better living standards.

The majority of Vietnamese workers go to Laos and Thailand in the form of visa-free travel between the two countries and then find a way to stay and find work, mainly doing common jobs such as serving at restaurants, selling goods, doing housework or small business. As unauthorized employment, working conditions and workers' rights are not guaranteed and are vulnerable to risks.

According to estimates of Thai authorities, the number of Vietnamese people currently working in Thailand is tens of thousands of people. The April 2020 review of overseas workers by the Department of Labor, Invalids and Social Affairs of Ha Tinh province shows that Ha Tinh province has 5,999 people working in Thailand and 1,617 people working in Laos. According to the Department of Labor, War Invalids and Social Affairs of Nghe An province in 2017, the number of workers without contracts under the provisions of the Law on Vietnamese Laborers working abroad in Laos is 5,693, in Thailand is 564 [4, 5].

According to a representative of the department of labor of Nghe An province which is the agency responsible for state management of laborers working abroad, the management of migrant workers across the Vietnam-Laos border has not been implemented yet because "The Department of Labor, War Invalids and Social Affairs (DOLISA) only manage laborers to work abroad under contract. Labor crossing the Vietnam-Laos border who is not in the form of Vietnamese workers working abroad under contracts (according to section 5 of Law 69), because workers migrate freely to the border by passports. The management of this group of workers is also difficult because they migrate seasonally and travel frequently; The Vietnam-Laos border is long and spread out". Agreeing with the Nghe An DOLISA officers, a representative of Ha Tinh DOLISA also said that "The basic motivation of cross-border migrants is to do business and earn income, so they find ways to go. Uncontrolled. They move from one place to another. Some people from other places sneaked out across the border. They went without reporting or asking for local permission. They did not report even when returning, causing difficulties in the management of free migrant workers".

In the field of population management, a representative of the public security in Ha Tinh – the agency responsible for population management – also said that the management of migrant workers across the Vietnam-Laos border has not been fully implemented: "It is estimated that in 2019, Ha Tinh province has 170,000 turns of people to Laos; in 2020 the number of turns is 83,000; and in 2021, there are more than 60,000 turns of people, mainly drivers to freight transport. Currently, there are few citizens going to Laos due to the COVID-19 epidemic. It is unable to manage seasonal workers in Laos and China, because it is easy to travel between provinces of the two countries, they only need ID cards, certificates of district/commune authorities, etc., so it is difficult to unify accurate list".

Impacts of the COVID pandemic on the livelihood of migrant workers across the Vietnam-Laos border

On January 23, 2020, Vietnam recorded its first case of COVID-19. From March 22, 2020, Vietnam has temporarily suspended entry of foreigners, and at the same time required the returning Vietnamese to be quarantined for 14 days. From April 1, 2020, Vietnam also implemented social distancing for 15 days.

During the outbreak of the COVID-19 pandemic, the Government of Lao PDR decided to issue a nationwide closure measure for about 3–5 months depending on the outbreak, including the closure of schools and entertainment locations. The Thai government has taken emergency measures at the national level to prevent the spread of the disease by restricting international commercial flights into Thailand, banning people from traveling between provinces in Thailand, closing sales areas, public business places, schools (except for international schools), limiting mass gatherings. Measures to combat COVID-19 in countries during this period had a significant influence on migration flows across the Vietnam-Laos border.

Impact in finance and employment

The preventive measures against COVID-19 by the governments of Laos and Thailand have had a negative impact on workers in all fields, in which employees working in the fields of business, tourism, restaurants, hotels, and construction are the most affected occupation groups. These are also the areas where the majority of Vietnamese migrant workers work.

34.7% of migrants said the reason they returned to Vietnam was that their work was affected by the pandemic, of which 27.7% said their work was not as they expected – lost jobs, reduced incomes; 4% of migrants could not find a job; 3.3% of people lost their job, and 4.7% of migrants were asked to return by their employer because of the impact of the COVID-19 pandemic (Fig. 2). Before the pandemic (April 2020), there were about 40,000–50,000 Vietnamese freelance workers in Thailand. But since the outbreak, it is estimated that at least 10,000–15,000 workers have returned home due to lack of work, loss of income, and fear of the COVID-19 infection. Many people got stuck due to exceedingly difficult circumstances¹.

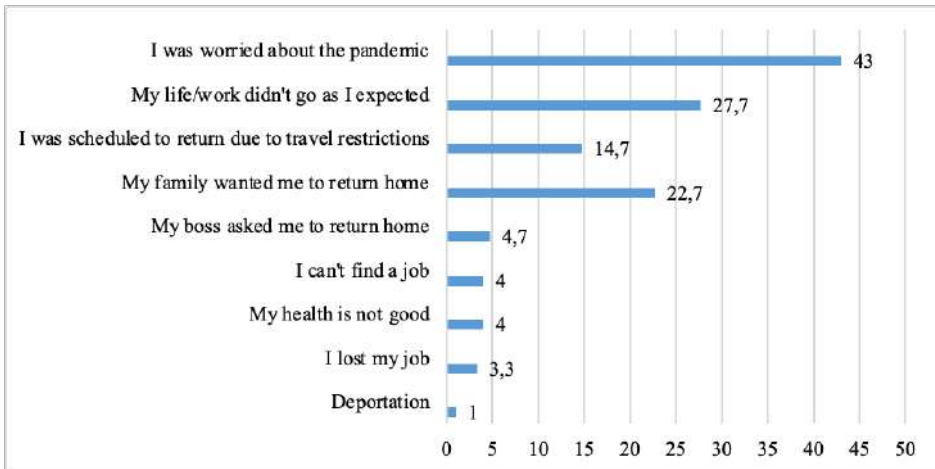

Fig. 2. Reasons to return to Vietnam (%)

Source: compiled by the author

While being abroad, migrants' incomes have been reduced or absent due to the impact of the pandemic. When returning home, migrants continue to fall into being unemployed

¹ Vietnamese workers in Thailand: vaccination is still low because... unemployment [Lao động Việt ở Thái Lan: tiêm vắc xin rồi vẫn thấp thòem vì... thất nghiệp] // Tuổi Trẻ Online : [site]. URL: <https://tuoitre.vn/lao-dong-viet-o-thai-lan-tiem-vac-xin-roi-van-thap-thom-vi-that-nghiep-20210816224337136.htm> (accessed on 01.11. 2022).

with no income. In addition, some businesses and traders are still in debt or cannot get their money back. Due to the effect of the epidemic, there are significant debts and loans. Therefore, they are forced to face financial hardship.

The proportion of migrants reporting difficulties in accessing jobs is equivalent to the proportion of those who report that their current status is underemployment (37%) or unemployed (4.7%). Only 26.7% of those who returned home are currently in full employment (Fig. 3).

In fact, since returning to Vietnam, some migrants have been waiting for the reopening of the Vietnam-Laos border to be able to return to work. They think that the job they are doing in Laos and Thailand is suitable for them, so they do not look for other work in the locality where they live. 25% of people said they are not currently working, 6.7% choose to do housework for the family.

In terms of gender, the most concerning issue is that women have a lower rate of full employment than men (19.4% versus 30.2%). The percentage of females doing housework is significantly higher than that of male workers (16.3% versus 2%) (Fig. 3).

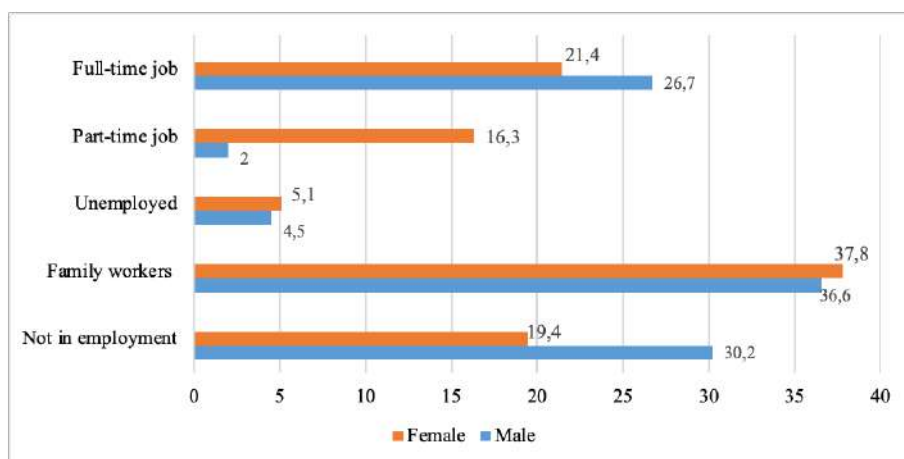

Fig. 3. Current employment status of returning migrants crossing the Vietnam-Laos border, by gender (%)

Source: compiled by the author

As for the group employed, the majority of them work in the informal sector (self-employed – 58.1% or 26.7% of wage earners). The rate of working for the private sector and receiving a monthly salary is 15.2%. There are no cases of working for the state and receiving a monthly salary. Women have a significantly higher rate of self-employment than men (85.7% versus 46.7%) while men have a higher share of daily or monthly wage employment. The percentage of men working for daily wages is 34.8% (compared to 7.1% of women). Whereas the percentage of men working for monthly wages is 18.5% (with 7.1% of women).

Common types of work are farming (42.9%), and construction (30.9%). The division of occupations by gender is quite clear. Women tend to work in agriculture and small businesses more while men work in construction, transportation, etc.

Impact in social security

In fact, there are no specific support programs for returning migrants in localities. However, they still have access to the same general social services available as people in the

community. The obtained information shows that there have been no cases of difficulties in accessing social services such as clean water, housing, education. Representatives of commune authorities at the survey sites said that they have created favorable conditions for migrants to return with licensing business and blue-collar workers; facilitate for school-age children to be granted health insurance cards.

The percentage of people who reported having difficulty accessing social services was very low. According to the research results obtained, only three people aged 50 and over reported having difficulty in accessing health care (two men and one woman). Only one person reported struggling to access mental health support (male, 50–59 years old). In addition, there are also people who have difficulty accessing loans for business.

98% of migrants have been fully vaccinated against COVID-19, of which 79% have received two regular doses and one or two booster shots, and 19% have received two regular doses. The rate that has not received any injections is only 1%.

However, migrants also face difficulties in accessing support services to return to Vietnam. Support services in other countries for migrants to return to Vietnam are almost nonexistent. The percentage of migrants receiving support to return is very low. In which, 1.3% of migrants to Laos are provided with personal protective equipment when returning; 4% of migrants receive information on health and safety when returning to Vietnam; 3.7% of migrants received administrative and logistical support when returning to Vietnam (3.4% of migrants to Laos and 4.5% to Thai); 5.1% of migrants receive legal assistance on their return.

In Vietnam, when migrants return, according to information from representatives of local authorities, the communes prepare before-hand medical care services and isolation areas to receive returning migrants. Support for returning migrants includes the following measures: “returning migrants can enter the isolation area with 100% free accommodation and food expenses; migrants are tested and vaccinated with adequate doses of disease prevention; supported according to provincial policy for people affected by the COVID-19 pandemic” (according to an in-depth interview with representative of commune local government in Dien Chau, Nghe An).

Logistic and the COVID-19 testing support upon returning to Vietnam has also been recognized by migrants. In addition, returning migrants reported receiving food support from the community during the quarantine period at home, such as rice, food, vegetables, etc. However, there was also a small number of migrants who did not receive this support.

“From September 2020, returning workers will have to pay for testing fees and fees at the isolation area, the test fee is 700 000 VND per person, the food and 15 days stay expenses in the concentrated isolation area are also quite a lot” (according to a Thailand emigrant in Ha Tinh). This may depend on different local support and vary from time to time.

Solutions and conclusions

Along with the guidelines and policies for socio-economic recovery after the COVID-19 pandemic, Vietnamese Party and State have policies towards migrant workers. However, the COVID-19 pandemic has caused great effects and difficulties for workers, especially migrant workers who make a more vulnerable group. Therefore, it is necessary to implement synchronous solutions to support the life of migrant workers.

Firstly, abroad, it is necessary to further strengthen the responsibility of Vietnam's diplomatic missions abroad to effectively protect the lawful rights and interests of overseas Vietnamese, including migrants who come to work undocumented. In the country, information on migrant workers without contracts should be included in the

national labor database. At the same time, it is essential to connect this database with the national database of the population to have a common database conveniently for data management and sharing among stakeholders. In addition, regarding support solutions, in order to minimize the risks that migrants may face, governmental bodies should run activities to provide information on migrants' rights and obligations, common risks, and implement guiding on the necessary procedures to obtain legal documents for migrants. Strengthening exchange activities is crucial to promote labor cooperation between Vietnam and countries in the region, proposing to expand occupations for Vietnamese workers in Laos and Thailand, especially in the services sector in order to expand legal employment opportunities of migrants.

Secondly, to ensure the lives of returning migrants and support them to maximize the benefits derived from migration there is a need for solutions to connect jobs, and assist returnees to develop economy in their locality, as well as employment-oriented programs and start-up projects effectively using the money obtained during migration. And all this needs to be concerned with building a long-term strategy for socio-economic development, creating on-the-spot jobs for local workers to minimize spontaneous migration for the purpose of finding work.

Thirdly, mobilizing the community's cooperation in disease prevention is a great success of the Party and State of Vietnam. In the context of unstable labor and employment after the pandemic when many social problems arise, it is necessary to further promote the strength of the community as well as specific regulations so that organizations and individuals operate in accordance with charters, and laws.

Cross-border migration is the most complex and diverse type of migration in terms of employment, residence period, number of trips per year, and migration purpose. For many years, Laos was a transit country for people looking for work in Thailand or other countries in the region. Migrants moving across the Vietnam-Laos border can be faced with dangerous, unsafe situations, and not protected by law. Vietnam has great opportunities for expanding ASEAN job market. However, in order to protect the rights and wellbeing of employees, the authorities need to further develop labor management measures and the workers themselves need to enhance their legal knowledge and implement the regulations and laws of both their origin and destination countries.

References

1. *Report on the impact of the COVID-19 epidemic on the employment situation in the first quarter of 2022 [Báo cáo tác động của dịch COVID-19 đến tình hình lao động việc làm Quý 1 năm 2022]*. Hanoi : General Statistics Office [Tổng cục Thống kê], 2022. 19 p. (In Viet.).
2. *Safe Migration in Central Asia. Annual Report / United States Agency for International Development*. Washington : USAID, 2020. 109 p.
3. *An Analysis of Migration Trends of Lao Migrants for Lao People's Democratic Republic in Two Selected Provinces: Savannakhet and Xayaboury / International Organization for Migration*. Vientiane : IOM, 2021. 80 p. ISBN 978-92-9268-057-2.
4. *Report on review of citizens working abroad [Báo cáo rà soát công dân lao động ở nước ngoài] / Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs [Sở Lao động, Thương Binh, Xã hội]*. Nghe An, 2017. (In Viet.).
5. *Report on review of citizens working abroad [Báo cáo rà soát công dân lao động ở nước ngoài] / Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs [Sở Lao động, Thương Binh, Xã hội]*. Hà Tĩnh, 2020. (In Viet.).
6. Nguyen, Tuan Anh. Labor Migration Flows from Vietnam to Thailand in the Context of ASEAN Regional Integration. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 2 (25). P. 275–282. DOI [10.22363/2313-2329-](https://doi.org/10.22363/2313-2329-)

[2017-25-2-275-282.](#)

7. Srikham, W. Transnational Labor in the Greater Mekong Sub-region: Vietnamese Migrant Workers in Thailand and the Lao PDR. *International Journal of Humanities & Social Science*. 2012. Vol. 2 (24). P. 294–298.

8. *Report on socio-economic situation in the first 8 months of 2020 [Báo cáo tình hình kinh tế xã hội 8 tháng đầu năm 2020]*. Hanoi : General Statistics Office [Tổng cục Thống kê], 2020. 20 p. (In Viet.).

9. *According to the Report on Labor and Employment in the second quarter and the first six months of 2022 [Theo Báo cáo Tình hình Lao động việc làm quý II và sáu tháng đầu năm 2022]*. Hanoi : General Statistics Office [Tổng cục Thống kê], 2022. (In Viet.).

Bio note:

Tran Thi Thanh Huyen, PhD, Lecturer, University of Languages and International Studies, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: huyenapa2010@gmail.com; ORCID ID: [0009-0006-6028-9813](https://orcid.org/0009-0006-6028-9813).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR and VASS, project No. 21-511-92001 “Peculiarities of adaptation and economic behavior of Russian-speaking migrants in South-East Asian countries”.

Received on 20.03.2023; accepted for publication on 19.05.2023.

The author had read and approved the final manuscript.

COVID-19 И ТРАНСГРАНИЧНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ ВЬЕТНАМОМ И ЛАОСОМ: ПОСЛЕДСТВИЯ И РЕШЕНИЯ

Чан Тхи Тхань Хуен

Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: huyenapa2010@gmail.com

Для цитирования: Чан Тхи Тхань Хуен. COVID-19 и трансграничная трудовая миграция между Вьетнамом и Лаосом: последствия и решения // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 109–118. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.8). EDN [XXXXX](https://www.edn.ru/XXXXX).

Аннотация. Пандемия COVID-19 причинила огромный ущерб и создала многочисленные затруднения для работников, прежде всего для работников-мигрантов. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, показал, что многие мигранты – особенно те из них, кто был трудоустроен через неофициальные агентства, – потеряли работу и не подпадали под действие мер социальной защиты. Это коснулось и трудовых мигрантов из Вьетнама, направляющихся через границу с Лаосом в эту республику или третьи страны. Статья основана на анализе результатов социологического опроса по выборке, составившей более 300 респондентов, а также 28 глубинных интервью с экспертами, что позволило сосредоточиться на изучении конкретных случаев вьетнамских рабочих, пересекавших границу с Лаосом в Нгэане, провинции Хатинь. Таким образом оценивалось влияние пандемии COVID-19 на трудовых мигрантов, переправлявшихся через вьетнамско-лаосскую границу, с точки зрения их занятости, дохода и т. д. Исходя из этого, в статье предложены некоторые рекомендации для восстановления источников средств к существованию и стабилизации уровня жизни трудящихся-мигрантов.

Ключевые слова: миграция; пандемия COVID-19; Вьетнам; Лаос; социальная защита.

Сведения об авторе:

Чан Тхи Тхань Хуен, доктор наук, преподаватель, Университет языков и международных исследований, Вьетнамский национальный университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: huyenapa2010@gmail.com; ORCID ID: [0009-0006-6028-9813](https://orcid.org/0009-0006-6028-9813).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-511-92001 «Особенности адаптации и экономического поведения русскоговорящих мигрантов в странах Юго-Восточной Азии».

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; принята в печать 19.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9)

EDN [SRTAKJ](https://edn.srtakj.ru/SRTAKJ)

ВЬЕТНАМСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ: ИММИГРАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

До Хыонг Лан

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: dhlan6576@yahoo.com

Для цитирования: Храмова, М. Н. Вьетнамские предприниматели в России: иммиграция, проблемы ведения бизнеса и перспективы сотрудничества / М. Н. Храмова, До Хыонг Лан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 119–133. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9). EDN [SRTAKJ](https://edn.srtakj.ru/SRTAKJ).

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности вьетнамской иммиграции в Российскую Федерацию. В частности, даются оценки численности граждан Вьетнама, проживающих в России, их расселение по регионам, ключевые сферы занятости. Результаты, полученные в работе, основываются на официальных данных, публикуемых Росстатом, Главным управлением по вопросам миграции МВД России, а также некоторых данных, полученных в ходе опросов, проведенных авторами статьи. Можно утверждать, что несмотря на наличие соглашения о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве» между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, потенциал вьетнамской миграции остается недооцененным. В структуре миграционных потоков из Вьетнама в Россию преобладает трудовая и образовательная миграция. Однако Россия в последние годы утратила часть своих преимуществ, сформировавшихся еще в период Советского Союза. В частности, вьетнамские мигранты все больше ориентируются на другие страны. Среди них выделяются страны АСЕАН, США, страны Европы. Основными барьерами для реализации миграционного потенциала Вьетнама в отношении России являются сохранение асимметричного визового режима, снижение конкурентоспособности российских заработных плат, высокие бюрократические барьеры для вхождения вьетнамского бизнеса в российские регионы. Дополнительными факторами риска остаются геополитическая напряженность и волатильность курса рубля. Тем не менее интерес со стороны вьетнамских предпринимателей к ведению бизнеса в России сохраняется. Возможности для расширения российско-вьетнамских миграционных связей могут лежать в плоскости реализации Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом, ратифицированного в октябре 2016 г.

Ключевые слова: Вьетнам; Россия; вьетнамская иммиграция в Россию; вьетнамский бизнес; российско-вьетнамское сотрудничество; вьетнамские инвестиции в Россию; Ассоциация вьетнамских бизнесменов в России; миграционный режим между Вьетнамом и Россией.

Введение

В 2020 г. Россия и Вьетнам отметили 70-летие установления дипломатических отношений. В настоящее время для России Вьетнам среди стран АСЕАН продолжает играть особое значение. Исторически сложившиеся дружественные отношения подкреплены более чем восьмьюдесятью договорами и соглашениями в самых разных сферах. Именно с Социалистической Республикой Вьетнам у Российской Федерации заключено соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве¹. К 2021 г. товарооборот между нашими странами достиг 7,13 млрд долл. США, а к 2025 г. должен достигнуть значения 10 млрд долл. США². Об этом в ходе 24-го заседания Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству заявил заместитель председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко. В ближайшей перспективе планируется наращивать сотрудничество в таких сферах, как энергетика, сельское хозяйство, финансы, транспорт, цифровизация. В области образовательного сотрудничества Российская Федерация сохраняет одну из самых высоких квот на обучение вьетнамских студентов среди стран дальнего зарубежья. В планах также усиление взаимного туристического потока.

В настоящее время наиболее успешными с точки зрения реализации можно признать проекты в энергетической сфере и разработке месторождений. Так, совместное предприятие «Вьетсовпетро» обеспечивает около трети объемов добычи нефти во Вьетнаме.

Дополнительным стимулом к развитию российско-вьетнамских отношений стало подписание Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом, ратифицированное 5 октября 2016 г.³ Вьетнам переживает период бурного экономического роста. Среди стран АСЕАН он занимает третье место, и сохранил положительные темпы роста даже в период пандемии коронавирусной инфекции. В течение нескольких последних Восточных экономических форумов (ВЭФ), проходящих во Владивостоке, вьетнамский бизнес уже не раз заявлял свою заинтересованность в инвестиционном сотрудничестве с несколькими российскими регионами. Это и регионы Дальнего Востока, и регионы Центральной России. В средствах массовой информации можно найти большое количество публикаций, посвященных тематике вхождения вьетнамского бизнеса в развитие тех или иных отраслей российской экономики и планируемых в ближайшей перспективе инвестициях. Однако фактическая реализация многих совместных инициатив сталкивается с целым рядом ограничивающих факторов. Чаще всего представители вьетнамского бизнеса указывают на наличие бюрократических барьеров, которые

¹ Российско-вьетнамские отношения. Интервью Посла России во Вьетнаме Г. С. Бездетко для годового выпуска журнала «Окно в АТР» (декабрь 2021 г.) // Посольство Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам : [сайт]. URL: https://vietnam.mid.ru/ru/rossiysko_vetnamskie_otnosheniya/ (дата обращения: 22.03.2023).

² К 2025 году товарооборот между Россией и Вьетнамом должен достигнуть 10 млрд долларов // Правительство России : [сайт]. 06.04.2023. URL: <http://government.ru/news/48169/> (дата обращения: 05.05.2023).

³ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 года (ратифицировано Федеральным законом от 01.05.2016 № 120-ФЗ, вступило в силу 5 октября 2016 года) // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201610110001> (дата обращения: 01.04.2023).

значительно усложняют и удлиняют по времени введение в действие тех или иных проектов. В последние полтора года к числу таких факторов стоит отнести также геополитическую напряженность и риски попасть под вторичные санкции. В нашем исследовании мы рассмотрим барьеры и потенциал для реализации вьетнамской предпринимательской активности в регионах Российской Федерации.

Данные и методы исследования

Исследование основано на статистическом анализе эмпирических данных, опубликованных в российских и вьетнамских официальных статистических сборниках. В частности, для оценки численности граждан Вьетнама, проживающих в России, мы обращаемся к отдельным результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. Нами используются и некоторые данные статистических бюллетеней «Численность и миграция населения Российской Федерации» за 2019–2022 гг., данные Главного управления по вопросам миграции МВД России о постановке на миграционный учет граждан Вьетнама в разрезе целей въезда и вступления в гражданство РФ. Для оценки потенциала развития малого и среднего вьетнамского бизнеса в регионах России мы дополнительно привлекаем результаты нескольких опросов, проведенных в течение последних лет. Контент-анализ средств массовой информации позволяет выделить представленность и наиболее перспективные пути развития вьетнамского бизнеса в России и востребованность вьетнамских товаров и услуг у населения РФ.

Отметим, что статистика по вьетнамской миграции в России является далеко не полной, поэтому приведенные ниже оценки численности граждан СРВ на территории РФ можно считать лишь нижней границей. Информация о занятости вьетнамских трудовых мигрантов в России также весьма ограничена. Вьетнамский статистический офис не ведет учет выезда вьетнамских мигрантов в конкретные регионы России. Однако анализ процессов межрегиональной и международной миграции во Вьетнаме указывает на то, что трудовая миграция из СРВ в РФ в большей степени происходит из северных провинций Вьетнама (см., напр., [1]). Перечисленные обстоятельства, безусловно, накладывают ограничения на проведение исчерпывающего анализа вьетнамской миграции в Россию, но, тем не менее, сопоставление различных источников и материалов опросов позволяют сделать несколько обоснованных выводов.

Вьетнамские мигранты в России: цели въезда, оценки численности, особенности расселения в регионах

За постсоветский период численность вьетнамцев, проживающих в России, заметно снизилась. Этому способствовало стечение нескольких пролонгированных во времени обстоятельств. Среди них, прежде всего, причины экономического характера: волатильность курса рубля, относительно невысокий уровень оплаты труда по сравнению с некоторыми европейскими странами. Определенный «вклад» в снижение миграционной привлекательности Российской Федерации для вьетнамских мигрантов вносит и наличие асимметричного визового режима⁴. При этом Вьетнам в регионе АСЕАН остается страной с растущим населением, а потому международная миграция является для страны важным фактором экономического развития и сни-

⁴ Визовые вопросы // Посольство Российской Федерации в Социалистической Республике Вьетнам : [сайт]. URL: https://vietnam.mid.ru/ru/consular-services/vizovye_voprosy/ (дата обращения: 01.04.2023).

жения напряженности на внутреннем рынке труда.

Стимулирование внешней трудовой миграции вьетнамцев за рубеж – это один из элементов внешней политики СРВ [2; 3]. Такая политика направлена на интеграцию Вьетнама в мировую экономическую систему и должна способствовать усилению культурного обмена Вьетнама с другими странами. Например, итоги исследования, проведенного Международной организацией по миграции (МОМ) во Вьетнаме в 2016 г., указывают на то, что свыше 500 тыс. трудовых мигрантов из Вьетнама работали более чем в 40 странах мира [4].

На сегодняшний день между Вьетнамом и основными странами – импортерами рабочей силы подписан ряд межгосударственных соглашений, в рамках которых осуществляется организованный выезд вьетнамских рабочих. Трудовая миграция из Вьетнама происходит и вне этого канала, на индивидуальной основе. Главные государства – импортеры сосредоточены в самом регионе АСЕАН, значительны потоки трудовой миграции и в Тайвань, Японию, Южную Корею. В период до пандемии коронавирусной инфекции мы могли наблюдать ежегодный рост масштабов трудовой миграции из Вьетнама. Так, например, Вьетнамская ассоциация кадрового обеспечения (Vietnam Association of Manpower Supply, VAMAS) приводит следующие цифры: в 2019 г. на работу за границу через официальные каналы выехали 155,2 тыс. вьетнамских рабочих, что на 6,67% больше, чем годом ранее. На долю России в рамках соглашений с принимающими предприятиями пришлось лишь 150 человек⁵. Столь низкие значения объясняются тем, что в Россию вьетнамские трудовые мигранты приезжают в подавляющем большинстве случаев через индивидуальные каналы, минуя специализированные компании по найму рабочей силы в зарубежные страны.

По данным Отдела народонаселения Департамента экономических и общественных отношений ООН, к 2020 г. в России проживало примерно 13,7 тыс. вьетнамцев. По сравнению с 1990 г. падение составило практически 2,5 раза. Некоторые оценки численности вьетнамцев в РФ, по данным ООН, приведены в табл. 1. Видно, что после 2010 г. сокращение численности вьетнамцев в России фактически не происходит. В структуре вьетнамской иммиграции преобладают мужчины, на долю женщин приходится чуть менее 40% от общей численности. Динамика возрастных профилей вьетнамских иммигрантов в России показывает, что постепенно увеличивается доля вьетнамцев в старших возрастах. Это может указывать на то, что есть довольно многочисленная группа вьетнамцев, которые в России проживают уже длительное время. Как правило, для таких вьетнамцев характерно хорошее владение русским языком. Многие имеют свой малый или средний бизнес. Об этом более детально речь пойдет ниже.

Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020), прошедшей из-за пандемии COVID-19 в 2021 г., дают иные оценки численности вьетнамцев в России. В табл. 2, в частности, приведено возрастное распределение вьетнамцев по федеральным округам РФ. Согласно данным последней переписи населения, численность граждан СРВ оценивается в 3 155 человек, среди них около 94% – в трудоспособных возрастах. Наибольшее количество приходится на регионы Центрального федерального округа – 1809 человек, на втором месте Северо-Западный, и на третьем – Даль-

⁵ Обзор вьетнамского рынка труда в 2019 году [Tổng quan thị trường tiếp nhận lao động Việt Nam năm 2019] // Вьетнамская ассоциация экспорта рабочей силы [Hiệp hội Xuất khẩu lao động Việt Nam] : [сайт]. 20.01.2021. URL: <http://vamas.com.vn/mobile/mdetail.aspx?id=44783> (дата обращения: 22.03.2023).

невосточный федеральный округ. В то же время национальность «вьетнамец» (вьетнагой, вьетконговцы, кинь, тай, тхо, тхьонги, чуру) указали 7 918 человек, среди них мужчин 4 749 и 3 169 женщин. Назвали родным языком вьетнамский в общей сложности 7 316 человек.

Таблица 1

Численность вьетнамцев, проживающих в России, по данным ООН (человек)

Table 1

The number of Vietnamese living in Russia, according to the UN (people)

Годы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Всего	32 251	28 489	23 695	18 748	13 416	13 671	13 662
<i>В том числе:</i>							
Мужчин	15 826	16 574	16 725	12 700	8 418	8 553	8 549
Женщин	16 425	11 915	6 970	6 048	4 998	5 118	5 113

Источник: составлено авторами по данным UN DESA⁶

Таблица 2

Численность граждан Вьетнама, проживающих в Российской Федерации, по данным переписи 2020 г. в разрезе федеральных округов (человек)

Table 2

Number of Vietnamese citizens living in the Russian Federation, according to the 2020 census, by federal districts (persons)

Федеральный округ РФ	Всего	В том числе в возрасте (лет)									
		0-14	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-59	60+
Центральный	1 809	79	132	436	237	209	186	147	141	214	28
Северо-Западный	363	8	23	224	46	18	12	8	4	18	2
Южный	102	1	7	63	8	3	4	-	1	12	3
Северо-Кавказский	30	4	-	4	3	9	5	2	2	1	0
Приволжский	273	24	17	60	25	19	31	20	28	40	9
Уральский	127	17	10	23	17	11	13	6	8	20	2
Сибирский	153	9	37	42	9	12	9	4	9	21	1
Дальневосточный	298	15	10	39	36	48	36	30	38	43	3
Итого	3155	157	236	891	381	329	296	217	231	369	48

Источник: составлено авторами на основании данных Всероссийской переписи населения 2020 г.⁷

Анализ возрастных профилей, представленных в табл. 2, позволяет заключить, что среди вьетнамцев, живущих в России, весьма многочисленна молодежная группа (максимум приходится на возрастной интервал 20–24 года). Это вполне закономерно, учитывая значительную квоту на обучение в российских вузах по программам бакалавриата. Более детальную информацию о распределении вьетнамских студентов по образовательным программам в регионах РФ можно найти, к примеру, в работе [5, с. 180]. Часть студентов, закончивших программы бакалавриата, остается на про-

⁶ International Migrant Stock // UN Population Division. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (accessed on 22.03.2023).

⁷ Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 05.04.2023).

граммах магистратуры. Однако все чаще мы наблюдаем ситуации, когда вьетнамские студенты после получения образования в России продолжают его уже в других странах. США, Новая Зеландия, Австралия, Великобритания являются серьезными конкурентами для российского образовательного рынка, предлагая для иностранных студентов полноценные гранты на обучение.

Расхождения в оценках численности вьетнамцев в табл. 1 и 2 обусловлены различием типов данных: табл. 1 учитывает категорию «население иностранного происхождения», а табл. 2 – имеющих гражданство соответствующей страны. Понятно, что часть вьетнамцев за годы проживания в России получила российское гражданство. Таким образом, отличия в численности вьетнамцев, проживающих в России, могут быть объяснены различными способами идентификации.

Обратимся к еще одному источнику данных о масштабах вьетнамской иммиграции. В табл. 3 приведены некоторые показатели текущей миграционной ситуации в РФ в отношении въезда граждан СРВ за 2019 – первый квартал 2023 гг.

Таблица 3

Некоторые показатели миграционной ситуации в отношении граждан Вьетнама в Российской Федерации в 2019–2023 гг.

Table 3

Some indicators of the migration situation in relation to citizens of Vietnam in the Russian Federation in 2019–2023

Показатель	2019	2020	2021	2022	1 кв. 2023
Число фактов поставки на миграционный учет	96 345	40 929	36 270	51 356	8 909
<i>Из них по целям въезда:</i>					
Учеба	7 068	3 690	5 133	8 545	1 146
Работа	17 407	7 249	17 565	28 186	5 488
Число действующих разрешений на временное проживание на конец отчетного периода	2 446	1 859	1 171	853	791
Число действующих видов на жительство на конец отчетного периода	10 687	11 266	10 197	9 884	9 015
Число лиц, вступивших в гражданство Российской Федерации	474	819	1 947	1 593	342
Число оформленных разрешений на работу в течение соответствующего периода	н/д	н/д	10 075	17 800	4 018
<i>Из них:</i>					
Высококвалифицированным специалистам	н/д	н/д	683	703	99
Число действующих разрешений на работу на конец отчетного периода	н/д	н/д	9 891	12 355	13 879

Источник: составлено авторами на основании сведений ГУ ВМ МВД РФ⁸

⁸ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.04.2023).

Показатели миграционной ситуации по Вьетнаму, приведенные в табл. 3, демонстрируют неустойчивую динамику. Так, вполне закономерно, что в период пандемии, в 2020–2021 гг., въезд иностранных граждан в РФ был ограничен. В результате более чем в два раза снизилось число фактов постановки на миграционный учет: с 96,3 тыс. до 40,9 тыс. между 2019 и 2020 гг. В то же время по итогам 2022 г. число фактов постановки на миграционный учет граждан СРВ выросло и достигло 51,4 тыс. Основными целями приезда в Россию для вьетнамцев остаются работа и учеба. На долю этих двух причин приходится свыше половины всех случаев постановки на миграционный учет. Так, например, по итогам 2022 г. цели въезда «работа» и «учеба» указали 71,5% вьетнамцев, а по итогам первого квартала 2023 г. – 74,5%.

Число разрешений на временное проживание за рассматриваемые годы снизилось с 2,4 до 0,8 тыс., также тенденция к снижению наблюдается и по числу действительных видов на жительство: по итогам первого квартала 2023 г. оно составило немногим более 9 тыс. В то же время мы можем говорить об увеличении числа фактов вступления в гражданство РФ. За период с 2019 г. по 1 квартал 2023 г. в общей сложности в российское гражданство вступили 5 175 вьетнамцев, максимум пришелся на 2021 и 2022 гг.

Вьетнамские трудовые мигранты, приезжающие в Россию, в основном имеют относительно невысокий уровень образования. Это обусловлено теми сферами, где они традиционно заняты. Согласно официальным данным, приведенным в таблице 3, лишь незначительное количество трудовых мигрантов из Вьетнама относится к категории высококвалифицированных специалистов (ВКС): в 2021 г. из 10,1 тыс. разрешений на работу только 683 пришлось на ВКС, а в 2022 г. – из 17,8 тыс. только 703 соответственно.

Что касается расселения вьетнамских мигрантов в российских регионах, то здесь картина сохраняется довольно устойчивой. Выше мы уже указывали на то, что данные ВПН-2020 свидетельствуют о том, что Центральный, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа выделяются на фоне других по численности иммигрантов из Вьетнама. Имеет смысл рассмотреть ситуацию более детально, в разрезе отдельных субъектов. Для чего обратимся к данным, публикуемым Росстатом в статистическом бюллетене «Численность и миграция населения Российской Федерации». По итогам 2021 г. прибыло в РФ из Вьетнама 5 426 человек, выбыло во Вьетнам 2 024 человека. Таким образом, миграционный прирост составил 3 402 человека, из которых 2 737 пришлось на городскую, а 665 человек – на сельскую местность⁹. Это подтверждает наши предыдущие выводы о том, что мигранты из СРВ ориентированы в большей степени на города с диверсифицированным рынком труда и возможностями в реализации собственного бизнеса [6]. Среди стран дальнего зарубежья Вьетнам по абсолютному миграционному приросту занимает четвертое место после Индии, Китая и Египта. Отмеченный выше миграционный прирост распределен по субъектам РФ крайне неравномерно. Например, в Центральном федеральном округе максимальный миграционный прирост получили Тульская (606 человек), Владимирская (342), Московская (240) и Калужская (117) области. В Северо-Западном федеральном округе практически 100% миграционного прироста пришлось лишь на два субъекта – Псковскую область (305 человек, что составило 75% всего миграционного

⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.03.2023).

прироста за счет стран дальнего зарубежья) и г. Санкт-Петербург (60 человек). В Южном федеральном округе выделим Волгоградскую область (141 человек), в Приволжском – Республику Башкортостан (354 человека) и Ульяновскую область (154 человека), в Сибирском – Томскую область (110 человек), а в Дальневосточном – Приморский (110 человек) и Хабаровский (182 человека) края¹⁰. Крайне незначительным оказался миграционный прирост за счет миграции из Вьетнама в Уральском федеральном округе, а Северо-Кавказский стал единственным федеральным округом, показавшим миграционную убыль в обмене с Вьетнамом в 2021 г.

В последние годы мы видим, что значительных изменений в масштабах и расселении вьетнамских мигрантов в России не происходит. В то же время определенный потенциал может быть сформирован за счет развития двусторонних связей между нашими странами, реализации совместных проектов и расширения научно-образовательного сотрудничества.

Вьетнамские предприниматели о возможностях ведения бизнеса в регионах России

После вступления в силу торгового соглашения между СРВ и ЕАЭС, создавшего благоприятные возможности для вьетнамских предприятий по расширению своего бизнеса на евразийском пространстве, масштабы взаимных инвестиций между Россией и Вьетнамом существенно увеличились. Так, по состоянию на начало 2022 г. накопленные прямые инвестиции из Вьетнама в Россию составили 652,15 млн долл. США¹¹. Среди стран Юго-Восточной Азии Вьетнам по этому показателю уверенно занимает второе после Сингапура место. Кроме того, новые векторы российской государственной политики по поиску альтернативных торговых и стратегических партнеров в странах Латинской Америки и Азии, в том числе во Вьетнаме, особенно в сфере импорта и экспорта сельскохозяйственной продукции, продуктов питания и товаров первой необходимости, открывают хорошие возможности для взаимных инвестиционных проектов.

В структуре импорта РФ из СРВ наиболее существенная доля приходится на машины, оборудование и транспортные средства, текстиль и обувь (в сумме на эти две позиции свыше 80%), а также на продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, химическую продукцию и металлы и изделия из них [7].

В работе М. А. Эскиндарова, Чхи Тхи Тхуй Линь [8] выделяется несколько этапов становления вьетнамского бизнеса в России в постсоветский период. Первый этап сформировался за счет тех вьетнамцев, которые в последние годы существования Советского Союза работали по межгосударственным контрактам на различных предприятиях. Часть из них позже основала собственный бизнес. Второй этап проходил в 1990-е гг., когда Россия становилась на «рыночные рельсы». Тогда в крупных городах РФ начали появляться торговые центры, где продавались вьетнамские товары – преимущественно одежда и обувь. Третий этап охватил первое десятилетие 2000-х гг. Как отмечают авторы работы, в данный период деятельность вьетнамских компаний

¹⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.03.2023).

¹¹ Интерактивное представление актуальных статистических данных «Накопленные прямые инвестиции по географическим регионам мира, странам, инструментам и видам экономической деятельности» // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/npj/ (дата обращения: 01.04.2023).

стала смещаться в сторону производства и оказания услуг, при сохранении розничной торговли. В эти же годы для вьетнамского бизнеса начался процесс легализации в России. Четвертый, современный, этап ознаменовался ужесточением российской миграционной политики. Из-за чего часть вьетнамских компаний ушла с российского рынка, часть – обанкротилась, а часть – «русифицировалась».

На этот период приходится открытие многофункционального культурно-делового центра «Ханой – Москва»¹² – первого в России инвестиционного проекта со 100%-м участием вьетнамского капитала (действует с 2014 г.). Планирование строительства делового центра началось еще в 2005 г., когда Народным комитетом г. Ханой было издано распоряжение о создании акционерной инвестиционной компании «INCENTRA JSC». В дальнейшем между Москвой и Ханоем было подписано соглашение о создании культурно-деловых центров в обоих городах, а Банк инвестиций и развития Вьетнама (BIDV) выделил кредит на строительство. В настоящее время в центре «Ханой – Москва», расположенном на Ярославском шоссе, действует апарт-отель и собственно торговый комплекс, где можно купить вьетнамские непродовольственные товары, экзотические вьетнамские фрукты и другие продукты, попробовать оригинальные блюда вьетнамской кухни. На площадках торгового комплекса периодически проходят бизнес-форумы и развлекательные мероприятия. Можно говорить о том, что данный проект относится к числу наиболее успешных.

К сожалению, ряд проектов в российских регионах, где есть заинтересованность вьетнамского бизнеса, реализуются со значительными сложностями. Несмотря на позиционирование «всеобъемлющего стратегического партнерства» между РФ и СРВ, в реальности масштабы и эффективность сотрудничества остаются довольно невысокими. На что указывали, в частности, российские и вьетнамские эксперты в ходе дискуссий о состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства, прошедших в Институте Дальнего Востока РАН в декабре 2021 г. В частности, было признано отстающим от потенциала и уровня стратегического партнерства сотрудничество в социально-экономической и научно-технической сферах [9]. Потенциально российская и вьетнамская стороны многократно заявляли о взаимном интересе в развитии тех или иных аспектов двустороннего сотрудничества. Но внутренние и внешние факторы в разные периоды времени не давали возможности для полноценного развития. Обратимся к некоторым наиболее известным примерам.

Так, еще в 2009 г. Банк инвестиций и развития Вьетнама (BIDV) в сотрудничестве с российским банком ВТБ основали в равных долях Вьетнамско-российский совместный банк (ВРБ, Vietnam-Russia Joint Venture Bank). Создание банка было, прежде всего, обусловлено необходимостью облегчения взаимных расчетов при реализации тех или иных совместных проектов. Но уже в 2013 г. вьетнамская сторона вышла из капитала банка, который к тому моменту имел название «ВРБ Москва». В 2015 г. из капитала вышел и ВТБ, а название банка в очередной раз изменилось на КБ «ВРБ». В конце декабря 2020 г. ЦБ РФ лишил банк лицензии (к тому моменту банк вновь поменял название на «ФинТех»). Банк занимал 241-е место в банковской системе России, осуществлял свою деятельность по базовой лицензии, не имел права на привлечение средств физических лиц для размещения во вклады и не был включен в систему стра-

¹² Многофункциональный комплекс «Ханой – Москва»: [сайт]. URL: <https://incentra.ru/> (дата обращения: 01.04.2023).

хования вкладов¹³.

Стоит заметить, что во Вьетнаме деятельность Вьетнамско-российского совместного банка продолжается. Головной офис банка расположен в Ханое, есть филиалы в Нячанге, Дананге, Вунгтау. Это вполне закономерно, учитывая то, что для россиян Нячанг и Дананг являются основными местами отдыха во Вьетнаме, а в Вунгтау расположен русский поселок, в котором живут сотрудники совместного российско-вьетнамского предприятия Вьетсовпетро. Число банкоматов ВРБ во Вьетнаме относительно невелико, но после открытия границ, когда россияне после пандемии вновь смогли посещать Вьетнам, только банкоматы ВРБ работали с картами МИР: это была единственная возможность снятия наличных донгов с российских карт после введения западных санкций с марта 2022 г.

Еще один пример – инвестиционные проекты вьетнамской компании «ТН TrueMilk» в ряде российских регионов. Изначально проект позиционировался как более чем амбициозный, с заходом в несколько регионов РФ и суммарными инвестициями свыше 2 млрд долл. США. Планировалось создание предприятий полного цикла по производству молока и молочной продукции, а в дальнейшем – расширение в сторону производства мяса и колбас. На первом этапе инвестиции должны были составить около 500 млн долл. США. В настоящее время функционируют производства в Московской и Калужской областях, однако говорить о широкой представленности линейки продукции компании на российском рынке не приходится. В Приморском крае компания «ТН TrueMilk» также планировала строительство комплекса молочного животноводства с созданием около 500 новых рабочих мест¹⁴. Впрочем, к настоящему времени проект после консультаций с вьетнамской стороной признан нерентабельным из-за недостаточности населения региона.

В целом следует признать, что в России в большей степени представлен малый и средний вьетнамский бизнес. Он более адаптивен к изменяющимся внутренним и внешним условиям, не требует серьезных вложений. Так, например, у россиян большим спросом пользуются кафе и рестораны вьетнамской кухни, число которых за последнее десятилетие значительно выросло. Вьетнамский «стритфуд» – недорогая и вкусная еда, представленная во многих российских городах, которую вьетнамцы в России готовят по традиционным рецептам с использованием оригинальных ингредиентов.

О важности развития малого и среднего бизнеса в российских регионах, о своем видении места и роли вьетнамского бизнеса в России и существующих проблемах говорит в одном из интервью Президент Российской ассоциации вьетнамских бизнесменов, господин Ле Чыонг Шон: «...бизнес-структуры России и Вьетнама не удовлетворены текущим уровнем сотрудничества, но его потенциал очень большой... В моем понимании драйвер в экономике – это не заправки с буровыми установками... Основой экономики любой маленькой или большой державы является малый и

¹³ Отозвана лицензия на осуществление банковских операций у Коммерческого банка «ФинТех» (ООО) // Банк России : [сайт]. 11.12.2020. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=11122020_084653lic.htm (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁴ Хуинь Минь Тинь: «Вьетнамские инвесторы создадут 500 новых рабочих мест в Приморье» // Приморская газета : [сайт]. 09.10.2018. URL: <https://primgazeta.ru/news/huin-min-tin-v-etnamskie-investory-sozdatut-novyh-rabochih-mest-v-primor-e-09-10-2018-01-43-12> (дата обращения: 22.03.2023).

средний бизнес»¹⁵. Он также отмечает, что через развитие бизнеса возможно увеличение численности и доли легальных трудовых мигрантов из Вьетнама в российских регионах.

Вьетнамский бизнес и вьетнамские мигранты в России сталкиваются с достаточно большим количеством трудностей. Западные санкции, волатильность курса рубля, снижение потребления тех или иных товаров и услуг, жесткое миграционное законодательство оказывают негативное влияние на деятельность вьетнамского бизнес-сообщества в РФ. Серьезным испытанием для вьетнамского бизнеса стала и пандемия коронавирусной инфекции, заставившая малый и средний вьетнамский бизнес адаптироваться под ограничения мобильности, падение доходов населения и предпринимать усилия по диверсификации продукции и сохранению рабочих мест.

Опрос среди вьетнамцев, имеющих собственное дело в РФ, проведенный одним из авторов настоящей работы, позволил охарактеризовать современную структуру вьетнамского бизнеса следующим образом: около 40% предпринимателей задействованы в торговле (в большей степени – розничной, где наибольший вклад вносят те, кто занимается торговлей одеждой и обувью), по 23% – в производстве и услугах (здесь исторически важную роль играет швейное производство), и около 14% – в сфере туризма. Уставной капитал вьетнамских предприятий сосредоточен на уровне менее 500 тыс. долл. США, а количество работников – менее 50 человек. Таким образом, вьетнамские предприятия в России – это малые и средние предприятия, количество же крупных предприятий очень невелико. Большинство вьетнамских предприятий являются вновь созданными (около 59%), 24% составляют предприятия, приобретенные у российских предпринимателей, 14% – представительства организаций и предприятий, действующих во Вьетнаме, и только 3% приходится на долю филиалов вьетнамских компаний. Среди вьетнамцев, ведущих бизнес в России, примерно 56% мужчины и 44% – женщины. Нужно отметить, что свое знакомство с Россией многие предприниматели начинали в качестве туристов (около 45% опрошенных), затем постепенно здесь обосновывались и открывали бизнес. Часть вьетнамских предпринимателей (около 13%) приезжали к родственникам или на учебу и в дальнейшем также легализовались в России. Также есть около 9% вьетнамцев, которые приехали еще во времена СССР и с тех пор живут и работают в России.

Мы можем выделить несколько групп факторов, в динамике оказывающих воздействие на деятельность вьетнамских предпринимателей в России. Во-первых, это рыночные факторы, определяющие себестоимость, непрерывность и эффективность производственного процесса. Вьетнамские предприниматели отмечают, что в России значительная доля рынка сбыта сконцентрирована вокруг Москвы, что и определяет более значительную долю вьетнамцев, проживающих в регионах Центрального федерального округа. Во-вторых, важным фактором повышения эффективности вьетнамского бизнеса оказываются сформировавшиеся привычки и уровень доходов населения. Вьетнамские предприятия «схватывают» изменяющиеся предпочтения россиян и стараются быстро адаптироваться, чтобы предлагать товары и услуги, пользующиеся спросом в настоящий момент. В-третьих, одним из конкурентных преимуществ вьетнамского бизнеса является сложившаяся репутация на российском рынке. Широко известны традиционно поставляемые из Вьетнама товары: бальзам

¹⁵ Ле Чыонг Шон: «В России пока не существует реального драйвера экономики» // New Retail : [сайт]. 05.08.2015. URL: https://new-retail.ru/persony/le_chyong_shon_v_rossii_poka_ne_sushchestvuet_realnogo_drayvera_ekonomiki2359/ (дата обращения: 22.03.2023).

«звездочка», вяленые бананы, разнообразные соусы, лапша и пр. Такие репутационные факторы сложно измеримы в количественном выражении, но тем не менее бесспорно оказывают влияние на развитие вьетнамского бизнеса.

Значимую роль в предпринимательской активности вьетнамцев в России играет политико-правовая среда. Политическая стабильность – одна из важнейших предпосылок успешной хозяйственной деятельности вьетнамских предприятий. Миграционное законодательство наряду с правоприменительной практикой также оказывают влияние на организацию и бизнес-стратегии вьетнамских предприятий.

Выше мы уже говорили о том, что рынок сбыта вьетнамских товаров в значительной степени сконцентрирован вокруг Москвы. Однако не только абсолютная численность и покупательская способность населения столицы определяют деятельность вьетнамских предприятий. Существенным фактором развития вьетнамского предпринимательства является и развитость инфраструктуры. Вьетнамские бизнесмены отмечают, что такие элементы инфраструктуры как система дорог, связи, наличие водоснабжения, электричества определяют себестоимость продукции и эффективность бизнеса. А потому гораздо выгоднее реализовывать бизнес-проекты в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, некоторых других. В то же время респонденты указали на то, что в таких городах как, например, Магадан, Биробиджан – инфраструктура слаба, что приводит к удорожанию продукции, сложностям транспортировки и хранения, и, как следствие, высокие издержки делают бизнес-проекты невыгодными.

Вьетнамские юридические и физические лица в России обращают внимание и на то, что несмотря на действующее соглашение между СРВ и ЕАЭС, механизмы оплаты и таможенные процедуры по-прежнему остаются сложными. Поэтому ввоз ряда вьетнамских товаров в Россию оказывается ниже заложенных целевых ориентиров. Наиболее чувствительной для вьетнамских предпринимателей сферой являются поставки из Вьетнама одежды и обуви. Ранее мы отмечали, что именно на их долю приходится самый большой процент розничной торговли.

Необходимо также заметить, что вьетнамские предприниматели, занятые в торговле, реализуют не только вьетнамские товары. В структуре товаров лишь 14% производится непосредственно во Вьетнаме, еще около 19% – на вьетнамских предприятиях в России. Значительную часть продаваемых вьетнамцами товаров составляют китайские (около 28%) или производимые в России китайскими предприятиями (еще около 9%). Импортные товары из других стран составляют около 23%.

Владельцы вьетнамских фирм в Российской Федерации указывают на следующие ключевые трудности в ведении бизнеса: 1) нестабильность российской предпринимательской среды; 2) защита бренда и интеллектуальной собственности; 3) жесткая миграционная политика; 4) недостаточная поддержка со стороны вьетнамского государства; 5) ограниченный доступ к поддержке от дипломатических представительств СРВ в РФ; 6) коррупция и задержания полицией. Физические лица – вьетнамцы, живущие и работающие в России, проблемы, связанные с взаимодействием с полицией, ставят в число основных. Кроме того, они обращают внимание на нехватку объективной информации об особенностях торговли в России и Вьетнаме; трудности в доступе к поддержке от дипломатических представительств СРВ в РФ; жесткую миграционную политику (в частности, сложности в оформлении регистрации). Отмечаются также сложности в изучении русского языка, необходимость адаптироваться к суровому российскому климату.

Заключение

В настоящее время российско-вьетнамские отношения развиваются во многих направлениях. Среди ключевых – сотрудничество в энергетической и нефтегазовой сферах, расширение стратегического партнерства за счет реализации совместных проектов в области науки и образования. Однако стоит обратить более пристальное внимание на малый и средний бизнес. В России вьетнамский бизнес представлен в большей степени торговлей, производством некоторых товаров, сферой услуг.

Среди основных барьеров для развития бизнеса вьетнамские предприниматели называют жесткую миграционную политику. Важным фактором, сдерживающим вхождение вьетнамского бизнеса в российские регионы, является неразвитость инфраструктуры (транспортной и социальной), а фактически с начала пандемии сюда же можно отнести и отсутствие прямого авиасообщения между нашими странами. Трудовая миграция во многом ограничивается несоответствием потенциально ожидаемых и предлагаемых заработных плат, отсутствием налаженных каналов взаимодействия крупных российских предприятий с вьетнамскими предприятиями, лицензированными для отправки работников за границу.

Сейчас многие аспекты российско-вьетнамского сотрудничества в различных сферах все еще опираются на те итоги, которые были накоплены за советский период. Но Вьетнам – динамично развивающаяся страна, которая все активнее включается в Азиатско-Тихоокеанский регион как с точки зрения инвестиционного сотрудничества, так и с точки зрения рынка труда. Поэтому России для сохранения и развития всеобъемлющего стратегического партнерства с Вьетнамом требуются качественно новые подходы, связанные, в частности, с облегчением визового режима (по крайней мере в рамках деловых, научных и образовательных проектов) и снижением административных барьеров для вхождения вьетнамских инвестиций в Россию.

Список литературы

1. Храмова, М. Н. Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама / М. Н. Храмова, С. В. Рязанцев, Ву Куок Ху // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 54–64. DOI [10.26653/2076-4685-2018-6-04](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-04). EDN [ZCOSBN](https://www.edn.ru/2018/06/04/ZCOSBN).
2. *Dang Nguyen Anh*. Migration Policies in Socio-Economic Development in Mountainous Provinces. Hanoi : World Publishing House, 2006.
3. Urbanization, Migration, and Poverty in a Vietnamese Metropolis: Ho Chi Minh City in Comparative Perspectives / Ed. Hy V. Luong. Singapore : NUS Press, 2009. 442 p. DOI [10.2307/j.ctv1ntgtk](https://doi.org/10.2307/j.ctv1ntgtk).
4. Viet Nam Migration Profile 2016. Ha Noi : International Organization for Migration, 2017. 98 p.
5. Храмова, М. Н. Миграция из Вьетнама в Россию: факторы, барьеры, прогноз // В сб.: Компартия Вьетнама: новая веха в истории. Москва : ИДВ РАН, 2021. С. 169–185. DOI [10.48647/IFES.2021.46.30.012](https://doi.org/10.48647/IFES.2021.46.30.012). EDN [PLSTJQ](https://www.edn.ru/2021/06/30/PLSTJQ).
6. Храмова, М. Н. Вьетнамские мигранты в регионах России: оценка численности и миграционный потенциал / М. Н. Храмова, Ву Куок Ху // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 23–33. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-23-33](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-23-33). EDN [FGXDNE](https://www.edn.ru/2020/01/23/FGXDNE).
7. Ревенко, Н. С. Торгово-экономическое сотрудничество России с Вьетнамом на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 83–98. DOI [10.24412/2072-8042-2022-7-83-98](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-83-98). EDN [KTAVBE](https://www.edn.ru/2022/07/83/KTAVBE).
8. Эскиндаров, М. А. Эволюция и специфика деятельности вьетнамских компаний в Российской Федерации / М. А. Эскиндаров, Чхи Тхи Тхуй Линь // Век качества. 2010. № 4. С. 14–15. EDN [NCBAVR](https://www.edn.ru/2010/04/14/NCBAVR).
9. Мазырин, В. М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5, № 4. С. 148–161. DOI [10.54631/VS.2021.54-148-161](https://doi.org/10.54631/VS.2021.54-148-161). EDN [CKYWWZ](https://www.edn.ru/2021/04/14/CKYWWZ).

Сведения об авторах:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, исполняющий обязанности директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

До Хьонг Лан, кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр социальных инноваций и предпринимательства, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: dhlan6576@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-7586-0767](https://orcid.org/0000-0001-7586-0767); Web of Science Researcher ID: [AGQ-4454-2022](https://orcid.org/AGQ-4454-2022); Scopus Author ID: [57222965237](https://orcid.org/57222965237).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-511-92001.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; принята в печать 09.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

VIETNAMESE ENTREPRENEURS IN RUSSIA: IMMIGRATION, BUSINESS PROBLEMS AND COOPERATION PROSPECTS

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Do Huong Lan

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: dhlan6576@yahoo.com

For citation: Khramova, Marina N. *Vietnamese Entrepreneurs in Russia: Immigration, Business Problems and Cooperation Prospects* / M. N. Khramova, Do Huong Lan. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 119-133. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.9).

Abstract. *The paper analyzes some features of Vietnamese immigration to the Russian Federation. We provide estimates of the number of Vietnamese citizens living in Russia, their distribution by region, and key areas of employment. The results obtained in the work are based on official data published by Rosstat, the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as some survey data conducted by the authors of the article. We can say that despite the existence of an agreement on a "comprehensive strategic partnership" between Russia and Vietnam, the potential of Vietnamese migration remains underestimated. The structure of migration flows from Vietnam to Russia is dominated by labor and educational migration. However, in recent years Russia has lost some of its advantages, which were formed during the Soviet Union. Vietnamese migrants find new directions for migration. Among them are the countries of ASEAN, the USA, the countries of Europe. The main barriers to realizing Vietnam's migration potential in relation to Russia are the maintenance of an asymmetric visa regime, a decrease in the competitiveness of Russian wages, and high bureaucratic barriers to the entry of Vietnamese businesses into Russian regions. Additional risk factors are geopolitical tensions and the volatility of the ruble exchange rate. Nevertheless, it is noted that there is still interest from Vietnamese entrepreneurs to open a business in Russia. Opportunities for expanding Russian-Vietnamese migration ties may lie in the plane of the implementation of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam, ratified in October 2016.*

Keywords: *Vietnam; Russia; Vietnamese immigration to Russia; Vietnamese business; Russian-Vietnamese cooperation; Vietnamese investments in Russia; Association of Vietnamese businessmen in Russia; migration regime between Vietnam and Russia.*

References

1. Khramova, M. N. Factors of Migration and the Problem of Regional Inequality in the Socio-Demographic Development of Russia and Vietnam / M. N. Khramova, S. V. Ryazantsev, Huy Vu Quoc. *Scientific*

Review. Series 2. Human Sciences. 2018. No. 6. P. 54–64. DOI [10.26653/2076-4685-2018-6-04](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-04). (In Russ.).

2. Dang Nguyen Anh. *Migration Policies in Socio-Economic Development in Mountainous Provinces.* Hanoi : World Publishing House, 2006.

3. Urbanization, Migration, and Poverty in a Vietnamese Metropolis: Ho Chi Minh City in Comparative Perspectives / Ed. Hy V. Luong. Singapore : NUS Press, 2009. 442 p. DOI [10.2307/j.ctv1ntgk](https://doi.org/10.2307/j.ctv1ntgk).

4. Viet Nam Migration Profile 2016. Ha Noi : International Organization for Migration, 2017. 98 p.

5. Khramova, M. N. Migration from Vietnam to Russia: Factors, Barriers, Forecast. In: *Vietnam Communist Party: New Milestone in the History.* Moscow, IFES RAS, 2021. P. 169–185. DOI [10.48647/IFES.2021.46.30.012](https://doi.org/10.48647/IFES.2021.46.30.012). (In Russ.).

6. Khramova, M. N. Vietnamese Migrants in Russian Regions: Estimate of the Migration Potential / M. N. Храмова, Vu Quoc Huy. *Science. Culture. Society.* 2020. No. 1. P. 23–33. DOI [10.38085/2308829X-2020-1-23-33](https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-23-33). (In Russ.).

7. Revenko, N. S. Trade and Economic Cooperation between Russia and Vietnam at the Present Stage. *Russian Foreign Economic Journal.* 2022. No. 7. P. 83–98. DOI [10.24412/2072-8042-2022-7-83-98](https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-83-98). (In Russ.).

8. Eskindarov, M. A. Evolyutsiya i spetsifika deyatel'nosti v'yetnamskikh kompaniy v Rossiyskoy Federatsii [Evolution and specifics of the activities of Vietnamese companies in the Russian Federation] / M. A. Eskindarov, Chi Thi Thuy Linh. *Age of Quality.* 2010. No. 4. P. 14–15. (In Russ.).

9. Mazyrin, V. M. The State of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership. *Russian Journal of Vietnamese Studies.* 2021. Vol. 5, No. 4. P. 148–161. DOI [10.54631/VS.2021.54-148-161](https://doi.org/10.54631/VS.2021.54-148-161).

Bio notes:

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Acting Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI Author ID: [126144](https://www.rsci.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Do Huong Lan, PhD, Vice Director, Center for Social Innovation and Entrepreneurship, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: dhlan6576@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-7586-0767](https://orcid.org/0000-0001-7586-0767); Web of Science Researcher ID: [AGQ-4454-2022](https://orcid.org/AGQ-4454-2022); Scopus Author ID: [57222965237](https://orcid.org/57222965237).

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 21-511-92001.

Received on 07.04.2023; accepted for publication on 09.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.10)

EDN [MMJWBB](https://edn.nplg.ru/edn/MMJWBB)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ МЬЯНМОЙ И ТАИЛАНДОМ: ПОДХОДЫ К ЛЕГАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Аунг Хлайн Пью

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: aunghlaynphyo@gmail.com

Кузнецов Н. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Аунг Хлайн Пью. Трудовая миграция между Мьянмой и Таиландом: подходы к легализации и интеграции мигрантов / Аунг Хлайн Пью, Н. Г. Кузнецов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 134–143. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.10). EDN [MMJWBB](https://edn.nplg.ru/edn/MMJWBB).

Аннотация. Работа мигрантов за рубежом рассматривается властями Мьянмы как способ помочь достичь национальных целей развития страны, сократить бедность и снизить давление на внутренний рынок труда. В развивающейся экономике Таиланда большинство трудящихся-мигрантов – это неквалифицированные работники из соседних государств, преимущественно из Мьянмы, большинство из которых являются нелегальными (или) не имеющими документов. Правительство Таиланда предпринимает усилия по легализации прибывающих мигрантов и предоставлению равных прав трудящимся, вне зависимости от их иммиграционного статуса. Однако контроль миграционного потока из Мьянмы особенно сложен, учитывая протяженность и фрагментированность границ между двумя странами, что способствует неформальной миграции в рамках всей системы посредников и сборов. В статье рассматриваются текущие аспекты государственной политики двух стран, направленные на соблюдение прав и свобод человека при миграции между Мьянмой и Таиландом, нормализацию ситуации с нелегальной миграцией. Основное внимание уделяется исследованию процесса документации мигрантов.

Ключевые слова: Мьянма; Таиланд; нелегальная миграция; интеграция мигрантов; миграционная политика.

Введение

В 1970–1980-е гг. Таиланд был заметным источником рабочей силы для ряда более развитых стран Азии и Ближнего Востока. По мере развития экономики к середине 1990-х гг. страна, напротив, превратилась в место притяжения мигрантов из соседних государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) [1]. Более благополучная экономическая ситуация, развитие промышленных производств, сельского хозяйства, туризма и других отраслей на фоне социальной и политической нестабильности во многих странах ЮВА позволили Таиланду стать нетто-реципиентом иностранной рабочей силы.

К 2018 г. численность мигрантов в Таиланде достигла 3,9 млн человек [2], а в настоящее время составляет 4–5 млн, по оценкам Международной организации по миграции (МОМ)¹, при этом динамика прироста численности мигрантов за период после 2018 г. позволяют предположить, что истинная оценка находится ближе к вер-

¹ Migration Context / IOM Thailand : [site]. URL: <https://thailand.iom.int/migration-context> (accessed on 15.04.2023).

ней границе диапазона, предложенного экспертами МОМ.

В свою очередь, Мьянма, являясь крупнейшей страной материковой части ЮВА, остается в настоящее время аграрной страной с высокой долей сельского населения. Низкий уровень дохода, недостаток рабочих мест, а также политическая нестабильность привели к тому, что значительная часть населения Мьянмы покидает свою страну в поисках более благоприятных условий для жизни и труда. По результатам последней переписи населения (2014 г.), около 2,9 млн граждан Мьянмы проживали за рубежом; по оценкам Международной организации труда (МОТ), около 70% из них – в Таиланде². Данные МОМ за 2019 г. подтвердили высокий уровень миграционных связей между Мьянмой и Таиландом. Согласно отчету организации [3], в Таиланде проживало около 2,9 млн трудящихся-мигрантов из Мьянмы.

Таким образом, Мьянма и Таиланд представляют устойчивый миграционный коридор между странами, сохраняющийся в течение продолжительного времени и включающий в себя значительное число граждан главным образом Мьянмы. При этом МОМ расценивает ситуацию в Мьянме как серию «продолжающихся взаимосвязанных кризисов»³, связанную с преодолением последствий пандемии COVID-19, ухудшением ситуации с безопасностью в государстве, недостатком качества и доступности основных услуг, что «усугубляет уязвимость населения» и провоцирует «все более сложные смешанные потоки мигрантов внутри страны и на международном уровне». Это обуславливает актуальность исследований миграционного обмена между Мьянмой и Таиландом в целом.

Значимой проблемой для исследуемого миграционного коридора является большое количество недокументированных и нелегальных мигрантов. По оценкам ООН⁴, от 1 до 2,5 млн иностранных трудящихся либо находятся на территории Таиланда незаконно, либо не имеют права осуществлять там трудовую деятельность. Незаконный ввоз и торговля людьми также отмечены в данном регионе, несмотря на усилия обеих стран по предотвращению подобных явлений и стремление добиться максимальной прозрачности и легальности миграционного обмена между государствами. Пандемия COVID-19 и нестабильная политическая ситуация после 2021 г. привели к росту рисков и уязвимости для мигрантов и перемещенных лиц. Это обуславливает актуальность исследований, посвященных институциональной и нормативно-правовой базам миграционного обмена между странами.

Следует отметить, что современные исследования миграционного обмена между Мьянмой и Таиландом преимущественно сконцентрированы на изучении экономических аспектов перемещений [4], процессов адаптации и социокультурных различий [1], отдельных аспектов уязвимости либо отдельных уязвимых групп мигрантов [2]. Лишь отдельные работы [5] посвящены процессу легализации мьянманских трудовых мигрантов в Таиланде, однако изменения, произошедшие за последние годы в нормативно-правовой базе обеих стран, определяют целесообразность изучения документального процесса, сопровождающего перемещения граждан Мьянмы в Таиланд.

² Labour Migration in Myanmar (ILO in Myanmar) / International Labour Organization : [site]. URL: <https://www.ilo.org/yangon/areas/labour-migration/lang--en/index.htm> (accessed on 15.04.2023).

³ Myanmar Crisis Response Plan 2022 – Myanmar and Thailand / Global Crisis Response Platform of IOM : [site]. URL: <https://crisisresponse.iom.int/response/myanmar-crisis-response-plan-2022-myanmar-and-thailand> (accessed on 15.04.2023).

⁴ Migration Context / IOM Thailand : [site]. URL: <https://thailand.iom.int/migration-context> (accessed on 15.04.2023).

Таким образом, задачами данной статьи является изучение канала миграционного обмена между Мьянмой и Таиландом с точки зрения его институционального функционирования – определить основные направления миграции, выявить сложности, с которыми сталкиваются мигранты в процессе пересечения границы и оформления своего легального проживания и трудоустройства, оценить эффективность и достаточность государственных мер, направленных на поддержку мигрантов из Мьянмы в Таиланде. Особое внимание в ходе работы уделено процессу документирования и интеграции мигрантов, их легализации в стране пребывания.

Документирование и интеграция мигрантов

Национальная экономика Таиланда в силу особенностей демографической структуры населения (одна из самых «старых» стран региона) и сравнительно более высокого уровня жизни традиционно привлекала большое количество мигрантов (в первую очередь низкоквалифицированной рабочей силы) из соседних государств. Исходя из экономических потребностей и с учетом соображений национальной безопасности, государственная миграционная политика Таиланда в последние годы была направлена на предоставление определенных послаблений в визовом режиме и порядке трудоустройства для трудящихся-мигрантов из Камбоджи, Лаоса и Мьянмы. Несмотря на это, статус регистрации иностранных работников в Таиланде по-прежнему остается неопределенным, многие трудящиеся депортируются за участие в контрабанде и других незаконных формах деятельности. Работа движений за свободу трудящихся-мигрантов строго ограничена, а вопросы соблюдения прав иностранных мигрантов зачастую игнорируются. В 2001 г., 2004 г., 2009 г. и 2011 г. функционировали временные программы регистрации в Таиланде, позволявшие работникам официально зарегистрироваться с неполными учетными данными. В 2011 г. было зарегистрировано почти два миллиона трудящихся-мигрантов. Однако из-за чрезмерного количества единовременных регистраций получение продления документов, позволяющих легально трудоустроиться, стало труднодоступным. В результате из-за таких сложностей и перегруженности процедур со стороны работодателей большое количество трудящихся-мигрантов вовлечено в недокументированную или нелегальную миграцию.

Многие мигранты из Мьянмы, работающие в Таиланде, являются недокументированными в двух контекстах. Во-первых, неполнота или отсутствие документов, легализующих нахождение и работу на территории другой страны, во-вторых, выпадение из учета в статистике международной миграции вследствие непрохождения установленных процедур документирования. Значительное число мигрантов из Мьянмы прибывает в обход отделений министерства труда (DOL), министерства по трудоустройству и поиску рабочей силы (LEO) в Северном Янгоне, LEO в Мьявади и LEO в г. Аунгмьяэтанан (провинция Мандалай), которые выполняют проверку трудовых соглашений. В связи с чем они не учитываются в статистике, собираемой подразделениями LEO. Кроме того, у них может не быть рабочих паспортов (PJ, один из девяти видов паспортов, выдаваемых в Мьянме) или удостоверений личности иностранных работников (OWIC, т. н. «смарт-карты», содержащей основные сведения о мигранте и контактные данные посольства/консульства его страны), для работы, поскольку они перемещаются вне пунктов въезда, на которых властями Таиланда осуществляется контроль и документирование мигрантов.

Процесс регистрации и продления разрешений для мигрантов из Мьянмы в Та-

иланде достаточно сложен, состоит из слишком большого количества этапов, отнимает немало времени и средств, и многие мигранты, уже трудоустроенные в Таиланде, равно как и их работодатели, игнорируют проблему регистрации. Вновь прибывающие работники не могут позволить себе зарегистрироваться из-за имеющихся финансовых и временных ограничений. Угроза отсутствия доступа к различным государственным, медицинским и иным услугам, которую могут иметь зарегистрированные мигранты, как показывает практика, не стимулирует граждан Мьянмы проходить бюрократические процедуры. Точно так же различные стимулирующие меры со стороны должностных лиц и частных брокеров (облегчающие процесс легализации) не убеждают мигрантов в необходимости регистрироваться должным образом.

В июне 2016 г. Мьянма подписала с Таиландом Меморандум о взаимопонимании (MOU) по регулярным миграционным маршрутам. Документ включает в себя два конкретных и четко определенных этапа легализации недокументированных трудящихся-мигрантов. Первым этапом является прохождение ими процедуры проверки гражданства (Nationality Verification – NV), на втором этапе Меморандум прописывает конкретные шаги по получению регистрационных документов мигрантами.

Мьянма выдает временные паспорта нелегальным иммигрантам, которые завершают процесс проверки гражданства (NV). Мигранты, получающие такие временные паспорта, могут получить двухлетнюю визу и разрешение на работу в Таиланде с правом продления срока еще на два года. Трудящиеся-мигранты, проработавшие 4 года, должны вернуться в Мьянму и пробыть в стране не менее трех лет, прежде чем возвратиться в Таиланд на работу по имевшей место ранее процедуре. Система верификации (NV) позволяет зарегистрированным работникам в Таиланде подтверждать законность своего пребывания.

Подписание Меморандума о взаимопонимании было направлено на то, чтобы помочь рабочим из соседних стран въехать в Таиланд по легальным каналам для работы на предприятиях, действительно нуждающихся в работниках, и тем самым способствовать ликвидации дефицита рабочей силы в стране. Следует отметить, что по мере восстановления деловой активности после наиболее острых фаз пандемии COVID-19 национальная экономика Таиланда демонстрировала постепенное снижение уровня безработицы (по итогам первого полугодия 2022 г. оно составило 1,37%) [6] и восстановление спроса на иностранную рабочую силу, что подтвердило целесообразность функционирования двусторонних механизмов, облегчающих приток иностранных рабочих из соседних государств.

Поскольку для миграции из Мьянмы в Таиланд характерна высокая доля нелегальной и недокументированной миграции, предоставление документов является сложной задачей. В Таиланде первичная регистрация мигрантов, не имеющих документов, началась в 1992 г. и до сих пор осуществляется различными способами. После 2009 г. бирманское правительство сотрудничало с правительством Таиланда в выдаче временных паспортов мигрантам, имеющим регистрационные карточки тайских трудящихся-мигрантов, и работало над устранением трудностей в координации. С 2017 г. правительство Мьянмы выдает мигрантам удостоверения личности (CI) для долгосрочных целей, чтобы они могли подавать заявления на получение паспортов, и легально жить и работать в Таиланде.

Двумя договорами Мьянмы по управлению трудовой миграцией являются Закон о трудоустройстве за рубежом (LROE), принятый в 1999 г., и Пятилетний национальный план по управлению международной трудовой миграцией (NPA), разработанный

ный в 2013 г. Закон о трудоустройстве за рубежом, который в настоящее время пересматривается, устанавливает основные принципы управления потоками трудовых мигрантов, выезжающих из страны. Закон детализирует права и обязанности работников и агентств по трудоустройству, процедуры регистрации работников, процедуры лицензирования агентств по трудоустройству.

На уровне управления миграцией между странами подписание Меморандума о взаимопонимании (MoU) между Мьянмой и Таиландом стало одним из первых шагов в легализации миграционных маршрутов с основными странами назначения. Соглашение и Меморандум о взаимопонимании по трудоустройству работников, подписанные с Таиландом в 2016 г., являются обновлением Меморандума о взаимопонимании, первоначально подписанного в 2003 г. Проведенный МОТ обзор Меморандума о взаимопонимании, подписанного с Таиландом, выявил несоответствия в политике между странами происхождения и Таиландом, особенно в сфере домашнего хозяйства и рыбной промышленности. Таким образом, новая редакция Меморандума о взаимопонимании содержит меры, ставшие следствием принятия рекомендаций МОТ по управлению легальной миграцией на всех этапах миграционного процесса – от централизованного найма (рекрутинга) до защиты и реинтеграции.

В последние годы между Мьянмой и Таиландом на межправительственном уровне неоднократно обсуждался (и в итоге было решено в форме отдельного соглашения) вопрос о том, как юридически оформлять статус прибывающих в Таиланд нерегулярными маршрутами. Процесс проверки гражданства, используемый для подтверждения статуса гражданства мигрантов из Мьянмы, в настоящее время перешел на систему удостоверений личности (CI), что позволяет мигрантам до истечения срока действия их удостоверения личности подавать заявления на получение паспорта, необходимого для возврата в Мьянму. Система удостоверения личности (CI) внедрена с 2006 г. для граждан Камбоджи и Лаоса, прибывших в Таиланд, а с 2009 г. распространена и на граждан Мьянмы.

В 2009 г. официальные лица министерств труда, министерств внутренних дел, министерств иностранных дел, департаментов иммиграции и советов национальной безопасности двух стран в ходе межправительственной встречи достигли соглашения о порядке налогообложения и установлении специальных сборов для граждан Мьянмы, которые незаконно находятся в Таиланде. Деловые сборы включают тарифы за подачу заявления на получение новых разрешений на работу, продление разрешений на работу, получение документов, заменяющих разрешения на работу, смену работодателей или увеличение числа работодателей, смену местонахождения и места работы, а также изменение/добавление условий трудоустройства. Сама система налогообложения устроена таким образом, что налоговое бремя переложено на работодателей, выплачивающих сборы за наем низкоквалифицированных работников из числа иностранных граждан.

Незаконные мигранты, въезжающие в Таиланд, должны успешно пройти процедуру подтверждения гражданства (получение временного паспорта и двухлетней въездной визы). Если мигранты не выполняют это требование, они могут быть депортированы тайскими властями. Мигрантам необходимо пройти как процедуру подтверждения гражданства, так и оформить заявление на получение разрешения на работу в государственные бюро труда штата, в котором работает мигрант.

Работники без документов, прошедшие регистрацию, получают т. н. «розовую карту» (Thai Pink ID Card, временное разрешение), которая позволяет законно про-

живать и трудоустроиваться в Таиланде. Изменяя свой иммиграционный статус, они получают право проживания и работы в течение двух лет с возможностью дополнительного продления еще на два года.

Розовая карта является первичным документом, удостоверяющим личность, выдаваемым государственными органами Таиланда мигрантам, попавшим в страну нелегально, не обладая полным набором необходимых документов и разрешений⁵. Иностранцы, имеющие право на длительное пребывание в Таиланде, обязаны иметь при себе Розовую карту, которая по требованию подлежит предъявлению полиции и представителям органов власти. В случае отсутствия данного удостоверения личности иностранец может быть задержан и депортирован из страны. Розовая карта также выдается иностранным гражданам, постоянно проживающим на территории Таиланда, и высококвалифицированным специалистам, привлеченным местными компаниями для постоянной работы. Она позволяет пользоваться правами, близкими к тем, которые предоставляются гражданам Таиланда, однако ограничивает возможность постоянного проживания в определенной провинции (в соответствии с местом трудоустройства или иной деловой активности).

Для получения Розовой карты, удостоверяющей личность, иностранцу предварительно необходимо зарегистрировать свой идентификационный номер (Thai ID number). Чтобы получить идентификационный номер, мигрант должен зарегистрировать свое место жительства в Таиланде в органах государственного управления, и после того, как регистрация будет проверена и одобрена, он получит свидетельство о внесении информации в домовую книгу. Иностранцы, проживающие в Таиланде, получают документ, несколько отличающийся от аналогичного для граждан Таиланда, (Yellow House Registration Book для иностранцев, Blue House Registration Book для граждан Таиланда), но он позволяет подать заявление на получение удостоверения личности.

Для нелегальных мигрантов, в т. ч. прибывающих из Мьянмы, Розовая карта становится первым документом и наиболее важной процедурой легализации своего статуса в Таиланде. При наличии этого документа, а также предоставлении сведений о работодателе (если трудовые отношения оформлены официально) мигрант может обратиться в посольство Мьянмы в г. Бангкок и после проверки его данных в бирманских национальных источниках получить паспорт и работать легально.

Заметной проблемой миграционного коридора между Мьянмой и Таиландом является наличие большого числа трудящихся-мигрантов, попавших в Таиланд в качестве жертв торговли людьми (human trafficking). Для жертв такого процесса на уровне министерств труда достигнуто соглашение об освобождении от оплаты госпошлин и иных государственных сборов при подаче заявления о получении разрешения на работу в Таиланде и последующей легализации своего статуса в стране. Иностранные граждане (включая граждан Мьянмы), ставшие жертвами торговли людьми, а кроме того, их дети и иждивенцы, имеют право получить вид на жительство в Таиланде сроком на два года, позволяющий легально трудоустроиваться в любом секторе национальной экономики. Несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет также получают право трудоустройства, однако перечень разрешенных для них видов деятельности ограничен и совпадает с ограничениями, установленными нормативно-правовой базой Таиланда для граждан своей страны аналогичного возраста в целях защиты де-

⁵ Pink Thai ID Card for Foreigners / Isaan Lawyers International : [site]. URL: <https://isaanlawyers.com/pink-id-card-for-foreigners-in-thailand/> (accessed on 15.04.2023).

тей от принудительного труда и роста их охвата образованием. Такая мера позволяет существенно снизить негативные последствия торговли людьми и позволяет в сжатые сроки получить возможность легального трудоустройства и гарантирует длительный срок законного пребывания на территории Таиланда.

Управление миграционными процессами в самой Мьянме на сегодняшний день затрудняется сложностью задач, стоящих перед регулируемыми органами, и трудностями организационного характера. Это связано с тем, что государственные структуры вынуждены заниматься не только текущими проблемами миграции, но и проблемами, накопившимися за десятилетия, когда вопросы миграции оставались в стороне от серьезного обсуждения.

В 2006 г. в ходе реформы государственного управления правительство Мьянмы сократило количество министерств с 36 до 21. Среди прочего, в результате реформы вопросы миграционного управления были возложены на различные департаменты министерства труда, иммиграции и народонаселения (MoLIP), которое в т. ч. участвует в международном диалоге по вопросам трудовых ресурсов.

Отдел по делам мигрантов (MD), одно из семи подразделений Министерства труда, возглавляет процесс разработки законов о трудоустройстве за рубежом. Кроме того, он активно участвует в продвижении двусторонних соглашений, аналогичных подписанному с Таиландом Меморандуму о взаимопонимании (MoU). В функции отдела также входит регистрация, обработка и реакция на жалобы трудящихся-мигрантов на несоблюдение прав человека и нарушения обязательств. Это связано с востребованностью услуг в помощи в трудоустройстве за границей, которая приводит в т. ч. и к нарушениям. Агентства по подбору персонала несут ответственность за проверку программ трудоустройства за рубежом при представлении необходимых документов, однако на практике зачастую участвуют в схемах эксплуатации трудящихся-мигрантов или торговли людьми. Отдел по делам мигрантов фиксирует возможные нарушения и имеет полномочия по внесению подобных агентств в черный список, что лишает их возможности заниматься легальным бизнесом по сопровождению трудовой миграции.

В целях повышения безопасности трудящихся-мигрантов и содействия формированию благоприятных условий для их трудоустройства за границей, Министерство труда, иммиграции и народонаселения Мьянмы в сотрудничестве с Федерацией агентств занятости за рубежом (МОЕФА) Мьянмы, гражданскими трудовыми организациями и Международной организацией труда (МОТ) предпринимает усилия по укреплению правовой базы и проведению политики, связанной с управлением трудовой миграцией за рубеж. Тем не менее процесс гармонизации законодательств двух стран и легализации заметного потока мигрантов, многие из которых попадают в Таиланд без полного комплекта необходимых документов, далек от своего завершающего этапа.

Данные Министерства труда Таиланда подчеркивают такие трудности. По состоянию на конец 2019 г. из более чем 1,9 млн мигрантов из Мьянмы, зарегистрированных для работы в Таиланде, 71,8% въехали в страну без полных документов, удостоверяющих личность, и завершили процесс получения удостоверения личности только после прибытия в Таиланд.

В целях информационной поддержки и полноценного учета трудящихся-мигрантов Департамент занятости Министерства труда Таиланда и Управление по делам иностранных работников ежемесячно публикуют на тайском языке всю информацию, связанную с количеством неграждан в Таиланде (пол, национальность,

иммиграционный статус мигрантов, районы прибытия и конкретные населенные пункты проживания, сведения о предприятиях, работодателях и наличии вакантных рабочих мест).

Таиланд реализует и адресные программы поддержки мигрантов, направленные на защиту уязвимых групп населения. Так, кроме вышеописанной процедуры, облегчающей легализацию мигрантов, ставших жертвами торговли людьми, существуют программы, направленные на предоставление базовых услуг детям мигрантов. Медицинское обслуживание и вакцинация детей мигрантов (независимо от иммиграционного статуса их родителей) полностью обеспечиваются за счет бюджетных средств. Кроме того, для получения образования этими детьми, в соответствии с программой 2005 г. правительства Таиланда «Образование для всех», иностранцы школьного возраста (независимо от того, есть ли у их родителей необходимые для проживания в стране документы) имеют право на обучение в государственных школах за счет государственного бюджета.

Заключение

Миграционный обмен между Мьянмой и Таиландом является довольно интенсивным и весьма ощутимым для обеих стран. По различным оценкам, до 3 млн мигрантов из Мьянмы проживают в Таиланде. Причем как для страны исхода, так и для страны приема это является ведущим направлением выезда в первом случае и источником иностранной рабочей силы во втором.

Основной проблемой изучаемого канала миграции остается высокая доля недокументированных и нелегальных мигрантов, что затрудняет для обоих государств процессы управления и контроля за этими миграционными потоками. Затрудненный доступ к бюрократическим процедурам оформления и высокий спрос на иностранную рабочую силу с одной стороны границы и нехватка рабочих мест и сравнительно более низкий уровень оплаты труда с другой стороны границы также провоцируют такие явления, как торговля людьми или как минимум нарушение прав мигрантов при пересечении ими границы и последующем трудоустройстве в Таиланде.

Определенное смягчение политики Таиланда в отношении нелегальных иммигрантов из разных стран благоприятно сказывается на доступе иностранных работников к рынку труда, жилью и базовым благам, в т. ч. предоставляемым государством. Таиланд, выдавая временные паспорта, т. н. Розовые карты, осуществляя национальную верификацию, позволяет мигрантам, нелегально прибывшим в страну, проходить процесс документирования и пользоваться теми же льготами, что и работники, прибывшие в рамках процедур, согласованных в Меморандуме о взаимопонимании между странами. Соглашение о взаимопонимании между Таиландом и Мьянмой полезно для работников из Мьянмы, поскольку может гарантировать их безопасность при пересечении границы и защищает право на труд, а также предоставляет им более полную информацию о процессе трудоустройства и проживания в данной стране. Благодаря предусмотренным в документе процедурам число трудящихся-мигрантов из Мьянмы, арестованных и депортированных из-за незаконного въезда в Таиланд, постепенно сокращается. Кроме того, были приостановлены меры по аресту и пресечению деятельности работников, незаконно прибывших в Таиланд, а выдача свидетельств о гражданстве иностранным работникам, в том числе не имеющим документов работникам из Мьянмы, свидетельствует о позитивном отношении к интеграции нелегальных работников.

Таиланд уделяет большое внимание защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, активно участвует в двустороннем сотрудничестве с официальными лицами Мьянмы и с энтузиазмом подходит к выполнению норм соглашения. Таким образом, Таиланд активно работает над созданием более транспарентного рынка иностранной рабочей силы, гармонизацией норм и предоставляемых прав для легальных и нелегальных трудовых мигрантов, прибывающих в страну. В свою очередь это является одним из аспектов, демонстрирующих мир и прочность отношений «железной плотины» между Таиландом и Мьянмой.

Список литературы

1. *Sarapirom, K. Lifestyles of Myanmar Migrant Workers under Thai Socio-Cultural Context: A Challenge of State Management in the Future / K. Sarapirom, P. Muensakda, T. Sriwana // Interdisciplinary Research Review. 2020. № 15 (5). P. 8–15.*
2. *Arphattananon, T. Education of Migrant Children from Myanmar in Thai Government Schools // Manunya: Journal of Humanities. 2022. № 24 (3). P. 409–425. DOI [10.1163/26659077-24030008](https://doi.org/10.1163/26659077-24030008).*
3. *Flow Monitoring Surveys: Insights into the Profiles and Vulnerabilities of Myanmar Migrants to Thailand (Round Three). Bangkok : International Organization for Migration. 2019. 50 p.*
4. *Chantavanich S. Myanmar Migrants to Thailand: Economic Analysis and Implications to Myanmar Development / S. Chantavanich, P. Vungsiriphisal. Bangkok : Bangkok Research Center, IDE-JETRO. 2012. 69 p.*
5. *Gruss, I. The Emergence of the Temporary Migrant: Bureaucracies, Legality and Myanmar Migrants in Thailand // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2017. № 32 (1). P. 1–35.*
6. *Thailand Social's Outlook of Q2/2022. Bangkok : Office of the National Economic and Social Development Council. 2022. 10 p.*

Сведения об авторах:

Аунг Хлайн Пью, магистрант, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aunghlaynphyo@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9705-0423](https://orcid.org/0000-0001-9705-0423).

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); РИНЦ Author ID: [1133154](https://elibrary.ru/1133154).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации в рамках научного проекта № НШ-53.2022.2.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; принята в печать 28.04.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

LABOR MIGRATION BETWEEN MYANMAR AND THAILAND: APPROACHES TO THE LEGALIZATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS

Aung Hlayn Phyoo

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: aunghlaynphyo@gmail.com

Nikita G. Kuznetsov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Aung Hlayn Phyo. Labor Migration Between Myanmar and Thailand: Approaches to the Legalization and Integration of Migrants / Aung Hlayn Phyo, N. G. Kuznetsov. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 134–143. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.10).

Abstract. Migrant work abroad is seen by Myanmar authorities as a way to help achieve the country's national development goals, reduce poverty and reduce pressure on the domestic labor market. In Thailand's developing economy, the majority of migrant workers are unskilled workers from neighboring countries, most of whom are irregular (or) undocumented. The Thai government still controls the migration and repatriation of irregular Burmese workers through a carrot and stick policy. But controlling the flow from Myanmar is particularly difficult given the long and leaky borders between the two countries, which facilitate informal migration within the entire system of brokers and fees. The article examines the current aspects of the state policy of the two countries aimed at respecting human rights and freedoms during migration between Myanmar and Thailand, normalizing the situation with illegal migration. The main attention is paid to the study of the process of documentation of migrants.

Keywords: Myanmar; Thailand; illegal migration; integration of migrants; migration policy.

References

1. Sarapirom, K. Lifestyles of Myanmar migrant workers under Thai socio-cultural context: A challenge of state management in the future / K. Sarapirom, P. Muensakda, T. Sriwana. *Interdisciplinary Research Review*. 2020. No. 15 (5). P. 8–15.
2. Arphattananon, T. Education of Migrant Children from Myanmar in Thai Government Schools. *Manusya: Journal of Humanities*. 2022. No. 24 (3). P. 409–425. DOI [10.1163/26659077-24030008](https://doi.org/10.1163/26659077-24030008).
3. *Flow Monitoring Surveys: Insights into the Profiles and Vulnerabilities of Myanmar Migrants to Thailand (Round Three)*. Bangkok : International Organization for Migration. 2019. 50 p.
4. Chantavanich S. *Myanmar Migrants to Thailand: Economic Analysis and Implications to Myanmar Development* / S. Chantavanich, P. Vungsiriphisal. Bangkok : Bangkok Research Center, IDE-JETRO. 2012. 69 p.
5. Gruss, I. The Emergence of the Temporary Migrant: Bureaucracies, Legality and Myanmar Migrants in Thailand. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. 2017. No. 32 (1). P. 1–35.
6. *Thailand Social's Outlook of Q2/2022*. Bangkok : Office of the National Economic and Social Development Council. 2022. 10 p.

Bio note:

Aung Hlayn Phyo, Master Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aunghlaynphyo@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9705-0423](https://orcid.org/0000-0001-9705-0423).

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI Author ID: [1133154](https://www.rsci.ru/author/1133154).

Acknowledgements and financing:

The study was carried out with the financial support of The Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation within the framework of scientific project No. NSH-53.2022.2.

Received on 28.02.2023; accepted for publication on 28.04.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.11)

EDN [WEMBVN](https://wembv.n)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЗАМБИИ

Бвалья Чанда

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: 1032195099@rudn.ru

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Для цитирования: Бвалья, Ч. Демографическое развитие и социально-демографическая политика Замбии / Ч. Бвалья, М. Н. Храмова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 144–157. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.11). EDN [WEMBVN](https://wembv.n).

Аннотация. Целью исследования явилось выявление тенденций демографического развития и особенностей социально-демографической политики Республики Замбия в контексте демографического перехода. Основным методом исследования стал статистический анализ демографических данных текущего учета и переписей населения Республики. Источниками информации – данные демографической статистики и демографические обзоры, представленные в материалах национальных агентств и международных организаций системы ООН. Замбия движется по пути демографического перехода, но пока остается одной из самых молодых стран мира по среднему возрасту населения. Ежегодные темпы роста населения значительны – на уровне 2,5–3%. В стране сохраняется высокий уровень рождаемости. По мере того, как многочисленная когорта молодого населения вступит в репродуктивный возраст, население Республики в ближайшую четверть века удвоится. Демографическая ситуация может привести к обострению некоторых социально-экономических проблем, в том числе росту спроса на рабочие места, дефициту медицинского обслуживания и социальных услуг. В этой ситуации государственная социально-демографическая политика Замбии хотя и ориентирована на Цели устойчивого развития ООН до 2030 г., но пока не в полной мере успевает реагировать на демографические изменения. В качестве цели развития страны к 2030 г. властями Республики Замбия поставлено достижение процветающей нации со средним уровнем дохода. В данном контексте важной компонентой остается здоровье рабочей силы. Считается, что здоровая рабочая сила позволит стране повысить производительность труда и заработать значительный демографический дивиденд.

Ключевые слова: Замбия; население; демографические процессы; рождаемость; смертность; демографическая политика.

Введение

Замбия является достаточно большой по площади и богатой природными ресурсами, однако не имеющей выхода к морю и относительно малонаселенной страной в центре региона Южной Африки. Республика движется по пути демографического

перехода, но пока остается одной из самых молодых стран мира по среднему возрасту населения и характеризуется высоким уровнем рождаемости. Ежегодные темпы роста населения остаются на уровне 2,5–3%. Вместе с тем, как только многочисленная когорта молодого населения вступит в репродуктивный возраст, население Замбии в ближайшую четверть века удвоится. Такая демографическая ситуация приведет к обострению некоторых социально-экономических проблем, в том числе росту спроса на рабочие места, дефициту медицинского обслуживания и социальных услуг. В этой ситуации социально-демографическая политика Республики Замбия хотя и ориентирована на Цели устойчивого развития ООН до 2030 г., тем не менее не в полной мере успевает реагировать на демографические изменения.

Методы исследования и источники информации

Цель исследования – выявить тенденции демографического развития и особенности социально-демографической политики Замбии в контексте демографического перехода.

Основным методом исследования стал статистический анализ демографических данных текущего учета и переписей населения Республики Замбия. Источниками информации являются данные демографической статистики и демографические обзоры, представленные в материалах Национального статистического агентства Замбии (Zambia Statistical Agency), Министерства здравоохранения страны (Zambia Ministry of Health), Министерства национального развития и планирования (Zambia Ministry of National Development Planning), Банка Замбии (Bank of Zambia), Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), Программы развития ООН (UNDP), Учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO), Всемирного банка (World Bank), Комиссии Африканского Союза (African Union Commission, AUC), Экономической комиссии для стран Африки (Economic Commission for Africa, ECA). Также были проанализированы нормативные законодательные акты и программы социально-демографического развития Замбии, в том числе VI Национальный план развития (Sixth National Development Plan 2011–2015), VII Национальный план развития (Seventh National Development Plan 2017–2021), Национальная политика в области населения (National Population Policy, 2019).

Замбия имеет короткую историю сбора данных о населении. Первая всеобщая перепись населения проводилась только через четыре года после обретения политической независимости в 1969 г. Следующая перепись была проведена 11 лет спустя, в 1980 г. С тех пор переписи населения и жилого фонда (Zambia Population and Housing Census) осуществлялись раз в десять лет: 1990, 2000, 2010 гг. [1, 2] Пандемия COVID-19 сместила даты проведения шестой переписи, которая должна была состояться в 2020 г. В ходе переписей населения Замбии собирались данные о постоянном и наличном населении. Фактические подсчеты включали наличное население, т. е. реально проживающих жителей, а также посетителей (фактически присутствовавших в жилье в момент переписи). Подсчет постоянного населения включал реально присутствовавших жителей и временно отсутствующих, но обычно проживающих в этом жилом помещении или квартире¹.

¹ Zambia Population and Housing Census Data, 1969–2010 // Zambia Data Portal : [site]. URL: <https://zambia.opendataforafrica.org/juedax/zambia-population-and-housing-census-data-1969-2010?region=1000000-zambia> (accessed on 14.04.2023).

Теоретические аспекты исследования

Исследование опирается на теорию демографического перехода (Ф. Ноутстайн), в которой демографический переход трактуется, с одной стороны, как объективный процесс кардинального изменения параметров демографического развития, а с другой стороны, теория рассматривает демографическую трансформацию обществ от высокой рождаемости и высокой смертности в обществах с минимальным развитием технологий, образования, медицины, низким уровнем экономического развития к модели развитого общества с низкой рождаемостью и низкой смертностью. Экономическое развитие приводит к снижению уровня смертности. Соотношение между рождаемостью и смертностью меняется по мере экономического развития, и страна должна пройти разные этапы роста населения. Конечно, демпереход произошел во многих экономически развитых государствах, но теория зачастую полностью неприменима к отдельным странам из-за конкретных социальных, политических и экономических факторов.

Очевидно, что государства Африки позже других частей мира включились в процесс демографического перехода. Здесь необходимо отметить, что в африканских странах существует дефицит объективных демографических данных. Причиной сложности их сбора является непредсказуемая и активная миграция населения, отсутствие регулярных переписей населения. Кроме того, в некоторых государствах системы сбора демографических данных имеют краткосрочную историю. Например, Республика Сомали появилась 1 июля 1960 г. на месте так называемого Британского Сомалиленда, которому 25 июня 1960 г. Соединенным Королевством была предоставлена независимость, и его объединением с итальянской подопечной территорией Сомали. Только с этого времени были предприняты усилия по формированию системы сбора демографических данных.

Однако даже непродолжительные по времени и неполные по охвату ряды демографических данных на национальном и международном уровнях в странах Африки позволяют фиксировать активизацию процессов демографической трансформации в данной части мира в последние десятилетия. С 2000 г. на африканском континенте в целом наблюдается устойчивый экономический рост. ВВП стран Африки к югу от Сахары вырос с 397 млрд долл. США в 2000 г. до 1 700 млрд долл. США в 2018 г. Этот рост привел не только к значительному прогрессу с точки зрения экономической диверсификации и создания достойных рабочих мест, но и к социальным изменениям, отразившимся на демографических процессах [3].

Вместе с тем исторические, политические и социокультурные процессы накладывают существенный отпечаток на демографическую трансформацию африканских государств. Прежде всего следует отметить, что в странах Африки существует колоссальное неравенство, связанное с доходами (расслоение, бедность, нищета), этнической принадлежностью, возрастом, полом, географическим положением. К примеру, девочки и женщины имеют гораздо меньше возможностей для получения образования и доступа к услугам здравоохранения, чем мальчики и мужчины. Население сельской местности значительно беднее по сравнению с жителями городов. Неслучайно Организация африканского единства и Экономическая комиссия для Африки в 1994 г. в докладе отмечали: «В африканских странах снижение рождаемости происходит благодаря развитию базового образования, особенно среди девочек, распространению программ контрацепции и планирования семьи, а в конечном итоге это позволяет лучше контролировать рождаемость и улучшать качество жизни насе-

ления» [4].

Демографические трансформации в африканских государствах в значительной мере зависят и от широкого распространения традиционных обычаев, в том числе ранних браков, калечащих операций на женских половых органах, распространения небезопасных абортов. До сих пор сильны в африканских обществах стереотипы, связанные с гендерными ролями и семейными, общественными и общественными нормами. Отсюда вытекает крайне неравное положение женщин, что выражается в личном правовом статусе, ограничениях на владение землей, недвижимым и движимым имуществом, ограничении к доступу к кредитам, рынку труда, возможностям удовлетворения потребностей в области репродуктивного здоровья.

Большинство стран Африки имеет молодую возрастную структуру населения. Поэтому закономерно, что в 2017 г. темой года для стран Африканского союза стало использование демографического дивиденда путем инвестирования в молодежь. Экономическая комиссия ООН для Африки, Африканская группа Банка развития, Новое партнерство для развития Африки и ЮНФПА разработали дорожную карту с упором на репродуктивную занятость, образование и здравоохранение в качестве основных инвестиционных секторов². Вместе с тем не все африканские страны до сих пор осознают возможности, которые им предоставляет «демографический дивиденд».

Важную роль в демографическом развитии стран региона играют политические процессы, которые буквально на глазах изменяют численность населения и даже формируют новые этнорасовые группы. Порой эти последствия не может зафиксировать демографическая статистика, но они кардинальным образом меняют численность населения и характер демографических процессов государств.

Например, огромные демографические потери населения имел геноцид в Руанде: диапазон оценок колеблется от 500 тыс. до 1 млн погибших. А после Занзибарской революции 1964 г. на островах Унгуджа и Пемба (известны как Занзибар, входят в состав Танзании) появились сообщения о массовом сексуальном насилии и принудительных браках женщин арабского, индийского и персидского происхождения с местным африканскими мужчинами. В результате сформировались новые этнокультурные сообщества с индо-персидской, афро-арабской, афро-персидской, индо-африканской идентичностью.

Итак, демографический переход в странах Африки происходит неравномерно. К примеру, в регионе Северной и Западной Африки по характеру демографических процессов в контексте демографического перехода можно выделить три группы государств:

1. Три беднейших и наименее урбанизированных страны Сахеля (Нигер, Чад, Мали) находятся на первой стадии демперехода. Здесь уровень рождаемости превышает 40‰ и составляет 41–45 рождений на 1 000 жителей, что выше даже теоретических модельных цифр (40‰). Одновременно быстро снижается уровень смертности, который составляет в настоящее время 8–12 смертей на 1 000 жителей, что ниже репрезентативных цифр для первой фазы демографического перехода (15–40‰). В результате страны имеют максимальные темпы демографического роста на континенте: 3,8% – в Нигере, по 3% – в Чаде и Мали (2019 г.). Такие темпы роста привели

² Africa and the Challenge of Realizing the Demographic Dividend // Population Reference Bureau : [site]. URL: <https://www.prb.org/wp-content/uploads/2013/04/africa-demographicdividend-challenges.pdf> (accessed on 14.04.2023).

к удвоению населения менее чем за 19 лет в Нигере и менее чем за 24 года в Чаде и Мали.

2. Другие государства Сахеля и Западной Африки находятся на втором этапе демографического перехода. Такая фаза характеризуется резким падением рождаемости и замедлением снижения смертности. Нигерия и Сьерра-Леоне – страны, показатели которых соответствуют теоретической модели, с уровнем рождаемости 25–40‰ и уровнем смертности 10–15‰. Уровень смертности в остальных странах этого региона составляет от 5 до 10‰, что ниже модели для этой фазы (10–15‰).

3. Кабо-Верде и страны Северной Африки активно продолжают демографический переход. Уровень смертности составляет менее 10‰, что в целом соответствует цифрам теоретической модели. Однако общий коэффициент рождаемости составляет от 17‰ до 23‰, что характерно для третьей фазы перехода. Из-за относительно высокой рождаемости естественный прирост населения в этих государствах выше, чем в странах, достигших нового демографического равновесия. Для сведения: еще до начала 1980-х гг. в некоторых странах Северной Африки и Кабо-Верде уровень рождаемости превышал 40‰³.

Аналогичная демографическая дифференциация отмечается на юге Африки.

Динамика численности и воспроизводство населения Замбии

Численность населения Республики Замбия на начало 2023 г. составляла 19 690 тыс. человек, или около 0,24% от общей численности населения мира. Страна занимает 62-е место в мире по численности населения и 22-е место среди африканских государств. С 2019 по 2020 г. темпы роста населения Замбии составили 2,93%, что прибавило стране около 523 тыс. человек. В 2020 г. около 45% населения Республики проживали в городах – это 8,3 млн человек. Хотя в Замбии наблюдается миграционный отток населения, тем не менее происходит довольно быстрый рост численности населения, что создает серьезные проблемы для социально-экономического развития, прежде всего, способствует росту уровня бедности и нехватке ресурсов. Кроме того, власти не успевают адаптировать программы общественного здравоохранения к изменяющейся численности населения и молодежи. Некоторые количественные демографические показатели Замбии представлены в табл. 1.

Таблица 1
Количественные демографические показатели Замбии в 2010–2022 гг.

Table 1

Quantitative demographic indicators of Zambia in 2010–2022

Годы	Население на начало года (человек)	Рост населения (%)	Плотность населения (человек на км ²)	Ранг страны по численности населения в мире	Ранг страны по плотности населения в мире
2010	13 605 984	2,79	18,31	70	193
2015	15 879 361	3,14	21,37	69	192
2017	16 853 599	3	22,68	68	192
2018	17 351 708	2,96	23,35	65	191

³ World Population Prospects: The 2017 Revision // United Nations : [site]. URL: <https://www.un.org/ru/desa/world-population-prospects-2017-revision> (accessed on 14.04.2023).

Годы	Население на начало года (человек)	Рост населения (%)	Плотность населения (человек на км ²)	Ранг страны по численности населения в мире	Ранг страны по плотности населения в мире
2019	17 861 030	2,94	23,99	65	191
2020	18 383 955	2,93	24,73	65	190
2021	18 920 651	2,95	25,45	65	189
2022	19 470 234	2,93	26,19	62	187

Источник: составлено авторами по данным World Population Review⁴

Замбия находится на втором этапе демографического перехода: страна имеет высокую рождаемость, несмотря на использование замужними женщинами (около 45%) современных противозачаточных средств. Суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. составлял 6,1 рождения на одну женщину, а к 2020 г. снизился до 4,66 рождений на женщину, но высокий уровень рождаемости по-прежнему увеличивает численность населения Республики. Общий коэффициент рождаемости также снижался – с 41,2 в 2010 г. и 35,8 родившихся на 1 тыс. человек (рис. 1). Фиксируемое снижение рождаемости в Замбии обусловлено такими факторами, как воздействие информирования о преимуществах планирования семьи для борьбы с бедностью, увеличение стоимости воспитания детей, улучшение социально-профессиональных возможностей для женщин, рост долговой нагрузки молодежи за образование.

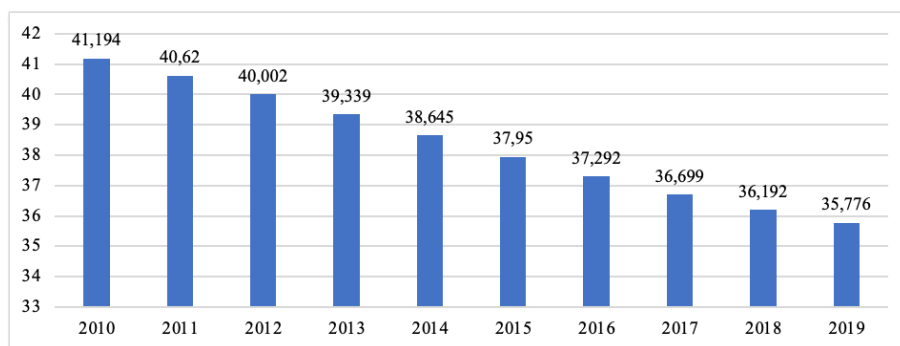

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости в Замбии в 2010–2019 гг. (рождений на 1 000 человек)

Fig. 1. Total fertility rate in Zambia in 2010–2019 (births per 1,000)

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка⁵

Фактически Замбия в настоящее время сталкивается с двойным бременем инфекционных и неинфекционных заболеваний. К инфекционным заболеваниям относятся ВИЧ/СПИД, туберкулез, малярия, респираторные инфекции. Много жизней уносят неинфекционные заболевания (рак, диабет и сердечные заболевания), а также травмы и несчастные случаи. Велика роль материнской и репродуктивной заболе-

⁴ Zambia Population 2023 // World Population Review : [site]. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/zambia-population> (accessed on 04.04.2023).

⁵ World Bank Open Data // World Bank : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?end=2019&locations=ZM&start=2010> (accessed on 04.04.2023).

ваемости и смертности в Замбии. Постепенно численность умерших уменьшается, что связано с мерами безопасности, передовыми технологиями и медициной. Например, охват замбийцев иммунизацией увеличился: с 68% в 2014 г. до 75% в 2018 г. В результате в 2020 г. уровень смертности замбийцев составил 6,2 умерших на 1 тыс. человек (табл. 2).

Таблица 2

Общий коэффициент смертности в Замбии в 2010–2019 гг.
(умерших на 1 тыс. человек)

Table 2

Total mortality rate in Zambia in 2010–2019
(deaths per 1,000)

Годы	Уровень смертности (умерших на 1 тыс. человек)	Рост/снижение смертности
2010	10,625	-6,8%
2011	9,846	-7,3%
2012	9,066	-7,9%
2013	8,287	-8,6%
2014	7,945	-4,1%
2015	7,603	-4,3%
2016	7,260	-4,5%
2017	6,918	-4,7%
2018	6,576	-4,9%
2019	6,476	-1,5%
2020	6,377	-1,5%
2021	6,277	-1,6%
2022	6,178	-1,6%

Источник: составлено авторами по данным Всемирного банка⁶

Младенческая смертность снизилась с 70 смертей на 1 тыс. живорождений в 2007 г. до 45 смертей на 1 тыс. живорождений в 2014 г. Детская смертность в возрасте до пяти лет сократилась со 119 в 2007 г. до 75 смертей в 2014 г. Коэффициент детской смертности снизился с 31 случая смерти на 1 тыс. живорождений в 2014 г. до 19 случаев смерти в 2018 г.

Также постепенно снижается материнская смертность: 729 смертей на 100 тыс. живорождений в 2002 г., 398 смертей на 100 тыс. живорождений в 2014 г., 252 случаев в 2018 г.

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения Замбии в последние десятилетия растет, но пока отстает от соседних стран – ЮАР и Ботсваны. Если в 1990 г. ОПЖ замбийских мужчин составляла 46,1 лет, а женщин – 47,6 лет, то к 2020 г. она возросла до 60,3 лет и 65,7 лет соответственно. Демографический прогноз свидетельствует о том, что к 2050 г. ОПЖ составит 64,6 и 69,5 лет соответственно (рис. 2).

⁶ World Bank Open Data // World Bank : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?end=2019&locations=ZM&start=2010> (accessed on 04.04.2023).

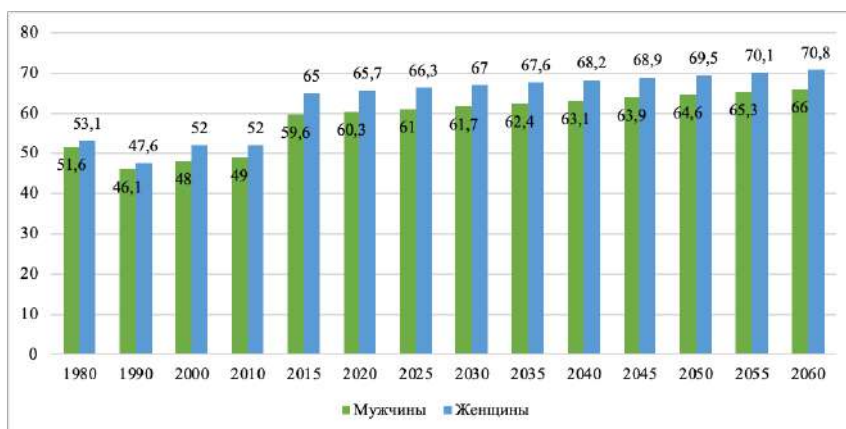

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни населения при рождении в Замбии в 1980–2060 гг. (лет)

Fig. 2. Life expectancy at birth in Zambia in 1980–2060 (years)

Источник: составлено авторами по данным PopulationPyramid.net⁷

Замбия относится к числу стран с наиболее молодым населением. Так, в 2015 г. медианный возраст замбийцев составлял 16 лет. Постепенно медианный возраст населения растет: в 2020 г. – 16,8 лет, к 2025 г. – 17,6 лет, 2050 г. – 23 года (рис. 3).

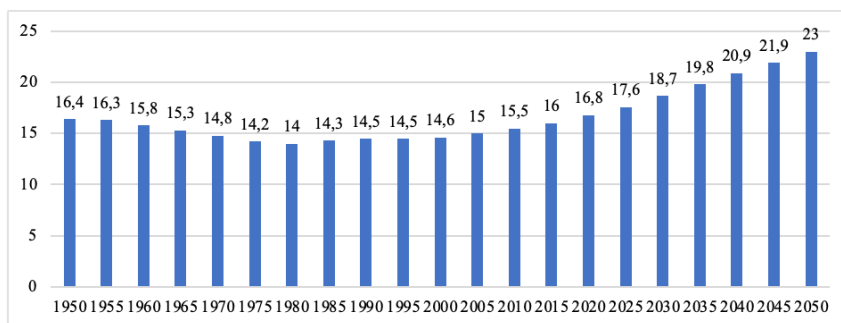

Рис. 3. Динамика медианного возраста населения Замбии в 1950–2050 гг. (лет)

Fig. 3. Dynamics of the median age of the Zambian population in 1950–2050 (years)

Источник: составлено авторами по данным Statista⁸

Данные 2020 г. показывают наличие в Замбии значительной доли детей и молодежи (до 15 лет) – более 45% населения. Граждане в возрасте до 35 лет составляют 82% от общей численности населения (рис. 4).

⁷ Population Pyramids of the World from 1950 to 2100 // PopulationPyramid.net : [site]. URL: <https://www.populationpyramid.net/zambia/2020/> (accessed on 05.04.2023).

⁸ Zambia: Average age of the population from 1950 to 2100 // Statista : [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/457744/average-age-of-the-population-in-zambia/> (accessed on 05.04.2023).

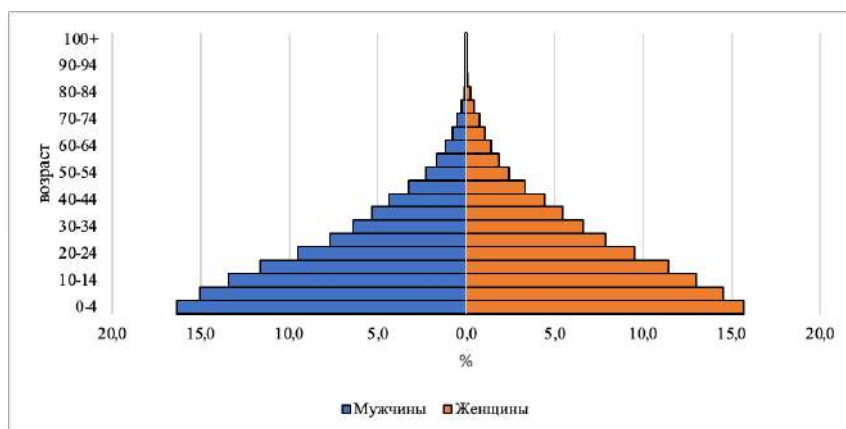

Рис. 4. Половозрастная структура населения Замбии в 2020 г.

Fig. 4. Gender and age structure of the population of Zambia in 2020

Источник: составлено авторами по данным PopulationPyramid.net⁹

Учитывая высокий уровень рождаемости, в течение следующей четверти века возрастная структура населения будет оставаться относительно молодой. Молодежь обеспечивает потенциал для дальнейшего роста населения Замбии. У страны есть потенциал для получения демографического дивиденда от возрастной структуры населения.

Демографический потенциал экономики, занятость и миграция населения Замбии

В 2019 г. население трудоспособного возраста (15 лет и старше) в Республике составляло 9 706 тыс. человек, из них 3 423 тыс. человек относились к рабочей силе и 6 282 тыс. человек были потенциальной рабочей силой. В 2019 г. численность занятых в стране оценивалась в 2 995 тыс. человек. Отношение занятых к общей численности населения составило около 31%.

Число официально занятых было равно 941 тыс. человек, а численность неформально занятых – 2 053 тыс. человек. Отношение занятых мужчин и женщин к численности населения соответствующих групп составило 39% и 23% соответственно. Численность безработного населения составила 428 тыс. человек. Из общего числа безработных 173 тыс. человек проживали в сельской местности, а 255 тыс. человек – в городах.

В Замбии на формальный сектор, неформальный сектор и домашние хозяйства приходится 46%, 31% и 23% занятости соответственно. У мужчин больше шансов трудоустроиться официально (около 66%), чем неформально (61%). У женщин официально трудоустроенных 34%, а неформально занятых – около 39%. В домашних хозяйствах занято больше женщин (51%), чем мужчин (49%). В сельской местности выше занятость в сельском хозяйстве и неформальном секторе.

В 2020 г. численность занятых в Замбии составляла 2 988 тыс. человек, в том числе 1 789 тыс. мужчин и 189 тыс. женщин. Большая часть занятых замбийцев концентрировалась в городах – 1 972 тыс. человек, а меньшая часть в деревнях – 1 015 тыс.

⁹ Population Pyramids of the World from 1950 to 2100 // PopulationsPyramid.net : [site]. URL: <https://www.populationpyramid.net/zambia/2020/> (accessed on 05.04.2023).

человек (табл. 3). Доля занятого населения в неформальной экономике Республики в сельской местности составляла 77%, а в городах – 56%. При этом отмечался рост формальной экономики, которая в 2019–2020 гг. выросла на 10%. Из общего числа занятых молодежь составляла около 64%. Большинство молодых замбийцев заняты в неформальной экономике. Высокий уровень занятости населения Замбии в неформальном секторе является одним из значимых рисков устойчивого экономического развития страны, а также оказывает влияние на возможности расширения государственных программ в области образования и здравоохранения.

Таблица 3

Распределение занятого населения Замбии по полу и местности проживания в 2020 г. (человек)

Table 3

Distribution of the employed population of Zambia by gender and residence locality in 2020 (people)

Место проживания	Оба пола	Мужчины	Женщины
Всего	2 988 379	1 798 821	189 558
Город	1 972 656	1 176 522	796 134
Сельская местность	1 015 723	622 299	393 424

Источник: составлено авторами по данным Статистического агентства Замбии¹⁰

В Республике широко распространен детский труд. Среди детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет работают около 16%, в том числе среди девочек – 18%, среди мальчиков – около 14%. В Западной провинции страны среди детей и подростков работали 24%. Главным образом, детский труд распространен в сельскохозяйственном секторе. Дети и подростки привлекаются к сельхозработам, в том числе выпасу скота. Иногда родители выплачивая долги, отправляют своих детей, особенно маленьких мальчиков, работать у кредиторов пастухами. Сироты, уличные дети, дети-инвалиды и дети из бедных семей особенно уязвимы к эксплуатации в сельском хозяйстве.

Миграция в Замбии имеет устойчивый отрицательный вектор – эмиграция преобладает над иммиграцией. Многие граждане Республики уезжают в качестве временных трудовых мигрантов и постоянных жителей в более развитую соседнюю ЮАР. В 2020 г. относительное сальдо международной миграции составляло -0,47 человек на 1 тыс. населения. Также в Замбии происходят миграции по причине стихийных бедствий (наводнения, засухи) и техногенных катастроф. Нужно отметить, что мигранты страдают от инфекционных заболеваний, особенно ВИЧ и туберкулеза. Воздействие миграции на неинфекционные заболевания и условия, такие как питание, здоровье матери и ребенка, сексуальное, репродуктивное и психическое здоровье остаются пока недостаточно изученным.

Социально-демографическая политика Республики Замбия

В качестве цели развития страны к 2030 г. властями Замбии поставлено достижение процветающей нации со средним уровнем дохода [5]. В данном контексте важным компонентом является здоровье рабочей силы. Считается, что здоровая рабочая

¹⁰ 2020 Labour Force Survey Report// Ministry of Labour and Social Security of Zambia : [site]. URL: <https://www.mlss.gov.zm/wp-content/uploads/2022/03/2020-Labour-Force-Survey.pdf> (accessed on 05.04.2023).

сила позволит стране повысить производительность труда и заработать значительный демографический дивиденд.

В настоящее время в Замбии осуществляется национальная политика в области социальной защиты, принятая в 2014 г. и основанная на принципах социальной помощи, социального страхования, расширения прав и возможностей населения. Власти страны предпринимают усилия для обеспечения социальной защиты и обеспечения роста доходов бедных. Такой подход имеет место в правительственных документах среднесрочного и долгосрочного планирования. В них отмечается стратегическое значение социальной защиты в планировании национального развития. Многие документы национального развития основаны на Целях устойчивого развития ООН на период до 2030 г. [6].

Седьмой национальный план развития Республики Замбия признает важное место социальной защиты в сокращении бедности и уязвимости, снижении неравенства в доходах, содействии потребности домохозяйств в области безопасности пищевых продуктов и питания, улучшения доступа к здравоохранению. Национальный план развития предусматривает внедрение в национальную систему социальной защиты механизмов, направленных на усиление координации, улучшение охвата и адресности программ, а также реализацию пенсионной реформы [7]. Конкретными механизмами являются программа социальных денежных выплат и пакет продовольственной безопасности. По состоянию на 2020 г. программа социальных денежных переводов поддерживала 700 тыс. домохозяйств, а пакет продовольственной безопасности – 80 тыс. домохозяйств.

В стране осуществляется несколько схем социального страхования, которые предоставляют пособия, в том числе по старости, в связи с потерей кормильца, по инвалидности и в связи с производственной травмой. Существуют накопительные пенсионные схемы, которые поддерживаются Национальным управлением пенсионных схем, Пенсионным фондом, органами власти. Есть схемы медицинского обеспечения и схемы обеспечения защиты работников в случае производственного травматизма. Охват населения Замбии социальным страхованием по состоянию на 2018 г. составляет 780 тыс. человек (около 12% занятого населения) и около 15 тыс. пенсионеров (2,5% в возрасте 60 лет и старше). К концу 2020 г. в национальной системе медицинского страхования были зарегистрированы 540 тыс. бенефициаров.

У властей страны немалую озабоченность вызывает создание достойных условий труда на различных рабочих местах. Так, например, существует общая тенденция к созданию достойных условий труда для уязвимых групп населения: женщин, инвалидов, людей с ВИЧ/СПИД. Вместе с тем работодателями не полностью учитываются дифференцированные потребности в области безопасности и гигиены труда лиц с ограниченными возможностями и людей, живущих с ВИЧ/СПИД. Большинство рабочих мест не отвечает требованиям правил охраны труда и здоровья, трудовое законодательство не соблюдается должным образом. Пока недостаточно социальных условий создано для беременных женщин и инвалидов.

Оценка существующей среды на предприятиях Замбии в 2013 г. показала, что бизнес-среда имеет проблемы в области инфраструктуры, образования, обучения на протяжении всей жизни, предоставления правовых гарантий, адекватной социальной защиты. Несмотря на то, что в Республике были предприняты некоторые усилия для решения выявленных проблем и улучшения бизнес-среды, сложностей все еще остается много (высока стоимость ведения бизнеса, значительная доля занятых со-

средоточена в неформальной экономике, не проводятся реформы по трансформации занятости из неформальной в формальную).

В целях улучшения ситуации правительством Замбии были приняты несколько документов: Закон о регулировании бизнеса № 3 от 2014 г.; Закон о национальной занятости, труде, рыночной политике; Закон о промышленных и трудовых отношениях; Глава 269 Закона о Трудовом кодексе № 3 от 2019 г.; Закон об условиях занятости. Осуществляется ряд мер для молодого населения: реализуется стратегия охраны здоровья подростков в школах; открываются кредитные возможности; поддерживается создание кооперативов; создаются лагеря по развитию навыков для деятельности по развитию молодежи. Однако, учитывая молодую возрастную структуру населения и численность молодежи в стране, данных мер явно недостаточно.

Устранение пробелов в координации, расширении охвата, увеличении финансирования и совершенствовании законодательства в области социально-демографического развития будет способствовать укреплению человеческого потенциала Республики Замбия.

Список литературы

1. Zambia 2000 Census of Population and Housing: Population Projections Report. Lusaka : Zambia Central Statistical Office, 2003. 456 p.
2. Zambia 2010 Census of Population and Housing. Vol. 11. National Descriptive Tables. Lusaka : Zambia Central Statistical Office, 2012. 406 p.
3. Human Development Report. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. New York : United Nations. 2014. 239 p. ISBN 978-92-1-126368-8.
4. *Mubila, M.* Africa's Demographic Trends. Briefing Notes for AfDB's Long-Term Strategy. Briefing Note 4. Abidjan : African Development Bank Group, 2012. 11 p.
5. Zambia's Vision 2030: A Prosperous Middle-Income Nation by 2030. Lusaka : Government of the Republic of Zambia, 2015. 42 p.
6. Sixth National Development Plan 2011–2015: Sustained Economic Growth and Poverty Reduction. Lusaka : Government of the Republic of Zambia, 2011. 235 p.
7. 7th National Development Plan 2017–2021. Vol. I. Lusaka : Ministry of National Development Planning, 2017. 147 p.

Сведения об авторах:

Бвалья Чанда, магистрант, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1032195099@rudn.ru; ORCID ID: [0009-0007-0678-6410](https://orcid.org/0009-0007-0678-6410).

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, и. о. директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта по поддержке ведущих научных школ № НШ-53.2022.2.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; принята в печать 06.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND SOCIAL-DEMOGRAPHIC POLICY IN ZAMBIA

Chanda Bvalia

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: 1032195099@rudn.ru

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

For citation: Bvalia, Chanda. *Demographic Development and Social-Demographic Policy in Zambia* / Ch. Bvalia, M. N. Khramova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2, P. 144–157. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.11).

Abstract. The purpose of the study was to identify trends in demographic development and features of the socio-demographic policy of the Republic of Zambia in the context of the demographic transition. The main research method is the statistical analysis of the demographic data of the current registration and population censuses of the Republic. The sources of information are demographic statistics and demographic surveys presented in the materials of national agencies and international organizations of the UN system. Zambia is on the path of the demographic transition, but so far remains one of the youngest countries in the world in terms of the average age of the population. The annual population growth rate remains significant at the level of 2.5–3%. The country maintains a high birth rate. As a large cohort of young people enter their reproductive years, the population of the Republic is expected to double in the next 25 years. The demographic situation may exacerbate some socio-economic problems, including an increase in demand for jobs, a shortage of medical care and social services. In this situation, the state socio-demographic policy of Zambia, although focused on the UN Sustainable Development Goals until 2030, has not yet fully responded to demographic changes. By 2030, the authorities of the Republic of Zambia have set the achievement of a prosperous nation with an average income as the goal of the country's development by 2030. In this context, the health of the workforce remains an important component. It is considered that a healthy workforce will allow the country to increase productivity and gain a significant demographic dividend.

Keywords: Zambia; population; demographic processes; fertility; mortality; population policy.

References

1. *Zambia 2000 Census of Population and Housing: Population Projections Report*. Lusaka : Zambia Central Statistical Office, 2003. 456 p.
2. *Zambia 2010 Census of Population and Housing*. Vol. 11. National Descriptive Tables. Lusaka : Zambia Central Statistical Office, 2012. 406 p.
3. *Human Development Report. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience*. New York : United Nations. 2014. 239 p. ISBN 978-92-1-126368-8.
4. Mubila, M. Africa's Demographic Trends. *Briefing Notes for AfDB's Long-Term Strategy*. Briefing Note 4. Abidjan : African Development Bank Group, 2012. 11 p.
5. *Zambia's Vision 2030: A Prosperous Middle-Income Nation by 2030*. Lusaka : Government of the Republic of Zambia, 2015. 42 p.
6. *6th National Development Plan 2011–2015: Sustained Economic Growth and Poverty Reduction*. Lusaka : Government of the Republic of Zambia, 2011. 235 p.
7. *7th National Development Plan 2017–2021*. Vol. I. Lusaka : Ministry of National Development Planning, 2017. 147 p.

Bio note:

Chanda Bvalia, Master's Student, RUDN University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1032195099@rudn.ru; ORCID ID: [0009-0007-0678-6410](https://orcid.org/0009-0007-0678-6410).

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Acting Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Acknowledgments and financing:

The research was carried out with financial support from the Grants Council of the President of the Russian Federation as part of the Scientific Project for the Support of Leading Scientific Schools No. NSH-53.2022.2.

Received on 06.04.2023; accepted for publication on 06.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.12)

EDN [WBGGLO](https://www.edn.ru/WBGGLO)

REGIONAL MIGRATION GOVERNANCE: APPROACHES OF THE EU AND ASEAN DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Nguyen Manh Hung

People's Security Academy, Hanoi, Viet Nam

E-mail: nguyenmanhhung1010@gmail.com

Le Duc Anh

Diplomatic Academy of Viet Nam, Hanoi, Viet Nam

E-mail: ducanhle.cit@gmail.com

For citation: Nguyen Manh Hung. Regional Migration Governance: Regional Migration Governance: Approaches of the EU and ASEAN during the COVID-19 Pandemic / Nguyen Manh Hung, Le Duc Anh. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 158–167. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.12).

Abstract. Migration is a historical issue that exists along with the evolution of humanity. It becomes more pressing when society faces new challenges such as a pandemic. Unless governed by appropriate legislation, policy, and practice under the rule of law consistent with international norms, migration entails numerous social and economic problems including abuse and exploitation of migrants at work, denial of social protection, disruption of social cohesion, family disintegration, reduced productivity, and lost opportunities for development. Due to its urgency and comprehensiveness, impossibility of reducing only to the state level, the contemporary approach to the issue of migration should include policy analysis of the activities of international organizations. This paper theorizes the dynamics of regional migration governance as well as the interaction, the relationship between countries, and multilateral institutions within a region. The purpose of the research is to investigate the current role and practical course of activities of these two typical regional institutions (the EU and ASEAN) and examine whether and to what extent there was an approach to migration issues due to the COVID-19 pandemic.

Keywords: migration; regional governance; the COVID-19 pandemic; EU; ASEAN.

Introduction

International migration has shifted from being solely a domestic issue to being a major area of concern for global governance. Regions have developed as significant stakeholders in these initiatives. The Global Compact for Safe, Regular, and Orderly Migration and the Global Compact on Refugees, both adopted by the United Nations in December 2018, recognize this. The Compacts refer to such areas as laboratories for pursuing agreed-upon goals including establishing legal paths for migration, enhancing human rights, or safeguarding refugees in an effort to strengthen cooperation across the world. Nevertheless, it is unclear and purposefully left undefined in the two compacts what makes a region, what the necessary institutions are, much alone what defines the role of the regional institutions on migration governance [1].

Migration has always been a result of push and pull factors that have affected both individuals and large groups of people, and it is a fundamental aspect of social and economic progress and transformation. The biggest push factors are those that have to do with safety, hunger, poverty, and avoiding war and terrorism. The yearning for a better life, the potential for employment and education, the chance of family reunion, and financial concerns

are the push forces at the same time. Numerous fields of study have been established in migration research up to this point, including migration and human rights, labor and migration, migration and the environment, migration and intercultural relations, and so forth. Additionally, there are many other disciplines of migration research. In this paper, the authors shed light on the interdisciplinary approach to the governance of migration issues at the regional level (the EU and ASEAN).

The COVID-19 pandemic started in China in late 2019 and spread throughout the globe through international travel, having immediate and enormous effects. The pandemic sparked a catastrophe unlike any other in human history because it practically touched the entire planet, which has never happened before. Radical actions have been taken by many organizations and states to stop the infection, save the populace, and the economy. The pandemic has brought to light a variety of issues and deficits globally, “from the number of intensive-care beds to the size of the workforce, the inability to provide enough masks and to deploy testing in some countries, and deficiencies in the research for and supply of drugs and vaccines”¹. These breakthroughs have brought the search for vaccination to a global level (until it is found). However, it has also been demonstrated that vaccinations, once created, have turned into an instrument in geopolitical conflict as a way to make huge sums of money. The pandemic has also altered how migratory issues are approached, which is something the authors intend to discuss in more detail.

Methods

A rise in scholarly interest in the subject correlates with the increased political focus on regionalism, and regional institutions in migratory governance, which is generally characterized as an institutionalized form of policy-making by public and private players. A body of literature demonstrates the diversity and fragmentation of regional methods. In general, this research can be divided into two major categories: approaches that are more legal and political science focused, looking primarily at inter-state, intergovernmental processes, and formalized institutional dynamics; and approaches that are more sociologically motivated, focusing on the role of non-state and civil society actors in addition to informal relations.

In the first perspective, assessments have contrasted the emergence of regional refugee regimes with the expansion of free movement regimes connected to regional integration frameworks. A. Geddes et al. emphasize the variety of understandings and representations of the causes and impacts of migration by taking a more interpretative approach and basing their analyses on case studies from various world locations [2; 3]. S. Lavenex connecting with the institutionalist literature on regime complexity tracks the institutionalization of free movement, migration restriction, refugee, and migrant rights policies in various world areas, comparing their extent, legalization, and integration. Sociologists and other researchers with an interest in how non-state entities affect the process and style of governance have suggested an alternative viewpoint [4]. Understanding the complex and perhaps less obvious dynamics of policymaking (and its politics) in regional settings requires an understanding of this perspective. Contrarily, research on migration governance “from below” highlights the contributions made by members of civil society, such as labor unions, and their global networks in delivering regional responses, either independently or in

¹ Gurria, A. Coronavirus (COVID-19): Joint actions to win the war // OECD : [site]. 2020. URL: <https://www.oecd.org/about/secretary-general/Coronavirus-COVID-19-Joint-actions-to-win-the-war.pdf> (accessed on 18.03.2023).

conjunction with state-led initiatives [5].

The impact of these policies on regional migration policies and institutions overseas, as well as how regional institutions influence the implementation of transregional externalization policies, are, however, rarely discussed in this emerging field of research. A few studies have looked at how international organizations might support regional initiatives, in part by acting as state funders' agents. As a result, the authors propose an analytical framework for studying regional migration governance that centers on the interplays between governance levels focusing on the relationship between regions, and multilateral institutions through two cases of study (the EU and ASEAN) on their approach to the issue of migration during the COVID-19 pandemic. To achieve research objectives, in this paper, the authors use basic research methodologies in social sciences, and international relations to analyze the policies of the EU and ASEAN and evaluate them based on the data and statistics collected from official documents of the EU, the ASEAN, Frontex, Eurostat, etc.

Results

The subsequent wave of regional initiatives focused on efforts to integrate the economy so that employees and other residents could move around more easily. Since the 1980s in particular, cooperation on refugee protection has increased, resulting in the spread of both formal, legally binding regional agreements and informal procedures. Since the 1990s, new regional cooperation efforts through so-called Regional Consultation Processes (RCPs) have adopted a securitarian orientation and prioritized the prevention of irregular migration as well as the fight against human trafficking and smuggling. This agenda has gained a lot of traction in the European Union, but it has also extended internationally thanks to RCPs. These unofficial intergovernmental networks have developed largely independently of other regional migratory entities (including ASEAN), and they are more strongly influenced by major destination nations that are located inside or outside the area. This is demonstrated by the International Organization for Migration (IOM)'s leadership in RCPs, an organization that is project-based and receives the majority of its financing from the EU [3]. Although all of these initiatives are categorized as "top-down," or state-led governance, there are significant differences in their level of formalization, the legality of their provisions, the existence or absence of enforcement procedures, or their integration into larger political contexts with institutionalized decision-making processes [4].

EU is unique in that its legal system and constitutional structure have supranational elements that add a layer of top-down regionalism to the more common forms of intergovernmental collaboration. A significant shift from the human rights focus of the pre-existing Council of Europe and its Human Rights Convention to issues of economic mobility and, starting in the mid-1980s, the concerted fight against irregular migration and the development of a common asylum policy has occurred with the centralization of intra-European migration policy cooperation in the EU. Through the concurrent constitutionalization of human rights in European nations, the early years' human rights focus was preserved. It then reemerged in the context of more economically oriented cooperation within the European Union with the expansion of social, economic, and political rights for intra-EU migrants, culminating in the concept of EU citizenship in the 1992 Maastricht Treaty. The regional cooperation on immigration from third-country nationals has been dominated by a restrictive stance in contrast to this liberal, rights-based internal mobility strategy. While EU nations have kept their national immigration policies, they

have sought regional collaboration, especially to regain control over the unauthorized entry of foreign persons in the wake of the EU's decision to eliminate internal border controls. In the context of state-led regional integration, the EU is therefore representative of the dialectic dynamics of intra-regional opening and inter-regional closing. This emphasis has coincided with the creation of a comprehensive external migration policy agenda, which currently has a significant external influence on regionalization processes involving nations that are thought to be prospective sending and transit nations for migrants traveling to Europe.

Asia is the region with the least formalized but most contested “from above” cooperation [6]. Migration was not discussed in the ASEAN founding treaty from 1967 when it came to regional economic integration. Its 1995 Framework Agreement on Services (AFAS), which was later revised in the 2012 Agreement on Movement of Natural Persons, contained a few limited provisions on labor mobility. The temporary movement of highly trained professionals is made easier by these measures, which are supported by some Mutual Recognition Arrangements and connected to business and investment flows. However, ASEAN laws only apply to a relatively small portion of the region's intended, largely unregulated migrant movements, and implementation has remained subpar [7]. This is in line with the “ASEAN way,” an express voluntarist system of government that Southeast Asian countries embrace.

Along with this agenda for restricted mobility, ASEAN leaders also adopted the “Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers” Declaration in 2007 [8]. Ten years later, this declaration underwent revisions to become the “ASEAN Consensus on The Protection and Promotion of The Rights of Migrant Workers” in 2017. The Consensus goes further than the Declaration because it calls for the development of an action plan, whereas the Declaration just made basic requests of governments. This is a divergence from ASEAN's typical lack of monitoring systems, and it is related to both Philippine government involvement and active lobbying by migrant groups “from below” [6]. However, it should be highlighted that the Consensus only applies to migrant workers who are lawfully resident, making it significantly more limited than the UN Migrant Workers Convention of 1990 and excluding the vast majority of illegal migrants in the area [5].

Discussion

The approach of the EU on migration issues

In terms of migration policies, it can be summed up that the EU is in charge of establishing the requirements for entry and residence, determining the number of people from outside the EU who come for employment, and battling illegal immigration, i.e., urging member states to take steps to prevent and curtail it.

The year 2019 brought an entirely new difficulty that only compounded the governance crisis – COVID-19. Although the migrant issue afflicted some EU countries more than others, the COVID-19 pandemic affected the entire world. The worry of disease spread that countries demonstrated towards European neighboring countries was exacerbated by the prospect of illegal migrants from third countries (considered as virus spreaders), resulting in ever more restrictive migration laws. Some were related to migration controls; for example, Italy has passed a decree/guideline regarding access to relief or international

protection by blocking their ports to people rescued at sea².

The COVID-19 outbreak appeared to significantly reduce the amount of regular and irregular migration to the EU. The number of irregular border crossings detected on Europe's main migrant routes plummeted by 85% from the previous month in April 2020, to roughly 900, the lowest figure since Frontex began collecting border data in 2009. The European Commission's assessment on asylum and illegal border crossings confirmed the pandemic's influence on migration to the EU in the first ten months of 2020 – The EU as a whole saw a 33% decline in asylum applications year on year and a 6-year low in irregular border crossings³. However, following a significant decline around April 2020, the overall number of arrivals was believed to continue rising.

Regarding residence permits and entry conditions, the pandemic affected the entry conditions and the issuance of residence permits by EU member states both at their missions abroad and on the territory. On the territory, member states began to introduce restrictions on services related to direct immigration. To ensure continuity, even during office closures, services were maintained using the post office, electronic means, or using online systems. In some Member states, pre-existing online systems continued to be used.

Regarding assistance in alleviating the impact of the pandemic on migrants, for migrants already in the EU, measures were put in place to ensure that those affected by travel restrictions or restrictions on immigration services do not fall into disrepair. In the EU member states, these measures included automatic renewal of the residence permit, acceptance of stay, removal of the obligation to leave, and/or suspension/extension of the procedure period. In some cases, these measures remained effective as of late December 2020. Several countries outside the EU were making similar efforts to ensure that migrants did not fall into disrepair, such as in the United States, where as of March 2020, requests to extend their stay online were able to be made in a timely manner to alleviate the effects of COVID-19.

For migrant workers affected by the pandemic, many Member states and Norway reported that key support for the unemployed and employers also applied to migrants during the pandemic. In addition, some flexibility in minimum income requirements for eligibility/protection against residence permit withdrawal was reported. Most EU member states reported that healthcare related to COVID-19 was available to all migrants, at the expense of public health insurance or social security and/or from the State's public health fund. For migrants with frequent reductions or loss of income, the basic rules of access to universal health care remained in place, allowing access to universal health care in most reporting member states.

Regarding the needs of the labor markets, to prevent the spread of COVID-19, most EU member states have imposed restrictions on the reception of migrants. Continued admission is reasonable for essential career areas, particularly healthcare, agriculture, and transportation. Some countries similarly identified health and, in most cases, agriculture/food security as essential sectors, as well as supporting critical infrastructure in some cases fit. To address labor shortages, especially in seasonal activities, a number of EU member states took measures to facilitate labor market access for third-country nationals who had

² Tondo, L. Italy declares own ports 'unsafe' to stop migrants arriving // The Guardian : [site]. 08.04.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/08/italy-declares-own-ports-unsafe-to-stop-migrants-disembarking> (accessed on 18.03.2023).

³ Situation at EU external borders in April – Detections lowest since 2009 // Frontex : [site]. 12.05.2020. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/situation-at-eu-external-borders-in-april-detections-lowest-since-2009-mJESUv> (accessed on 18.03.2023).

already had employment on the territory. The regularization of third-country nationals employed in certain key sectors was permitted under limited circumstances.

With regard to contingency planning for 2021, a number of EU Member states reported the adequacy of the usual tools for meeting labor needs, e.g. quotas, or measures adopted implemented earlier in 2020, to meet the demand for seasonal workers, including exemptions from travel restrictions. Member states also reported the importance of using similar tools to meet labor needs in other key sectors, in particular health care, with some reporting on other key sectors. More specific measures related to the ongoing labor demand for healthcare workers.

On the other hand, temporary shutdown of the external border and border controls along some internal borders have had immediate consequences on access to protection for human rights: some member states have outright banned access to asylum seekers (Cyprus, Greece, Hungary), closed their arrival centers (Belgium), declared their ports “unsafe,” or suspended the processing of asylum applications in the wake of the emergency (France, Spain), while others have declared their ports “unsafe” (Italy, Malta). Another human rights-based approach was taken by member states farther from the main entry points along the external border (Germany, Sweden allowed access to their territories for new asylum seekers, Luxemburg extended the status for applicants during their procedures, and Portugal treated them as regular migrants for the purposes of access to services).

This draws attention to some of the disparities that exist in the Common European Asylum System (CEAS), such as the unequal constraints that the Dublin III commitments place on various member states. The EU’s approach to the COVID-19 outbreak also brought up a human rights issue: individuals seeking refuge and illegal immigrants who are currently on EU territory (whether in detention centers or awaiting legal action abroad). Migrants now find themselves homeless and penniless as a result of the closure of some receiving facilities and processes. In addition, despite responsibilities under EU legislation, the circumstances in the receiving facilities that stayed open have not been regarded acceptable, not even by members of the European Parliament during the COVID-19 pandemic.

This was problematic because this showed how the EU falls short of upholding equality in its human rights obligations when it came to citizens of third countries, especially those who are protected by international law, during the pandemic. Beyond the ongoing issues with the CEAS’s implementation, EU migration policy has shown to be far more resilient in terms of its outward (and primary) emphasis. It has promised to give both nearby and far-off neighbors swift financial help. Owing to the externalization of EU migration policies, such financial assistance has increasingly come under migration management rather than foreign aid since the 2015 migration policy crisis. Furthermore, it has offered an opportunity to improve the EU’s external representation under the newly established “Team Europe” banner, resolving certain previously identified internal discrepancies in the common immigration policy.

The approach of ASEAN on migration issues

Despite the fact that ASEAN leaders spoke passionately about mutual commerce and investment at nearly every summit, they said little about another significant regional flow: migration. Foreign direct investment, international merchandise trade, macroeconomics, international commerce in services and transportation, and the labor sector remain their core emphasis. Concerning migration policies, ASEAN formulates its commitment to assisting migration policy under the context of ‘protection and migration policy. Nevertheless, the major focus remains on the migratory labor force [9]. Other types of migration, such as

the pandemic and irregular movement or forced migration, receive little attention. They generally disregarded far greater movements of individuals who cross state lines on a daily basis, frequently in quest of a better life. Migration is considered a significant political dimension in the area, with a distinct division between nations that predominantly supply migrant labor force, such as Cambodia, Indonesia, Myanmar, the Philippines, and Viet Nam, and those that receive it, such as Thailand, Malaysia, and Singapore. This region was also confronted with the issue of Rohingya refugees [10]. Nonetheless, ASEAN's external contact, the EU, may have a response to COVID-19. In a more narrative pledge, ASEAN vowed to continue to take concerted action and coordinate policy with its allies in the fight against the COVID-19 pandemic. The ASEAN-EU Ministerial Video Conference on COVID-19 was held on March 20, 2020, with both sides agreeing to increase cooperation within ASEAN-led frameworks as well as with external partners to resolve COVID-19 comprehensively, taking into account the country's various levels of health system development⁴.

Each ASEAN nation had a distinct strategy for dealing with COVID-19. Singapore and Thailand looked to have more developed health systems and more disciplined populations. Malaysia focused on security measures and limitations on mobility, particularly for immigrants. To combat COVID-19, the Philippines imposed a lockdown and employed severe repressive measures. Due to its size and early processing delays, Indonesia even had the possibility to ignore it, forcing it to implement divisive measures. Viet Nam historically served as a point of reference as a nation with good experience managing COVID-19 without significantly increasing the number of victims. Brunei, Laos, and Myanmar's restrictions on having unrestricted access to information also proved to be a barrier.

The COVID-19 pandemic presented challenges faced by migrant workers in the region, as they often lacked access to health services and were not covered by policies and regulations. With concern about the impact of COVID-19 on ASEAN workers including migrant workers, many national and international organizations were considering the impacts/challenges of the pandemic and how to respond. Getting a clear image of the regional roadmap for addressing COVID-19 based on correct data and information was another issue for ASEAN.

On May 14, 2020, the Special ASEAN Labor Ministers' Online Conference on Responding to the Impact of the COVID-19 pandemic on migrant workers and employment, was held with the participation of 10 ASEAN member states, the ASEAN Secretariat, and the International Labor Organization (ILO). The conference is an initiative of Indonesia as the Vice President of the ASEAN Labor Ministerial Conference, in the context of the COVID pandemic not only affecting economic sectors, but posing challenges to employment. and livelihoods of the people of ASEAN. At the conference, the Ministers shared information on each country's social support policies and programs to respond to the impact of the COVID-19 pandemic on employees, especially related issues. issues related to wages/income, employment, safety, and health. At the same time, the Ministers also shared recommendations for ASEAN's common responses on the impact of COVID-19 on labor and employment. Thanks to the consensus and high commitment of the countries, the Joint Statement of the ASEAN Labor Ministers on Responding to the Impacts of the COVID-19 Pandemic was adopted at the meeting. The Declaration emphasized the need to make joint efforts to advance labor and employment policies in the face of the potential adverse effects of future pandemics, economic crises, or natural disasters. Accordingly, the ASEAN

⁴ Co-Chairs' Press Statement ASEAN-EU Ministerial Video Conference on the Coronavirus Disease 2019 // ASEAN : [site]. 20.03.2020. URL: <https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/03/37.-ASEANEU-Video-Conference-CoChairs-Press-Statement-1.pdf> (accessed on 18.03.2023).

Labor Ministers would cooperate in the following tasks: providing timely livelihood and health support to all workers, especially those with low incomes and workers in high-risk industries; ensuring that workers who were laid off were compensated by the employer, or receive social benefits; providing appropriate support to migrant workers in the ASEAN region; sharing best practices and lessons among member states on measures to help at-risk workers and employers improve their resilience.

On October 19, 2022, the 15th ASEAN Forum on Migrant Labour (AFML) “Resumption of Labour Migration and Regional Cooperation” held in Cambodia, supported the implementation of the ASEAN Consensus on Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers, ASEAN Comprehensive Recovery Framework and Joint Statement of the ASEAN Labour Ministers on Response to the Impact of COVID-19 on Labour and Employment. The Forum took into account the ILO Fundamental Principles and Rights at Work. The 15th AFML acknowledged actions taken by the ASEAN member states to follow up the recommendations of the 13th and 14th AFML. The 15th AFML recommended the following actions and cooperation to support the resumption of labor migration as the economies and employment in ASEAN member states are recovering while taking into account the different contexts of ASEAN member states.

Human rights is one of the principles put forward as an effort to reform the ASEAN (ASEAN Reform). The acceptance of human rights concepts in the ASEAN Charter (ASEAN Charter), despite their incompleteness, serves as evidence of the transformation. A number of organizations and legal documents, including the ASEAN Declaration of Promotion and Protection of the Rights of Migrant Workers, the ASEAN Consensus on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers, and the ASEAN Convention Against Torture have institutionalized the development of human rights principles. These organizations include the ASEAN Intergovernmental Commission of Human Rights, the ASEAN Commission of Women and Children, and the ASEAN Commission of Migrant Workers.

Despite the fact that the ASEAN framework contains a number of human rights protection mechanisms and instruments (particularly for migrant workers), no official statement of this mechanism has been issued to address the case of vulnerability faced by migrant workers during the COVID-19 crisis in ASEAN. Hence, there must be a significant motivation for ASEAN to adopt a COVID-19 Handling Protocol based on ASEAN’s Protection of Migrant Workers and Refugees’ Human Rights.

Conclusion

According to the research results, as the EU has made certain achievements in the process of regional integration in the field of justice and home affairs, it has more methodical specific measures and approaches to migration and immigration issues than ASEAN since ASEAN regional connectivity is not as strong as the EU. Both regional institutions have a long history of dealing with migration difficulties due to migration to and from different parts of the world. Region-level responses might be different as the EU possesses more tools than ASEAN.

The study also sheds light on that the EU and ASEAN take a positive approach to migration concerns, but that policy implementation is a challenge and a problem, in part because implementation depends on cooperation between organizations and member states. A number of solutions are expected to be carried out and work for regional migration governance, and it would be beneficial for regional institutions to collaborate more to share examples of best practices. We would like to emphasize this at the end of our study since

it is important to strengthen cooperation between countries and multilateral institutions related to migration issues, especially during a crisis such as the COVID-19 pandemic.

References

1. Lavenex, S. The UN Global Compacts on Migration and Refugees. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2020. Vol. 26, No. 4. P. 673–696. DOI [10.1163/19426720-02604009](https://doi.org/10.1163/19426720-02604009).
2. *The Dynamics of Regional Migration Governance* / ed. by A. Geddes, M. V. Espinoza, L. H. Abdou, L. Brumat. Northampton: Edgar Elgar Publishing, 2019. 256 p. ISBN 978-1-78811-993-1. DOI [10.4337/9781788119948](https://doi.org/10.4337/9781788119948).
3. Geddes, A. *Governing Migration Beyond the State: Europe, North America, South America, and Southeast Asia in a Global Context*. Oxford : Oxford University Press, 2021. 256 p. ISBN 9780198842750.
4. Lavenex, S. Regional Migration Governance – Building Block of Global Initiatives? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 45, No. 8. P. 1275–1293. DOI [10.1080/1369183X.2018.1441606](https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1441606).
5. Piper, N. Democratizing Migration from the Bottom Up: The Rise of the Global Migrant Rights Movement. *Globalizations*. 2015. Vol. 12, No. 5. P. 788–802. DOI [10.1080/14747731.2015.1024454](https://doi.org/10.1080/14747731.2015.1024454).
6. Chavez, J. J. *Transnational Social Movements in ASEAN Policy Advocacy*. Research Paper 2015-1. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 2015. 20 p. ISSN 2305-5375.
7. Jurje, F. Mobility Norms in Free Trade Agreements: Migration Governance in Asia between Regional Integration and Free Trade / F. Jurje, S. Lavenex. *European Journal of East Asian Studies*. 2018. Vol. 17, No. 1. P. 83–117. DOI [10.1163/15700615-01701005](https://doi.org/10.1163/15700615-01701005).
8. Rother, S. Alternative Regionalism from Below: Democratizing ASEAN's Migration Governance / S. Rother, N. Piper. *International Migration*. 2015. Vol. 53, No. 3. P. 36–49. DOI [10.1111/imig.12182](https://doi.org/10.1111/imig.12182).
9. *ASEAN Consensus on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2018. 55 p. ISBN 978-602-6392-99-2.
10. Tuccio, M. Determinants of Intra-ASEAN Migration. *Asian Development Review*. 2017. Vol. 34, No. 1. P. 144–166. DOI [10.1162/ADEV_a_00084](https://doi.org/10.1162/ADEV_a_00084).

Bio note:

Nguyen Manh Hung, PhD, Lecturer, People's Security Academy, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: nguyenmanhhung1010@gmail.com; ORCID ID: 0009-0000-8096-5707.

Le Duc Anh, Master's student, Diplomatic Academy of Vietnam, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: ducanhle.cit@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9152-0076.

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR and VASS, project No. 20-511-92002 "Russia's Strategy in Southeast Asian Education Markets: Socio-demographic Potential Assessment and Public Policy Directions".

Received on 04.04.2023; accepted for publication on 02.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ: ПОДХОДЫ ЕС И АСЕАН ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Нгуен Мань Хунг

Академия народной безопасности, Ханой, Вьетнам

E-mail: nguyenmanhhung1010@gmail.com

Ле Дюк Ань

Дипломатическая академия Вьетнама, Ханой, Вьетнам

E-mail: ducanhle.cit@gmail.com

Для цитирования: Нгуен Мань Хунг. Региональное управление миграцией: подходы ЕС и АСЕАН во время пандемии COVID-19 / Нгуен Мань Хунг, Ле Дюк Ань // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 158–167. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.12). EDN [WBGGLO](https://www.edn.ru/WBGGLO).

Аннотация. Проблемы миграции существовали на протяжении всей истории человечества. Они обостряются, когда общество сталкивается с новыми вызовами, такими как пандемия. Если миграция не регулируется законодательством, политикой и практикой в соответствии с нормами права и международными нормами, она может повлечь целый ряд социальных и экономических проблем: жестокое обращение с мигрантами и их эксплуатацию на месте работы, отказ в социальной защите, нарушение социальной сплоченности, распад семей, снижение производительности труда и утрату возможностей для развития. Современный подход к проблемам миграции в силу своей важности и комплексности, невозможности сведения только к государственному уровню должен включать в себя также анализ принципов деятельности международных организаций. В настоящей статье приводятся теоретические оценки динамики регионального управления миграцией, взаимодействия между странами и региональными объединениями. Целью исследования является изучение роли и практического значения деятельности двух типичных региональных объединений: ЕС и АСЕАН в управлении миграцией, новых изменений в их политике и практике во время пандемии COVID-19.

Ключевые слова: миграция; региональное управление; пандемия COVID-19; ЕС; АСЕАН.

Сведения об авторах:

Нгуен Мань Хунг, доктор наук, преподаватель, Академия народной безопасности, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nguyenmanhhung1010@gmail.com; ORCID ID: [0009-0000-8096-5707](https://orcid.org/0009-0000-8096-5707).

Ле Дюк Ань, магистрант, Дипломатическая академия Вьетнама, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ducanhle.cit@gmail.com; ORCID ID: [0000-0001-9152-0076](https://orcid.org/0000-0001-9152-0076).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 20-511-92002 «Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики».

Received on 04.04.2023; accepted for publication on 02.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.13)

EDN [WCYFWL](https://www.edn.ru/WCYFWL)

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО СБЕРЕЖЕНИЮ МУЖЧИН И ПОДДЕРЖКЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 168–171. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.13). EDN [WCYFWL](https://www.edn.ru/WCYFWL).

В Российской Федерации актуальной демографической повесткой является пропаганда традиционных семейных ценностей, где особая роль отведена формированию и развитию института благополучной детной (многодетной) семьи, поддержке ответственного отцовства.

Согласно статье 114 Конституции России, именно традиционные ценности, востребованные и поддерживаемые российским обществом, призваны сформировать единое духовное содержание всей социально ориентированной политики государства, придать ей четкий мировоззренческий вектор развития. С 2012 г. в культурно-идеологическом пространстве страны актуализируются консервативные ценности, которые нашли свое выражение в ряде нормативно-правовых актов – Распоряжении Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», поправках к Конституции РФ 2020 г., Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Особый интерес к ценности семьи и семейного образа жизни для россиян вызван прежде всего сложной демографической ситуацией. Невысокая рождаемость, характерная, помимо России, для многих европейских стран, связанная с преобладанием в обществе индивидуалистических установок в ущерб традиционным идеалам, чревата в дальнейшем депопуляционными процессами, нехваткой трудовых ресурсов, зависимостью экономики государства от притока мигрантов.

С учетом новых геополитических вызовов особенно актуально выявление самоопределения мужчин в российском обществе, пересмотр их роли в новых социальных реалиях, смыслов социальных ролей, выполняемых мужчинами особенно в контексте их семейных ролей мужа и отца.

Анализ проведенных исследований показал, что образ мужчины-мужа и отца не

вполне определен, а роль отца является недооцененной. Не сформирована политика поддержки репродуктивных планов отца, сфера поддержки родительства в силу объективных причин сильно смещена к материнству.

Цель – создание условий для «приумножения» мужского населения, создание системы ответственного отцовства, и укрепления института семьи как принципиально важного ресурса для обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации

Основные направления государственной политики по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства:

- 1 • здоровье и самосохранительное поведение мужского населения всех возрастов
- 2 • формирование и развитие системы гражданского и патриотического воспитания населения
- 3 • повышение социального статуса мужского населения в социально-экономическом развитии общества, улучшении качества жизни населения
- 4 • повышение роли мужчин в развитии и укреплении семейных отношений, ответственное отцовство

В рамках каждого из направлений реализуется комплекс задач, связанных с достижением цели Стратегии

Рис. 1. Цель и основные направления государственной политики по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства
Fig. 1. The goal and main directions of the state policy for saving men and supporting responsible fatherhood

Источник: составлено автором

В связи с обозначенным выше актуальной представляется разработанная в инициативном порядке в марте 2023 года членами Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН «Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства»¹.

Стратегия является основополагающим документом, определяющим основные направления государственной политики в отношении, во-первых, формирования

¹ Авторский коллектив, члены Научного совета: *Т. К. Ростовская*, д-р социол. наук, проф., зам. председателя Научного совета, зав. отделом семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; *О. И. Аполихин*, чл.-корр. РАН, д-р мед. наук, проф., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии имени Н. А. Лопаткина – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, член Общественной палаты РФ, Москва, Россия; *Е. Н. Васильева*, д-р социол. наук, гл. науч. сотр. Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; проф. Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия; *А. Е. Иванова*, д-р экон. наук, проф., зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; *Ч. И. Ильдарханова*, д-р социол. наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия; *О. Н. Калачикова*, канд. экон. наук, зам. директора, зав. отделом исследований уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия; *А. А. Шабунова*, д-р экон. наук, доц., директор Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия.

самоохранительного поведения мужчин и нацелена на укрепление социодемографического капитала мужского населения как основного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, во-вторых, повышения статуса мужчины в семейной сфере, как потенциала, формирующего преемственность российских традиционных ценностей.

Стратегическими национальными целями заявляются создание условий для «приумножения» мужского населения, создание системы ответственного отцовства, и укрепления института семьи как принципиально важного ресурса для обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации. Достижение целей Стратегии осуществляется в рамках следующих основных направлений деятельности:

Реализация поставленных задач позволит:

- оценить возможные масштабы и ограничения влияния различных факторов на самоохранительное поведение мужчин, выявить их взаимосвязи;
- проанализировать семейные и внесемейные ценностные ориентации российских мужчин, проецирующие различные потребности, в т. ч. потребность в детях;
- установить степень влияния мужчин на репродуктивное поведение женщин (в частности принятия решения о рождении следующего ребенка) в зависимости от возраста, социального статуса, дохода супругов;
- сформировать типологические группы респондентов с точки зрения модели социальной и экономической активности;
- исследовать детерминации репродуктивного поведения, в частности в отношении принятия решения о рождении следующего ребенка у многодетных мужчин в зависимости от возраста, социального статуса, дохода;
- систематизировать представления, транслируемые в СМИ, о роли современного мужчины в социальной, экономической сферах жизни, в семье, в т. ч. в многопоколенной семье;
- дать рекомендации по реализации Стратегии.

Сведения об авторе:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); ПИНЦ Author ID: [767943](https://publons.com/author/767943/); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780).

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; принята в печать 09.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

STRATEGY FOR ACTION TO SAVE MEN AND SUPPORT RESPONSIBLE FATHERHOOD

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

For citation: Rostovskaya, Tamara K. Strategy for Action to Save Men and Support Responsible Fatherhood. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 168–171. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.13).

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI Author ID: [767943](https://www.rsci.org/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Received on 11.04.2023; accepted for publication on 09.06.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.14)

EDN [UKAZNX](https://www.edn.ru/ukaznx)

ИНТЕГРАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ)

Осадчая Г. И.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Волкова О. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Для цитирования: *Осадчая, Г. И. Интеграция и миграция в Евразии в новых условиях (по материалам международной научной конференции в Кыргызстане) / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2, с. 172–181. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.14). EDN [UKAZNX](https://www.edn.ru/ukaznx).*

19–21 апреля 2023 г. в смешанном формате состоялась Международная научно-практическая конференция «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы», организованная Институтом демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН.

Соорганизаторами мероприятия выступили: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Экспертный совет по межкультурному диалогу и образованию в интересах устойчивого развития Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, Алтайский государственный университет, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИГСУ РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Ассоциация «Аналитика», Российский государственный социальный университет (РГСУ), Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (НАН РА), Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Казахский национальный университет имени Ааль-Фараби, Кыргызско-Российский Славянский университет, Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, Международный общественный фонд «Российский фонд мира», Общественный фонд «Русское достояние», Ассамблея народов Евразии, Ассамблея народов России, Евразийская ассоциация социологов, Российская академия социальных наук, авто-

номная некоммерческая организация (АНО) «Институт приграничного сотрудничества и интеграции».

Рис. 1. Участники конференции

Рис. 1. Participants of the Conference

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Участников конференции приветствовали директор ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор **М. Ф. Черныш** (Москва, Россия), и. о. директора ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, кандидат физико-математических наук **М. Н. Храмова** (Москва, Россия), первый заместитель Министра образования Республики Беларусь **А. Г. Баханович** (Минск, Беларусь), председатель комитета по социальной политике Жогорку Кенеш Кыргызской Республики **В. К. Раимбачаева** (Бишкек, Киргизия), Председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Евразийского информационно-аналитического консорциума **Н. Н. Бордюжа**, (Москва, Россия), заместитель председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности, профессор кафедры евразийских исследований, доктор исторических наук, профессор **А. В. Русакович** (Минск, Беларусь), ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор **Ж. К. Туймебаев** (Алматы, Казахстан), проректор Белорусского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор **К. В. Козадаев** (Минск, Беларусь), директор филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова в Ташкенте, академик Академии наук Республики Узбекистан, доктор экономических наук, профессор **К. Х. Абдурахманов** (Ташкент, Узбекистан), руководитель Департамента духовной культуры Ассамблеи народов Евразии **И. И. Полякова** (Москва, Россия).

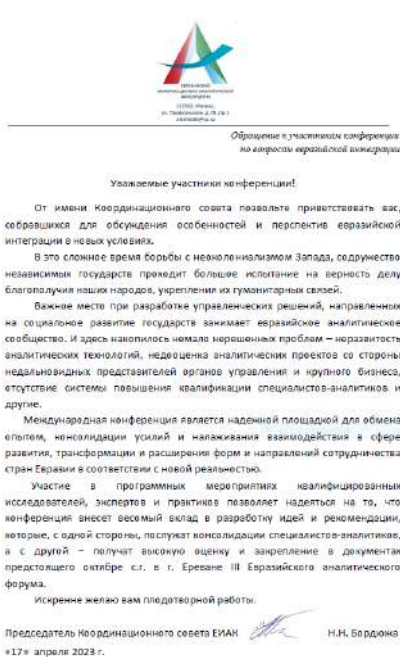

Рис. 2. Приветственные письма участникам конференции

Рис. 2. Welcome letters to the participants of the Conference

Источник: из входящей документации ИДИ ФНИСЦ РАН

В приветствиях официальных лиц внимание акцентировалось на назревшей необходимости формирования общей инновационной базы по ключевым отраслям, включая совместное внедрение информационных технологий, наращивание инвестиционного сотрудничества, создание благоприятных условий для взаимных капиталовложений, формирование единого рынка труда мигрантов, развитие транспортных коридоров «север – юг – запад – восток».

Процессы интеграции объединяют огромные пространства Евразии, а новая политическая и экономическая ситуация рождает новые интегративные формы взаимодействия, которые формируются в условиях существующих неизбежных противоречий. Тенденция регионализации мира неизбежно ведет к постановке вопроса об интеграции стран ЕАЭС.

Самостоятельное развитие каждого региона вливается в общий процесс. И успешность развития стран определяется качеством прогнозирования новых моделей сотрудничества на пространстве большой Евразии. Формирующаяся полицентричность мировой системы предполагает суровые требования к ее субъектам прежде всего в контексте готовности брать на себя ответственность за развитие ситуации. Тот или иной регион не может существовать обособленно, и поэтому целесообразно осуществлять надлежащий вклад в дело безопасности сотрудничества и развития в Большой Евразии.

В сложившемся контексте полицентричности в последнее время проявляется постепенное снижение значения «коллективного Запада» в мировой повестке и рост новых центров развития, в том числе евразийского региона. В связи с этим складыва-

ется региональная структура интеграции и сотрудничества независимых государств и формируются механизмы обеспечения коллективной безопасности стран.

На современном этапе выдвигается особое требование к развитию евразийской интеграции с учетом фундаментальных и динамичных процессов в мире. И здесь необходимо уделить значительное внимание реализации стратегических направлений интеграционного развития. Первостепенными задачами являются: обеспечение устойчивости национальных экономик и экономического суверенитета стран ЕАЭС; устранение препятствий на внутренних рынках; завершение формирования общих рынков; прагматичное использование валют в межгосударственных расчетах; повышение международного авторитета и конкурентоспособности союза. В данном контексте роль и вклад научной экспертной общественности существенно возрастает.

В качестве важной тематики для обсуждения признана возможность в сфере общественного здоровья на евразийском пространстве. Речь идет о совместном противодействии резкому снижению качества общественного здоровья как трудового ресурса. На сегодняшний день многие исследователи воспринимают общественное здоровье именно как набор различных показателей, в том числе демографических. Именно в таком ключе важно сотрудничество организаций, ответственных за исследования в области общественного здоровья, с Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН.

В приветствиях официальных лиц внимание также было акцентировано на том, что общая траектория движения предполагает тесное сотрудничество в сфере образования. Поскольку для участия в конференции было заявлено множество преподавателей университетов, то данное мероприятие было направлено и на налаживание и укрепление связей между вузами. А это ценно как для студентов, так и для преподавателей, а также для повышения научно-образовательного уровня в интегрирующихся странах. Образовательное и научное сотрудничество между конкретными организациями, конечно, представляет собой частные случаи. Однако оно является фундаментом для масштабной интеграции в других отраслях, в которых будут работать выпускники вузов.

Во главу угла ставились задачи обмена знаниями, опытом и инновационными идеями, которые помогут совместно развивать и укреплять отдельные регионы. Подчеркивалась приверженность части вузов и научных организаций академическому сотрудничеству на международном уровне. Развитие науки и образования способствует укреплению дружбы и партнерства между странами и народами.

В приветствиях официальных лиц в адрес всех участников конференции прозвучали пожелания плодотворной работы, новых научно-практических разработок, интересных и содержательных дискуссий, успешного сотрудничества в рамках форума и после его окончания, на основе сложившихся контактов.

В конференции участвовали ученые из Армении, Афганистана, Беларуси, Венгрии, Кубы, Кыргызстана, Македонии, Пакистана, России, Таджикистана, Узбекистана и др.

Рис. 3. Работа конференции
Рис. 3. Work of the Conference

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Пленарная часть конференции началась с видеодоклада на тему «Евразийская интеграция: экономика, политика, общество», сделанного **С. Ю. Глазьевым**, членом Коллегии (министром) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, председателем Научного совета Центра евразийской интеграции, академиком РАН, доктором экономических наук, профессором (Москва, Россия), который подробно обосновал предпосылки и последствия интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном мире. Центр мировой экономики постепенно смещается с Запада на Восток. Этот процесс сопровождается обострением социально-политической и военно-политической обстановки, введением и усилением санкций. Главенствующие элиты развернули непрерывную мировую войну против всех стран, которые выходят из-под контроля для того, чтобы удержать свою национальную идентичность в условиях глобализации.

Заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Северо-западного института управления РАНХиГС, доктор социологических наук, профессор **Д. В. Иванов** (Санкт-Петербург, Россия) в своем докладе «Социальные и политические эффекты постглобализации» обозначил основные тренды мирового развития. Глобализация позволила передать материальное производство в другие страны и создать структуры, которые не вмещались в границы одного государства. Реальные вещи и действия стали замещаться образами и коммуникациями, ставшими предпосылкой для усиления значимости «мягкой силы», проявляющейся в экономическом или политическом виде. Так, образы и коммуникации оказалось гораздо весомее и сильнее реальных вещей и действий. Виртуализация общества вызвала столкновение привычных социальных структур и институтов с интеракциями, сетями и потоками. Это иногда вызывает напряжение или прямые конфликты.

Научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА, президент Армянской социологической ассоциации, академик НАН РА, доктор социологических наук, профессор **Г. А. Погосян** (Ереван, Армения) представил доклад «Новые

тенденции в интеграционных процессах в Евразии». В докладе была обозначена значимость и приведены результаты научного сотрудничества Национальной академии наук Республики Армения с Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН. До последнего времени перемещение населения из Республики Армения происходило главным образом и в основном в сторону Российской Федерации, поскольку это традиционное место работы армянских трудовых мигрантов. Однако сейчас наблюдается совершенно неожиданный приток мигрантов в Армению из России. Это абсолютно непредвиденная форс-мажорная ситуация. Многие россияне, которые приехали и перевезли свой бизнес, открыли новые офисы, открыли банковские счета, создали десятки тысяч дополнительных рабочих мест, приняли армянское гражданство. Несомненно, что такое явление носит временный характер, и понятно, что будет обратный отток релокантов. Но на сегодняшний день миграция из России привнесла в Армению большие ресурсы для экономического развития.

Немалый интерес вызвали пленарные доклады российских (Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург) и зарубежных (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Куба, Таджикистан, Узбекистан) ученых.

Результаты своих исследований подготовили сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН: заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **Г. И. Осадчая**, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН **О. А. Волкова**, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН **Т. Н. Юдина** заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН **В. Ю. Леденева** и др.

Рис. 4. Участники конференции

Рис. 4. Participants of the Conference

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Вполне традиционным для научно-практических конференций явилось представление исследовательских работ методологического характера. К таковым относится доклад, подготовленный профессором кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктором социологических наук, профессором **Н. А. Головиным** (Санкт-Петербург, Россия) на тему «Проблемы интеграции социальных и культурных систем в социологии П. А. Сорокина». Классический подход представлен в новой парадигме социальных измерений современных интеграционных процессов в Евразии. Такая трактовка позволяет формировать исследовательский инструментарий для проведения полевых исследований, построения прогнозов развития, разработки направлений работы по усилению интеграционных процессов.

Особым образом акцентировалось внимание на представленности в программе конференции докладов, подготовленных на основании классических и новых методических подходов к анализу проблематики сохранения здоровья населения разных возрастов (детей, граждан трудоспособного возраста, пожилых людей). В данном контексте были подготовлены доклады: доцента кафедры общественного здоровья и здравоохранения медицинского факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, кандидата медицинских наук, доцента **Д. Д. Ибраимовой** (Бишкек, Киргизия) на тему «Демографические тенденции заболеваемости и смертности при злокачественных новообразованиях в Кыргызской Республике в контексте евразийской интеграции»; директора международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия» (МАК «ИКБЕ»), профессора кафедры менеджмента Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, доктора экономических наук, профессора **А. А. Кочербаевой** на тему «Демографические тенденции заболеваемости и смертности при злокачественных новообразованиях в Кыргызской Республике в контексте евразийской интеграции» (Бишкек, Киргизия); главного научного сотрудника, доцента кафедры рекреационной географии и туризма Казахского Национального Университета им. аль-Фараби, доктора экономических наук, доцента **Л. С. Станкуловой** (Алматы, Казахстан) на тему «Внедрение институциональных инноваций в здравоохранение – важнейший вектор развития современных систем здравоохранения стран – участниц СНГ».

Важный аспект, связанный с развитием медийных структур и процессов на евразийском пространстве, затронула директор Центра евразийских медиаисследований факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук **О. Ю. Вихрова** (Москва, Россия), изложив особенности интеграции в процессах коммуникации в докладе на тему «Трансграничное медиасотрудничество как часть системы обеспечения информационной безопасности стран – членов ЕАЭС».

Конференция имела исключительный сетевой характер, поскольку включала гармоничное сотрудничество нескольких площадок. В научных, образовательных и общественных организациях Астрахани, Барнаула, Белгорода, Минска, Москвы была организована работа следующих секций:

- **«Стратегии социально-экономического развития большого евразийского партнерства»** (модераторы: Л. Ф. Деловарова, М. Л. Вартанова);
- **«Демографическое развитие стран Евразии: динамика и современные тренды»** (модераторы: Л. В. Баева, О. И. Оськина, Ю. Г. Миронова);
- **«Новые социально-политические процессы на евразийском пространстве»** (модераторы: И. В. Лескова, Н. А. Михальченкова);

- **«Теория и практика анализа современных интеграционных процессов»** (модераторы: Т. В. Панова, В. С. Осипов);
- **«Таможенное регулирование как инструмент евразийской интеграции»** (модератор: Л. И. Тарарышкина);
- **«Социогуманитарное обеспечение интеграционного и демографического развития Евразии»** (модератор: О. А. Волкова);
- **«Межнациональные и межконфессиональные отношения, международная миграция и безопасность в трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая»** (модератор: С. Г. Максимова);
- **«Сценарии развития миграционной ситуации в Евразии как территории интеграционных процессов»** (модераторы: Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаяева).

Работа форума включала дискуссионные площадки, на которых происходило решение практических задач достижения интеграции в Большой Евразии:

- **круглый стол «Роль народной дипломатии в евразийской интеграции»** (модераторы: И. И. Полякова, В. Ю. Леденева);
- **«Приграничное и межрегиональное взаимодействие Евразийского экономического союза»** (модератор: В. А. Сапрыка);
- **заседание Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб» – «Новые контуры Евразийского партнерства: проблемы устойчивости вектора»** (модераторы: Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, О. И. Оськина).

Участники секций свое внимание сосредоточили на вопросах евразийской интеграции в новых условиях, на определении ее особенностей и перспектив. Одним из приоритетных направлений социально-экономической евразийской интеграции было признано повышение роли образовательного сотрудничества по подготовке кадров.

Представители молодого поколения активное участие приняли в работе дискуссионных площадок. Важным для евразийской интеграции были признаны молодежные академические обмены. В условиях многополярного мирового порядка и в рамках национальных традиций центральное внимание заслуживает аналитическая работа опытных и квалифицированных ученых с привлечением молодежи. При целенаправленном и компетентном наставничестве студенты и аспиранты являются перспективным субъектом евразийской интеграции, способствующей региональному развитию стран. Аспиранты, принявшие участие в работе конференции, включились в разработку направлений евразийской интеграции, пытаются спрогнозировать успешность возможных вариантов новых решений.

Рис. 5. Аспиранты в перерыве конференции
Рис. 5. PhD students during the break of the Conference

Источник: из личного архива О. А. Волковой

Участники конференции намерены заниматься вопросами развития научных и образовательных контактов, сотрудничества вузов и научно-исследовательских институтов, совершенствованием программ академического взаимодействия в целях развития евразийской интеграции. Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН стал инициатором и координатором разработки направлений сотрудничества между российскими и зарубежными научно-образовательными структурами (в том числе в ходе переговоров с представителями делегаций из Казахстана и Кыргызстана).

Сведения об авторах:

Галина Ивановна Осадчая, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: osadchaya11@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2597-9724; РИНЦ Author ID: 118648; Web of Science Researcher ID: G-2163-2017; Scopus Author ID: 35737719800.

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: volkovaoo@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0001-5325-0730; РИНЦ Author ID: 690209; Web of Science Researcher ID: S-6912-2016; Scopus Author ID: 55962445600.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023; принята в печать 16.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTEGRATION AND MIGRATION IN EURASIA IN THE NEW CONDITIONS (BASED ON THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN KYRGYZSTAN)

Galina I. Osadchaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Olga A. Volkova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: volkovaoa@rambler.ru

For citation: Osadchaya, Galina I. Integration and Migration in Eurasia in the New Conditions (Based on the Materials of the International Scientific Conference in Kyrgyzstan) / G. I. Osadchaya, O. A. Volkova. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 172-181. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.14).

Bio note:

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head Department for the Study of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI Author ID: [118648](https://www.rsci.ru/author/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/G-2163-2017); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/35737719800).

Olga A. Volkova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: volkovaoa@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI Author ID: [690209](https://www.rsci.ru/author/690209); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/S-6912-2016); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/55962445600).

Received on 22.04.2023; accepted for publication on 16.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15)

EDN [WYSPGF](https://www.edn.ru/WYSPGF)

АДАПТИВНАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА)

Попова С. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Чжан Чжань

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

E-mail: zhan.zhang@yandex.ru

Для цитирования: *Попова, С. М. Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики (по материалам российско-китайского круглого стола) / С. М. Попова, М. Н. Храмова, Чжань Чжан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 182–190. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15). EDN [WYSPGF](https://www.edn.ru/WYSPGF).*

18 апреля 2023 г. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН и Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, КНР) при поддержке Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, КНР) провели Международный круглый стол «Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики».

Мероприятие открыл ректор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, доктор наук, профессор **Ли Хэчжан**, который в своем приветствии отметил, что Международный круглый стол – важная часть крупного международного форума, посвященного вопросам модернизации государственного управления во всех областях, включая миграцию. Особый интерес для китайских партнеров представляют вопросы управления академической миграцией и привлечения международных талантов. Единственный в КНР совместный российско-китайский Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне достиг серьезных успехов в подготовке талантов и развитии сотрудничества между Китаем и Россией в сфере науки и высшего образования. Однако, как отметил ректор Ли, из-за существенных различий в законодательстве двух стран необходимы усилия по формированию общей политики в отношении талантов, приезжающих в КНР с целью работы. Выступающий выразил надежду, что круглый стол, который является еще одним важным результатом сотрудничества Университета и ИДИ ФНИСЦ РАН, не только поможет ученым России и Китая обменяться мнениями, новыми результатами и ресурсами в области миграционных исследований, но и внесет практи-

ческий вклад в решение задач модернизации государственного управления.

И. о. директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, кандидат физико-математических наук **М. Н. Храмова** в своем приветственном слове подчеркнула, что сотрудничество между ИДИ ФНИСЦ РАН и Университетом МГУ-ППИ в Шэньчжэне имеет большие перспективы. Наряду с проведением совместных международных конференций и публикацией научных достижений китайских коллег в журнале «ДЕМИС. Демографические исследования», важно также наращивать партнерство в сфере образования, вовлекать молодые таланты обеих сторон в исследовательские и образовательные проекты и академическую мобильность.

М. Н. Храмова указала на то, что круглый стол посвящен важной проблематике, связанной с изменениями в сфере международной миграции. Эти изменения коснулись как масштабов и каналов миграции, так и особенностей регулирования миграции в различных государствах и региональных интеграционных объединениях. А потому обмен мнениями специалистов из разных стран поможет создать многомерную научную картину происходящего и разработать эффективные практические рекомендации.

Проректор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, руководитель Центра сравнительного правоведения Университета, доктор наук **Чжу Дицзянь** выразил надежду, что углубленное обсуждение вопросов миграционной политики двух стран внесет серьезный вклад в развитие и укрепление государственного управления. Докладчик выразил особую благодарность ИДИ ФНИСЦ РАН и Университету Сунь Ятсена за то, что совместными усилиями была создана постоянно действующая международная платформа для научно-образовательного сотрудничества, способствующая активизации академических обменов, расширению научных дискуссий и в конечном счете преодолению границ между странами.

Рис. 2. Круглый стол «Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики», включение из Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
(на фото слева направо: Чжу Дицзянь, Чжань Чжан)

Pic. 2. Round table “Adaptive Migration Policy under the Digital Economy”, connection from the University of MSU-PPI in Shenzhen
(in the photo from left to right: Zhu Dijian, Zhang Zhan)

Модератор Международного круглого стола кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН и доцент Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне **С. М. Попова** отметила, что хотя круглый стол и посвящен миграционной проблематике, в нем участвуют самые разные специалисты – эксперты в области государственного управления, экономисты, правоведаы, демографы, поскольку ключевым вопросом становится усиливающаяся изменчивость миграционной политики. Данный феномен является объективным, поскольку государства все чаще сталкиваются с непредсказуемыми переменами, на которые нужно быстро реагировать. Особенно убедительно это показала пандемия COVID-19, когда миграционная политика государств в отношении пребывания иностранных граждан, продления тех или иных разрешительных документов менялась очень динамично, вслед за изменяющейся эпидемиологической ситуацией.

Подобное положение дел означает, что в условиях перемен все меньше надежных ориентиров для разработки долгосрочной миграционной политики. В результате прежние технологии управления миграцией теряют эффективность, а новые создаются в режиме реального времени методом проб и ошибок. Такого рода принципы управления в условиях неопределенности называются адаптивными, и в последние годы они стали использоваться повсеместно, в том числе в сфере управления миграцией. С. М. Попова подчеркнула, что концепция круглого стола предполагает внимание именно к феномену изменчивости миграционной политики и тем последствиям, которые возникают в экономике, социальной сфере, рынках труда, состоянии трудовых ресурсов из-за частого и порой противоречивого изменения миграционных правил.

Доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН **В. Ю. Леденева** в докладе «Цифровые технологии в реформировании российского миграционного законодательства» ознакомила участников круглого стола с основными направлениями цифровой трансформации системы регулирования миграции в России, дала глубокий анализ нового российского законопроекта, который призван заменить целый ряд действующих актов и способствовать повышению качества контроля за миграционными потоками, лучшей адаптации и интеграции мигрантов в России. Ключевую роль должны сыграть новые технологии – единые электронные документы, реестры, персональные аккаунты мигрантов на разного рода цифровых платформах для получения государственных услуг и взаимодействия с профильными структурами в миграционной сфере.

Участники последующей дискуссии высказали много идей и предложений по совершенствованию мер, предлагаемых в законопроекте, включая использование опыта Китайской Народной Республики по созданию системы оценок, влияющих на цифровой «социальный рейтинг» граждан, для решения схожей задачи в отношении мигрантов в Российской Федерации.

Доктор наук **Ван Шивэй**, бывший член партийной группы Департамента политических исследований Народного правительства города Шэньчжэнь, представил доклад на тему «Разработка и осуществление миграционной политики, адаптированной к цифровой экономике».

Опыт Шэньчжэня имеет важное значение, поскольку город занимает лидирующие позиции в КНР по степени развития цифровой экономики, размеры которой уже в 2021 г. составляли около 30,5% городского ВВП (для сравнения: по прогнозам

McKinsey, доля цифровой экономики в России к 2025 г. должна составить 8–10%). Докладчик показал, что цифровая экономика создает изменения и в сфере трудовых ресурсов, в том числе в трудовой миграции. Например, в реестре профессий, выпущенном в 2022 г., только за один год появились 18 новых профессий, среди них 9 связаны с цифровой экономикой и цифровыми технологиями.

Одновременно цифровая трансформация, и в первую очередь широкое внедрение технологий AI (искусственного интеллекта) в повседневную работу и жизнь, сделали более удобным и эффективным управление миграционными потоками, облегчили для самих мигрантов доступ к информации и прохождению миграционных процедур. Цифровые технологии – главный тренд не только в государственном, но и в частном секторе – для взаимодействия с трудовыми ресурсами, привлечения работников.

Однако цифровизация несет и новые вызовы, поскольку технологии создают новые проблемы, например, в области защиты персональной информации и защищенности разного рода инфраструктур города. Для их решения тоже нужны высококвалифицированные специалисты – как из других городов КНР, так и из других стран.

В свете актуальных задач Шэньчжэнь создал собственное Агентство для управления миграцией, чтобы разработанные городскими властями политические меры в отношении мигрантов могли быть реализованы на практике. А в различных административных районах города были созданы центры, оказывающие мигрантам помощь в оформлении документов, получении информации, обмене разного рода формальностями. Особое внимание уделяется созданию хорошего международного культурного климата. Такого рода решения помогают создать благоприятный климат для международных мигрантов, повысить имидж Шэньчжэня как принимающей стороны и тем самым создать предпосылки для привлечения высококвалифицированных иностранных работников, в том числе в цифровую экономику города.

И. о. директора ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, кандидат физико-математических наук **М. Н. Храмова** в докладе «Миграция между странами ЕАЭС: изменения в состоянии, проблемы учета и регулирования» проанализировала существенные особенности миграции между государствами Евразийского экономического союза и изменения, произошедшие в этой сфере за последние годы. Были представлены детальные данные о структуре трудовой миграции разных стран ЕАЭС в рамках евразийского пространства.

Докладчица подробно ответила на вопросы китайских коллег об особенностях правового статуса мигрантов в ЕАЭС. Оценивая изменения евразийской миграционной политики за девять лет с момента принятия Договора о создании этого интеграционного объединения, М. Н. Храмова привела факты, свидетельствующие об интенсификации миграционных процессов между государствами – членами ЕАЭС, а также указала на факторы, влияющие на противоречивость динамики.

В частности, на особенности миграционных процессов за прошедшие годы оказывали влияние такие факторы, как изменение приоритетов принимающих стран относительно того, какие трудовые ресурсы нужны национальным экономикам. Крайне важным фактором была и остается волатильность валюты. Например, в зависимости от курса рубля Россия становится то менее, то более привлекательной для трудовой миграции. Это напрямую влияет на объемы миграционных потоков на территорию Российской Федерации.

В последнее время интенсифицируются потоки образовательной миграции в рамках Евразийского экономического союза. Как и в Китае, в ЕАЭС начинается подлинная «битва за таланты», причем в конкуренции с такими привлекательными для евразийской молодежи центрами притяжения интересов, как Европа, США, КНР.

Рис. 1. Участники круглого стола «Адаптивная миграционная политика в условиях цифровой экономики» в ИДИ ФНИСЦ РАН (на фото слева направо: С. Ф. Карпова, А. А. Яник, С. М. Попова, М. Н. Храмова, В. Ю. Леденева)

Рис. 1. Participants of the round table “Adaptive Migration Policy under the Digital Economy” at the IDR FCTAS RAS (in the photo from left to right: S. F. Karpova, A. A. Yanik, S. M. Popova, M. N. Khramova, V. Yu. Ledeneva)

Одним из важных событий круглого стола стал доклад вице-президента Китайского демографического общества, заместителя директора Института общества и демографии Народного университета Китая, профессора **Дуань Чэнжуня** (Пекин) «Международная иммиграция в Китае в постпандемийную эпоху». Этот доклад был подготовлен совместно с аспирантами Института общества и демографии Народного университета Китая **Цю Юдином** и **Мин Синьвэем**, которые активно принимали участие в состоявшихся дискуссиях.

На основе масштабного анализа информации за период более полувека, включая данные переписей населения последних лет, были продемонстрированы исторические и текущие изменения в динамике международной миграции в КНР. За период с 1970 г. число иммигрантов в Китае возросло более, чем в три раза. Неуклонно растет и число иммигрантов.

Особое внимание докладчик уделил изменениям в период пандемии. Он показал, что пандемия COVID-19 привела к значительному сокращению международных перевозок: по оценкам GlobalData, в 2021 г. число международных вылетов из Китая составило всего 2% от уровня 2019 г., а в 2022 г. – 2,6% (для сравнения: в мире в 2021 г. международный пассажиропоток упал до 50% в сравнении с 2019 г.).

Даже в «самый пандемийный» 2020 г. численность международных иммигрантов в КНР составляла более 800 тыс. человек. Тем не менее структура и характеристики миграционных потоков претерпевают серьезные изменения.

Так, в сравнении с прошлыми периодами среди иммигрантов значительно возросла доля женщин. Эксперт обратил внимание на то, что уровень образования иммигрантов снизился. Среди целей приезда в Китай главным образом выделяется трудоустройство, а продолжительность проживания демонстрирует средне- и долгосрочную тенденцию к росту.

В настоящее время, когда ситуация с пандемией коренным образом улучшилась, жесткие меры контроля международной миграции постепенно либерализуются, а потому существует настоятельная необходимость в проведении исследований по международной миграции в Китае в постпандемийную эпоху. По мнению докладчика, постоянное повышение уровня экономического развития КНР, огромный потенциал международной иммиграции в соседних азиатских странах, достаточное пространство для приема международных иммигрантов в китайских мегаполисах, а кроме того, возросший спрос на международную рабочую силу стимулируют рост международной иммиграции в Китай. Объемы миграционного притока иностранцев будут только увеличиваться, а потому китайские исследователи считают важным подготовиться к этой волне мигрантов – людей с иной культурой и менталитетом, в том числе – изучать опыт России в сфере контроля, адаптации и интеграции мигрантов.

Особый интерес у российских участников круглого стола вызвали перспективные исследования группы профессора Дуань Чэнжуна, посвященные вьетнамской миграции в КНР. Российские и китайские коллеги договорились об обмене научными результатами.

Ведущий научный сотрудник Отдела правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидат технических наук **А. А. Яник** свое выступление «Адаптивность миграционной политики России (1990–2022): факторы и пределы изменчивости» посвятил анализу этапов в развитии миграционной политики России за тридцать лет и факторов, влияющих на изменения стратегических представлений о значении и рисках миграции.

Основываясь на обширном массиве актов доктринально-целевого и нормативно-правового характера, докладчик показал, что российская миграционная политика развивается в своеобразном «коридоре», заданном двумя приоритетами, которые с точки зрения их важности и ценности являются одинаково значимыми для национальных интересов страны, но на практике меры, которые позволяют достигать этих приоритетов, конкурируют между собой. Эти одинаково значимые приоритеты – интересы национальной безопасности и интересы стимулирования экономического развития в условиях дефицита трудовых ресурсов и демографического кризиса.

А. А. Яник подчеркнул необходимость международного и междисциплинарного сотрудничества в целях получения объективных данных о том, как быстрые (по историческим меркам) колебания курса миграционной политики сказываются на социально-экономических реалиях. Такие исследования нужны также для того, чтобы оценить пределы адаптивности миграционной политики. Речь идет о том, что в условиях неожиданных внешних вызовов миграционная политика может потерять свою субъектность, стать инструментом решения локальных задач. Подобный риск возник в период пандемии COVID-19, когда миграционное регулирование в течение нескольких лет играло подчиненную роль, решая, скорее, санитарные, а не экономические задачи государства. Сейчас настало время оценить и подсчитать, к каким последствиям это привело.

Со-модератор Международного круглого стола, сотрудник Центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, кандидат политических наук **Чжан Чжань** представил доклад «Изменчивость иммиграционной политики Китая 2019–2022 гг. и ее влияние на миграционные потоки».

Докладчик отметил, что в современных условиях единственное, что в мире остается неизменным и определенным, это – изменчивость и неопределенность. В таких условиях невозможно сформировать идеальную политику, которая способна справиться со всеми непредвиденными обстоятельствами, а потому единственное решение – сделать изменчивость частью самой политики, то есть разработать адаптивную политику. Чжан Чжань показал этапы постепенной адаптации управления в Китае, в том числе в сфере миграции, к фактору COVID-19. Он охарактеризовал стратегию управления, предпринятую стране в 2019–2022 гг., известным китайским выражением «переходить через реку, нащупывая камни».

Особое внимание ученый уделил значению развития цифровых технологий как ключевому фактору повышения адаптивности политических стратегий во всех областях, включая управление миграционными потоками. Он также показал, что цифровая трансформация помогает реализовывать задачи проекта Большого залива, в котором важную роль играет город Шэньчжэнь, по привлечению международных талантов, развитию передовой науки и высшего образования. По его мнению, в условиях растущей неопределенности в мире именно безопасная, стабильная и предсказуемая среда станет важным преимуществом Китая в глобальной конкуренции за привлечение выдающихся международных экспертов.

Доктор исторических наук, доцент Северо-Западного Университета (Сиань) **Бай Шэнцзэ** представила коллегам доклад «Анализ дилеммы интеграции курдских иммигрантов в России на примере межэтнических отношений в Республике Адыгея».

На основе исследования масштабной источниковой базы, которая включала и архивные отчеты, Бай Шэнцзэ привела новые данные, характеризующие особенности демографического поведения, культуры и обычаев курдских иммигрантов в Республике Адыгея, показала причины возникновения барьеров и даже конфликтов между курдскими иммигрантами и другими этническими группами, как в Адыгее, так и в России в целом.

Одним из существенных факторов, по мнению докладчицы, является вопрос гражданства. Согласно позиции российского правительства, гражданство курдов должно определяться местом их проживания. Тем не менее многие курды считают, что российское гражданство станет препятствием для их национальной самоидентификации и перспектив возможного становления еще непризнанного курдского государства.

Также внутри самой курдской диаспоры существуют противоречия по поводу стратегий интеграции. Большинство курдов, проживающих в России, настаивает на сохранении своих этнических обычаев и традиций, которые значительно отличаются от обычаев других народов принимающей страны. Курды с трудом осваивают русский язык и оказываются социально изолированными от основного российского общества, которое воспринимает их «чужими», а не «своими». По мнению Бай Шэнцзэ, пассивная интеграция курдов в российское общество все же происходит: этот процесс, хоть и медленный, но непрерывный. В качестве способов ускорения интеграции профессор Бай назвала такие рекомендации, как необходимость для курдской диаспоры повышать открытость, проявлять больший интерес к изучению

русского языка, культуре России и населяющих ее народов, к обучению в школе и получению высшего образования.

Аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **С. С. Ходячих** выступил с сообщением «Пути повышения эффективности адаптации иностранных студентов через использование современных цифровых технологий».

На основе анализа результатов социологического опроса студентов ВШССН МГУ, значительную часть которых составляли учащиеся из Китая (в возрасте 19–29 лет), были сделаны выводы о том, что цифровые технологии серьезно помогают мигрантам взаимодействовать с административным персоналом и преподавателями, адаптироваться к дистанционному обучению. Благодаря новым возможностям студенты способны оперативно реагировать на изменяющуюся миграционную ситуацию, получать нужную информацию, правовую и образовательную помощь. По мнению докладчика, использование цифровых технологий не только способствует повышению эффективности адаптации иностранных студентов, но и дает необходимую обратную связь, что помогает вузам скорректировать цифровые сервисы и создать необходимые условия для повышения качества высшего образования.

Итоги Международного круглого стола позволили российским и китайским коллегам сформулировать новые фундаментальные и прикладные проблемы, требующие углубленного исследования, а также определить перспективные направления сотрудничества в самых разных областях, включая образовательные проекты. Участники высоко оценили роль Соглашения о сотрудничестве между ИДИ ФНИСЦ РАН и Университетом МГУ-ППИ в Шэньчжэне, подписанного 17 марта 2021 г., как основы для развития партнерства между с российскими и китайскими учеными, повышения вклада науки в модернизацию государственного укрепления, укрепления дружбы и взаимопонимания между народами двух стран.

Сведения об авторах:

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент, Центр сравнительного правоведения, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

Контактная информация: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); РИНЦ Author ID: [234638](https://elibrary.ru/234638); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](https://orcid.org/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, исполняющий обязанности директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Чжан Чжань, кандидат политических наук, Центр сравнительного правоведения, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

Контактная информация: e-mail: zhan.zhang@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-8366-9807](https://orcid.org/0000-0001-8366-9807); РИНЦ Author ID: [1118648](https://elibrary.ru/1118648).

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; принята в печать 16.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ADAPTIVE MIGRATION POLICY UNDER THE DIGITAL ECONOMY (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN-CHINESE ROUND TABLE)

Svetlana M. Popova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Zhang Zhan

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

E-mail: zhan.zhang@yandex.ru

For citation: Popova, Svetlana M. Adaptive Migration Policy under the Digital Economy (Based on the Materials of the Russian-Chinese Round Table) / S. M. Popova, M. N. Khramova, Zhang Zhan. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 182-190. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15).

Bio note:

Svetlana M. Popova, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia; Associate Professor, Center for Comparative Law, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

Contact information: e-mail: popova-svetlana@idrras.ru; ORCID ID: [0000-0002-1348-4492](https://orcid.org/0000-0002-1348-4492); RSCI Author ID: [234638](https://www.rsci.ru/author/234638); Web of Science Researcher ID: [N-6922-2013](https://orcid.org/N-6922-2013); Scopus Author ID: [57201667811](https://orcid.org/57201667811).

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Acting Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI Author ID: [126144](https://www.rsci.ru/author/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Zhang Zhan, PhD in Political Science, Center for Comparative Law, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

Contact information: e-mail: zhan.zhang@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-8366-9807](https://orcid.org/0000-0001-8366-9807); RSCI Author ID: [1118648](https://www.rsci.ru/author/1118648).

Received on 19.04.2023; accepted for publication on 16.06.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.2.16](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.16)

EDN [YUZEWU](https://edn.yuzewu.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЕКТА «ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО»

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Демографические и социально-политические аспекты международного проекта «диалоговое партнерство» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 191–198. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.16](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.16). EDN [YUZEWU](https://edn.yuzewu.ru).

Аннотация. В рецензии на избранные произведения Л. С. Рубан в пяти томах проделан анализ исследований в рамках проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции». В первом томе «Миграция и демография» акцент сделан на изучении вынужденной миграции на постсоветском пространстве, ее причин и следствий, направлений и состава миграционных потоков, во многом изменивших принимающие регионы. Во втором томе «Социология и конфликтология» центральное место занимают результаты многолетнего лонгитюда в 12 регионах, характеризующего формирование гражданского сознания трех поколений молодежи: последнего советского, переходного периода и первого постсоветского. Также представлена авторская теория триады политической девиации. В третьем томе «Международные отношения, геополитика и глобалистика» изложены результаты международных экспертных опросов по изучению ситуации в 16 странах АТР в политической сфере, экономике и безопасности для определения эффективных направлений сотрудничества РФ с азиатскими странами в изменившихся условиях. В четвертом томе «Энергетика, инноватика и цифровизация» нашло отражение определяющее влияние энергетики на развитие производственной и социальной сфер, поворота энергетической политики России на Восток. В пятом томе «Безопасность и контртерроризм» изложены наработки профессора Л. С. Рубан по глобальной и региональной безопасности и контртерроризму, актуальной теме современности, когда Российской Федерации приходится противостоять санкциям коллективного Запада, причем тесное взаимодействие с Китаем в целом усиливает позицию России.

Ключевые слова: миграция; демография; социология; политология; конфликтология; международные отношения; геополитика; глобалистика; энергетика; инновации; цифровизация; безопасность; контртерроризм.

Пятитомник является результатом 40-летней научно-исследовательской деятельности доктора социологических наук, профессора Л. С. Рубан и посвящен 35-летию проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»). В пятитомник входят: том 1 «Миграция и демография», том 2 «Социология и конфликтология», том 3 «Международные отношения, геополитика и глобалистика», том 4 «Энергетика, инноватика и цифровизация», том 5 «Безопасность и контртерроризм». Произведение отличается комплексным подходом к анализу демографических и социально-политических процессов, показывает широту научных исследований и высокий профессионализм автора.

Термин «диалоговое партнерство» включает двусторонние отношения между

субъектами, которые основываются на общности интересов двух партнеров, выстраивании взаимоотношений, развитии сотрудничества и конструктивного диалога между ними, что призвано предотвратить возможные конфликты и недопонимание путем совместной работы и мирного урегулирования проблем и позволяет достигнуть эффективного взаимовыгодного сотрудничества [1].

Первый том «Миграция и демография» посвящен анализу вынужденной миграции и конфликтов на постсоветском пространстве с момента распада СССР. Автор детально прослеживает демографические, экономические и социально-политические факторы миграции, направления и последствия миграционных потоков в Евразийском регионе. Один из важнейших сюжетов миграционной темы заключается во всестороннем анализе проблемы интеграции, соблюдения гражданских прав и предотвращения дискриминации мигрантов. Исследование проведено на основе методологии системного анализа. Собранные эмпирические материалы и статистические данные, выводы автора, сделанные на основе их анализа, не утратили своей актуальности. Кроме того, в томе представлены опубликованные документы и фотоиллюстративный материал, который подтверждает достоверность выводов автора.

Л. С. Рубан сконцентрировала внимание на анализе вынужденной миграции из стран Закавказья и Центральной Азии, республик Северного Кавказа, как следствии межнациональных и вооруженных конфликтов. Автор отмечает, что масштабные потоки мигрантов в Кавказском регионе были вызваны также экономическим кризисом, приведшим к сокращению производства, нарушению кооперации между регионами, снижению уровня жизни населения, вынужденному искать лучшей доли в других местах, где мигранты вступали в конкурентные отношения с местным населением, особенно в тех отраслях производства, которые дают быструю и значительную отдачу и наращивание прибыли (различные отрасли бизнеса и торговли).

Особое место принадлежит Астраханской области, принявшей значительные потоки вынужденных мигрантов, исторически многонациональному региону, где на протяжении десятилетий не было столкновений между населявшими его народами, где сложилось оптимальное разделение труда и эффективная межэтническая кооперация [2]. Автор изучает, как миграция в Астраханскую область изменила национальный состав региона, нарушила социально-экономическую иерархию, повлияла на систему социального обеспечения и криминогенную обстановку. Автором рассматривается управленческая проблема эффективного регулирования миграции в контексте отношений местного населения и вынужденных переселенцев.

Л. С. Рубан осуществляла свою исследовательскую работу в тесном контакте с Миграционной службой, Управлением внутренних дел и Администрацией Астраханской области. В регионе были проведены социологические опросы как взрослого населения, так и молодежи. Проведение 30-летнего лонгитюдного исследования позволило проанализировать трансформацию мнений респондентов, их ориентацию на толерантность или конфликтность в сфере межнациональных отношений в трех поколениях (последнего советского периода, переходного и первого постсоветского). Практическим вкладом этих исследований стала помощь в воспитании личности молодого человека, устойчивого к воздействию неблагоприятных жизненных факторов и умеющего преодолевать жизненные трудности, сдерживать конфликтные реакции, способного отстаивать собственные интересы и уважать интересы других, тем самым развивать в молодежной среде умение приходить к культуре согласия и толерантности [3].

Автор не ограничивалась сбором и анализом эмпирических данных. В равной мере был изучен эффективный зарубежный опыт управления миграционными потоками в США, Канаде, Германии, Испании, Франции, Швеции, КНР. В 1995 г. Л. С. Рубан прослушала специализированный курс по проблемам интеграции беженцев в Центре по изучению беженцев Йоркского университета в Торонто в Канаде. На основе полученных знаний и собранных материалов Л. С. Рубан подготовила специальный практический курс по разрешению конфликтов, который был ею адаптирован на разные возрастные и этнические группы и реализован в Москве и регионах Юга России, тем самым ученый внесла свой вклад в стабилизацию межэтнических отношений в российском обществе [4]. При этом полученный опыт был использован Л. С. Рубан в процессе работы в Министерстве национальной политики России и экспертной деятельности по подготовке Послания Президента РФ Федеральному Собранию в 2000 г. За годы плодотворной исследовательской работы Л. С. Рубан сформировала уникальный банк данных о миграции и межнациональных отношениях в Российской Федерации, который представляет большую научную и практическую ценность для анализа и реализации межнациональной и миграционной политики.

В параграфе «Демографическая ситуация в Китае и проблема экономической безопасности» автор рассматривает демографическое развитие КНР. Такой демографический фактор, как огромная численность населения, в свое время сыграл важную роль в превращении Китая в мирового экономического лидера и крупнейшего экспортера промышленных товаров [5]. Одной из главных проблем Китайской Народной Республики стал рост населения с 600 млн человек в 50-е гг. XX в. до 1 млрд 382 млн чел., что обусловило цель жесткой государственной демографической политики (одна семья – один ребенок) – чтобы к 2050 г. удержать численность населения страны в пределах 1,5 млрд чел. Однако сдерживающие рост населения меры ускорили его старение. Если в 2001 г. доля пожилых (старше 60 лет) составляла в Китае 10,4%, то сейчас – 13,3%, доля молодежи (моложе 15 лет) уменьшилась с 23% до 17%. В настоящее время прирост трудоспособного населения (15–60 лет) стал нулевым, причем в каждом последующем поколении его будет еще на 20% меньше, а доля населения старше 65 лет увеличилась более чем на 100 млн человек¹.

Л. С. Рубан отмечает, что в КНР идет активное старение рабочей силы, доля молодежи неуклонно сокращается, и через 20 лет эта доля упадет до четверти всей рабочей силы, в то время как количество людей в возрасте 50–65 лет – не столь энергичных и менее образованных – возрастет и к 2035 г. составит 280 млн. Другая проблема Китая – 170 млн неграмотных, из которых 150 млн живут в бедных сельских уездах (прежде всего женщины среднего и пожилого возраста). Кроме того, качественное изменение структуры китайского населения связано с процессом урбанизации. Уже в 2013 г. доля городского населения достигла 54%, и автор раскрывает роль демографического фактора в развитии такой крупной страны, как КНР².

Второй том «Социология и конфликтология» показывает формирование в России теории конфликта в контексте развития социологии как науки. Автор с теплотой рассказывает о выдающихся российских и зарубежных ученых, у которых она училась

¹ Всеволод Овчинников: Следование лозунгу «Одна семья – один ребенок» в Китае привело к демографическому упадку // Российская газета : [сайт]. 31.03.2010. URL: <https://rg.ru/2010/04/01/kitay.html> (дата обращения: 23.03.2023).

² China Statistical Yearbook 2017 // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm> (accessed on 23.03.2023).

и с которыми ей довелось совместно работать, и перенимать их опыт. Л. С. Рубан обобщает результаты 30-летнего лонгитюда с целью выявления настроений респондентов, формирования этнической идентичности, ориентации на толерантность или конфликт в сфере межнациональных отношений, поиска выхода из конфликтной ситуации и возможности эффективного социального взаимодействия. Также изучался процесс идентификации и целеполагания респондентов, формирования жизненных идеалов молодых людей, потенциала толерантности или конфликтности в сфере межнациональных отношений, умения эффективного социального взаимодействия. Социологические опросы молодежи в полиэтничной среде проводились в нескольких городах России (Астрахань, Барнаул, Грозный, Иваново, Краснодар, Майкоп, Махачкала, Москва, Нальчик, Назрань, Псков, Ставрополь).

Во втором томе представлена авторская теория триады политической девиации, включающая характеристику криминализации политического режима, криминализацию массового сознания и криминализации конфликта, что было ранее показано на примере развития событий в Чечне и подробно описано в монографиях «Чеченский узел кавказского кризиса» (1996) [6] и «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз)» (1998) [2].

Центральное место в *третьем томе «Международные отношения, геополитика и глобалистика»* занимает глубокий многолетний анализ геополитических процессов и глобальных изменений, трансформация ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 1998 г. автор организовала международный исследовательский проект «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»). Разработала собственные методiku и инструментарий, которые использовала на протяжении 18 лет, начиная с 2004 г., в ходе опросов и интервью в 16 странах Азиатско-Тихоокеанского региона: Брунее-Даруссалам, Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Малайзии, Монголии, Мьянме, Непале, Республике Корея, Российской Федерации, Сингапуре, США, Таиланде, Филиппинах и Японии. В качестве экспертов выступали ученые, государственные служащие, бизнесмены, журналисты. Элиты стран Восточной и Юго-Восточной Азии – весьма закрытые структуры. Тем ценнее и уникальнее результаты, которые выявили опросы лиц, принимающих решения и влияющих на взаимоотношения с Россией. Одним из аспектов международных отношений является роль субъективного фактора и его влияние на принятие решений. Л. С. Рубан удалось наладить деловые контакты с экспертами данного региона, что позволяет проводить совместные и плодотворные научные исследования, выявлять их мнение по развитию современной ситуации в АТР. Международные опросы экспертов в странах АТР показывают динамику развития международных отношений и регионального взаимодействия стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их взаимоотношений между собой и Российской Федерацией, дают возможность исследовать уровень безопасности в регионе [7].

Л. С. Рубан удалось создать уникальный банк социологических и статистических данных по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Результаты исследований были изложены в ряде научных статей и серии авторских и коллективных монографий, переданных в Администрацию Президента РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство энергетики РФ, Министерство науки и образования РФ. В томе нашел отражение опыт исследовательской деятельности Л. С. Рубан во время ее стажировок в Германии, Канаде, США, Эстонии, Испании, Греции, Швеции и Финляндии,

а также чтения лекций и проведения тренингов в университетах КНР (Университет Цинхуа, Китайский нефтяной университет, Восточный педагогический университет в Шанхае), университетах Индии (Университет Джавахарлала Неру в Нью-Дели) и Франции (Университет Ниццы София Антиполис).

В **четвертом томе «Энергетика, инноватика и цифровизация»** автор подчеркивает определяющее значение энергетики в производственной и социальной сферах, колоссальный вклад данной отрасли в развитие научно-технического прогресса. Масштабное исследование, проведенное в 16 странах Азиатско-Тихоокеанского региона, позволило получить данные об особенностях экономического, и в первую очередь энергетического развития, стран региона, его ресурсной базе, транспортной системе и логистике, рискам и угрозам, состоянию безопасности, кооперации и взаимодействию с фокусом на поиск оптимальных направлений сотрудничества и эффективного взаимодействия России со странами АТР.

Л. С. Рубан представила прогнозные оценки на развитие энергетической отрасли, разработанные российскими и зарубежными экспертами за последние 20 лет. Такой скрупулезный авторский анализ позволил выявить эффективность прогнозов. При этом подтвердились только два из них: первый, сделанный китайскими специалистами по природному газу, и второй, сделанный корейскими учеными-энергетиками по нефти.

Автор рассматривает процессы внедрения инноваций и цифровизации. Представленный в четвертом томе материал был получен не только в рамках исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Российской Федерации и в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), но с фокусом на Каспийский регион. Уточним: Л. С. Рубан является сопредседателем Совета по научно-техническому и инновационному сотрудничеству в регионе «Наука и инновации Каспия» – межгосударственной, независимой, некоммерческой организации, объединяющей представителей государственных, научных, финансовых, промышленных и общественных организаций с целью развития сотрудничества, разработки и реализации совместных исследовательских программ.

Материалы исследований вводились в научный оборот, публиковались в форме научных статей и монографий, благодаря чему становились доступными научному сообществу. Следует отметить практическую значимость исследований автора, которые основаны на эмпирических данных, содержат глубокие выводы. Результаты исследований оперативно передавались в профильные министерства и ведомства России, Администрацию Президента РФ и Правительство РФ.

В **пятом томе «Безопасность и контртерроризм»** автор рассматривает проблему безопасности и противодействия терроризму как важнейшие политические темы. Отечественные специалисты в сфере безопасности используют более 100 формулировок термина «терроризм», и единого мнения по этому вопросу до сих пор нет. В силу чего освещение автором данной проблемы, скрупулезный сравнительный анализ российских и зарубежных трактовок термина вносит значительный вклад в разработку проблемы.

Л. С. Рубан подчеркивает, что с момента распада Советского Союза в мире произошли глубокие геополитические изменения: геополитический треугольник с ведущим биполярным направлением, выразившийся в противостоянии США-СССР и позицией Китая в качестве балансера, перешел к противостоянию США-КНР и США-РФ. Причем тесное взаимодействие с Китаем значительно усиливает позицию России.

Автор опиралась на опыт исследований в сфере безопасности, который был приобретен в ходе обучения в Центре по изучению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2004 г. (Гонолулу, США) и в Центре по изучению европейской безопасности в Германии (Маршалл-Центр) в 2005 г. (Гармиш-Партенкирхен, Германия) [8].

В заключение необходимо отметить, что избранные произведения Л. С. Рубан в пяти томах представляют собой фундаментальную работу, основанную на масштабных эмпирических исследованиях, подтверждающих широкий кругозор автора и вносят вклад в развитие социально-политических и демографических исследований в России.

Список литературы

1. Ван Ци. XIX российский-китайский круглый стол «Некоторые итоги проекта “Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции” (“Мост между Западом и Востоком)”» / Ван Ци, Л. С. Рубан // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 124–134. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.11). EDN [TMBKNY](#).
2. Рубан, Л. С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах (социологический анализ-прогноз). Москва : ВНИИ МВД, 1998. 250 с. EDN [YRCZSK](#).
3. Рубан, Л. С. Молодежь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации (г. Астрахань и Астрах. обл.) : учебное пособие. Астрахань : Изд-во АГПУ, 1999. 91 с. ISBN 5-88200-394-6. EDN [YSCXDO](#).
4. Рубан, Л. С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность : учебное пособие. Москва : Academia, 2007. 368 с. ISBN 5-82512-060-7. EDN [QOIEAR](#).
5. Рубан, Л. С. Демографическая ситуация в Китае и проблема экономической безопасности // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». Т. 5, № 4 / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 472–479. EDN [WPRVEL](#).
6. Рубан, Л. С. Чеченский узел кавказского кризиса. Москва : б/и, 1996. 227 с.
7. АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005–2019 гг.) : коллективная монография / отв. ред. Л. С. Рубан. Москва : ИСПИ РАН, МГИМО МИД РФ, КНУ, Цинхуа, 2019. 360 с. ISBN 978-5-87532-128-3. EDN [KGGLDA](#).
8. Рубан, Л. С. Международный опыт борьбы с терроризмом / Л. С. Рубан, Н. Самур, С. Раджбир // Женщины против террора : материалы Международной научно-практической конференции / Межрегиональное общественное движение за равноправное участие женщин в управлении обществом «Женщины во власть» ; ред. А. Г. Маслова. Москва : МОД «Женщины во власть», 2005. С. 20–53.

Сведения об авторе:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ Author ID: [77673](#); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](#); Scopus Author ID: [22136228700](#).

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; принята в печать 23.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF THE INTERNATIONAL PROJECT “DIALOGUE PARTNERSHIP”

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

For citation: Ryazantsev, Sergey V. Demographic and Socio-Political Aspects of the International Project “Dialogue Partnership”. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. P. 191–198. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.16](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.16).

Abstract. The review of selected works by Larisa S. Ruban in five volumes presents an analysis of the research within the framework of the project “Dialogue partnership as a factor of stability and integration”. The 1st volume “Migration and Demography” focuses on the study of forced migration in the post-Soviet space, its causes and consequences, the directions and composition of migration flows that have largely changed the host regions. The 2nd volume “Sociology and Conflictology” presents the results of a longitudinal study in 12 regions, characterizing the formation of civic consciousness of three generations of young people: the last Soviet, transitional period and the first post-Soviet generation. Also, the 2nd volume outlines the author’s theory of the triad of political deviation. The 3rd volume “International Relations, Geopolitics and Globalistics” is based on the results of international expert surveys on the situation in 16 countries of the Asia-Pacific region in the political sphere, economy and security in order to determine effective areas for cooperation between the Russian Federation and Asian countries in the new conditions. The topic of the 4th volume “Energy, innovation and digitalization” reflects the decisive influence of energy on the development of production and social spheres, and the turn of Russia’s energy policy to the East. The 5th volume “Security and Counter-Terrorism” presents the research by Professor L. S. Ruban on global and regional security and counter-terrorism, a hot topic of our time, when the Russian Federation has to resist the sanctions of the collective West, while close interaction with China generally strengthens the position of Russia.

Keywords: migration; demography; sociology; political science; conflictology; international relationships; geopolitics; global studies; energy; innovation; digitalization; safety; counterterrorism.

References

1. Qi Wang. XIX Russian-Chinese Round Table “Some Results of the Project ‘Dialogue Partnership as a Factor of Stability and Integration’ (‘Bridge between West and East’)” / Qi Wang, L. S. Ruban. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. P. 124–134. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.11). (In Russ.).
2. Ruban, L. S. *Razvitiye konflikta-konsensusa v polietnichnykh regionakh (sotsiologicheskii analiz-prognoz) [Development of conflict-consensus in multi-ethnic regions (sociological analysis-forecast)]*. Moscow : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, 1998. 250 p. (In Russ.).
3. Ruban, L. S. *Molodezh v polietnichnom regione: vzglyady, pozitsii, oriyentatsii (Astrakhan’ i Astrakhanskaya oblast’) [Youth in a multi-ethnic region: views, positions, orientations (Astrakhan and Astrakhan region)]* : tutorial. Astrakhan : Astrakhan State Pedagogical University Publishing, 1999. 91 p. ISBN 5-88200-394-6. (In Russ.).
4. Ruban, L. S. *Kak razreshat’ konflikty i formirovat’ tolerantnost [How to resolve conflicts and build tolerance]* : tutorial. Moscow : Academia, 2007. 368 p. ISBN 5-82512-060-7. (In Russ.).
5. Ruban, L. S. The Demographic Situation in China and the Problem of Economic Security // *The National Demographic Priorities: Approaches and Measures of Realization*. Series “Demography. Sociology. Economy”. Vol. 5, No. 4 / ed. by RAS Corresponding Member S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya. Moscow : Econ-Inform Publishing House, 2019. P. 472–479. (In Russ.).
6. Ruban, L. S. *Chechenskiy uzel kavkazskogo krizisa [Chechen knot of the Caucasian crisis]*. Moscow, 1996. 227 p. (In Russ.).
7. *ATR glazami ekspertov (mezhdunarodnaya ekspertiza 2005–2019 gg.) [APR through the eyes of experts (international expertise 2005–2019)]* : collective monograph / ed. by L. S. Ruban. Moscow : ISPR RAS, MGIMO University, Renmin University of China, Tsinghua University, 2019. 360 p. ISBN 978-5-87532-128-3. (In Russ.).
8. Ruban, L. S. *Mezhdunarodnyy opyt bor’by s terrorizmom [International experience in combating terrorism]* / L. S. Ruban, N. Samur, S. Rajbir // *Zhenshchiny protiv terrora [Women against terror]* : materials of the International Scientific and Practical Conference / Interregional public movement for the equal

participation of women in the management of the society “Women in power” ; ed. A. G. Maslova. Moscow : IPM “Women in power”, 2005. P. 20–53. (In Russ.).

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI Author ID: [77673](https://www.rsci.ru/author/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Received on 23.03.2023; accepted for publication on 23.05.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Компьютерная верстка: Ирина Александровна Князева

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2023. Том 3. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2023.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>